

**ПРЕВЫШЕ
СВОБОДЫ**



И ЧЕСТИ

**Б.Ф.
СКИННЕР**

Превыше свободы и чести

Б.Ф. Скиннер

Перевод на русский язык: [behaviorist-socialist](#)

Верстка электронной книги: [Игорь Мухин](#)

Содержание

[Глава 1: Технология поведения](#)

[Глава 2: Свобода](#)

[Глава 3: Честь](#)

[Глава 4: Наказание](#)

[Глава 5: Альтернативы наказания](#)

[Глава 6: Ценности](#)

[Глава 7: Эволюция культуры](#)

[Глава 8: Конструирование культуры](#)

[Глава 9: Что это такое - человек?](#)

Глава 1: Технология поведения

Пытаясь решить ужасающие проблемы, которые стоят перед нами в нынешнем мире, мы, естественно, делаем то, что у нас лучше всего получается. Мы применяем то, в чём мы сильны; а наша сила - это наука и техника. Чтобы сдержать демографический взрыв, мы ищем лучшие методы контроля над рождаемостью. Видя угрозу ядерной войны, мы создаём ядерный потенциал сдерживания противника и системы противоракетной обороны. Мы пытаемся предотвратить глобальную угрозу голода новыми сельскохозяйственными культурами и более эффективными способами их выращивания. Улучшение санитарных условий и медицина, как мы надеемся, победят болезни; улучшение жилищных условий и транспортной сети решит проблемы негритянских гетто, а новые методы минимизации и утилизации отходов остановят загрязнение окружающей среды. Мы даже можем констатировать значительные достижения во всех этих областях, и вовсе не удивительно, что мы должны стремиться к их дальнейшему увеличению. Однако положение становится все хуже и хуже, и обескураживает то, что оказывается, что в этом всё более и более повинны сами используемые технологии. Санитария и медицина сделали проблемы роста населения более острыми, война стала ещё более ужасной с изобретением ядерного оружия, а потребительское стремление к благополучию в значительной степени ответственно за загрязнение окружающей среды. Как сказал Дарлингтон:

"Каждый новый источник, из которого человек черпает своё могущество на земле, всегда использовался так, что перспективы для следующих поколений суживаются. Весь его прогресс был достигнут за счет ущерба для окружающей среды, который он не может возместить и не мог предвидеть."

Независимо от того, можно ли было предвидеть этот ущерб или нет, человек должен возместить его, или он потеряет всё. И он сможет сделать это, лишь если он поймёт суть проблемы. Применение физических и биологических наук не решит наших задач, потому что решения лежат в совсем иной области. Лучшие противозачаточные средства сдержат рост населения, только если люди будут ими пользоваться. Новые системы оружия смогут преодолеть новые средства защиты от них и наоборот, но ядерная катастрофа будет предотвращена только тогда, когда будут устранены условия, при которых государства затевают войну. Новые методы сельского хозяйства и медицины не помогут, если их не будут применять на практике, а жилищный вопрос - дело не только строительства и планирования городов, но и образа жизни людей. От перенаселенности можно избавиться, лишь поощряя людей не селиться скученно, а окружающая среда будет деградировать до тех пор, пока люди не откажутся от деятельности, загрязняющей её.

Короче говоря, мы должны сделать огромные изменения в поведении человека, и мы не сможем сделать это лишь с помощью физики или биологии, независимо от того, как бы мы ни старались. (Есть ведь ещё и другие проблемы, такие как кризис нашей системы образования и недовольство и бунтарство молодежи, к которым физические и биологические технологии столь очевидно не имеют ни малейшего отношения, что их никогда не пытались применять.) Вовсе не достаточно "использовать технологии с более глубоким пониманием человеческих проблем", или "поставить технологии на службу духовным потребностям человека", или "побуждать технологов к тому, чтобы они занимались проблемами человечества." Из таких выражений следует, что там,

где начинается человеческое поведение, технология кончается, и тут мы должны продолжать, как это делалось и прежде, полагаясь на то, что нам известно по личному опыту, или на хранилище опыта людей прошлого, называемое историей, или на те концентраты человеческого опыта, которые можно найти в народной мудрости и эмпирических правилах. Всё это было доступно уже много столетий, и все, что можно показать как результат - это нынешнее положение дел в мире.

Чего нам не хватает, так это технологии поведения. Мы могли бы решить наши проблемы очень быстро, если бы можно было регулировать рост населения мира столь же точно, как мы корректируем орбиту космического корабля, или улучшать состояние сельского хозяйства и промышленности хотя бы с долей той уверенности, с которой мы ускоряем элементарные частицы до высоких энергий, или двигаться в направлении мира во всем мире с чем-то похожим на тот постоянный прогресс, с которым идет приближение к абсолютному нулю температуры (хотя обе цели, похоже, так и останутся недоступными). Однако для этого у нас нет технологии управления поведением, сопоставимой по силе и точности с технологией физики и биологии; более того, тех, кто не считает саму возможность этого смехотворной, она скорее ужасает, чем обнадеживает. Вот насколько мы еще далеки от "понимания человеческих проблем" в том смысле, в котором физика и биология понимают проблемы в своей собственной сфере, и насколько мы далеки от способности предотвратить ту катастрофу, к которой мир, по-видимому, неумолимо движется.

Можно сказать, что две с половиной тысячи лет назад человек понимал себя в той же мере, как и любую часть окружающего мира. Сегодня он способен понимать себя самого хуже, чем что-либо иное. Физика и биология прошли большой путь прогресса, однако никакого подобного этому развития чего-то вроде науки о поведении человека так и не было. Физика и биология древней Греции представляют сейчас разве что исторический интерес (ни один современный физик или биолог не обратится к Аристотелю за помощью), а вот диалоги Платона по-прежнему преподают студентам и цитируют, как будто бы они проливают свет на поведение человека. Аристотель не смог бы понять и страницу нынешнего учебника физики или биологии, но Сократ и его друзья имели бы лишь минимальные затруднения с пониманием новейших ученых дискуссий по гуманитарным вопросам. А что касается технологии, то мы достигли огромных успехов в управлении физическими и биологическими процессами, но вот прогресс нашей практической деятельности в сферах государства, образования и большей части экономики, пусть и адаптированной к самым разнообразным условиям, не особо велик.

Мы вряд ли можем объяснить это, заявив, что древние греки знали все, что нужно знать о человеческом поведении. Конечно, они знали о нем больше, чем они знали о физическом мире, но это было воистину мизерное знание. Кроме того, их способ мышления о поведении человека, очевидно, был присущ роковой дефект. В то время как древнегреческая физика и биология, несмотря на всю свою примитивность, в конечном итоге привела к современной науке, древнегреческие теории человеческого поведения завели нас в никуда. И если они и сегодня довлеют над нами, то это не потому, что они содержали какую-то вечную истину, а потому, что они не содержали семян ничего лучшего.

Конечно, любой может утверждать, что человеческое поведение - это особенно сложная "материя". Это действительно так, и мы особенно склонны так думать именно потому, что мы столь некомпетентны в ней. Но современная физика и биология успешно занимаются

предметами, которые отнюдь не проще, чем многие аспекты поведения людей. Разница в том, что инструменты и методы, которые они используют, соразмерны сложности поставленных задач. Но тот факт, что инструменты и методы соответствующей мощности недоступны в области исследования человеческого поведения - это ещё не всё объяснение, а только его часть. Да разве полет человека на Луну осуществить действительно проще, чем повысить качество обучения в наших общеобразовательных школах? Или построить для всех лучшее жильё, достойное человека? Или предоставить всем полезную хорошо оплачиваемую работу и, как следствие, дать им более высокий уровень жизни? Вопрос тут не в выборе приоритетов, потому что никто не осмелился бы сказать, что куда важнее всего этого добраться до Луны. Нет, захватывающая суть полёта на Луну - это то, что он стал осуществим. Наука и технология достигли уровня, на котором с помощью одного большого рывка вперёд это можно было сделать. Но в отношении проблем, связанных с поведением человека, вовсе нет подобного энтузиазма. Нам ещё далеко до их решения.

Проще всего сделать вывод, что в человеческом поведении должно быть что-то такое, что делает научный анализ, и, следовательно, эффективную технологию невозможными. Но мы всё ещё ни в коем случае не исчерпали возможности для этого. Напротив, есть даже подозрение, позволяющее заявить, что научные методы едва ли были применены в исследовании поведения человека. Да, использовались инструменты науки; что-то высчитывалось, измерялось и сравнивалось; однако что-то важное для научной практики напрочь отсутствует почти во всех современных дискуссиях о человеческом поведении. Это имеет прямое отношение к нашему пониманию причин поведения. (Термин "причина" теперь редко употребляется в серьёзных научных трудах, но тут его вполне можно использовать.)

Первое знакомство человека с причинами, вероятно, происходит из опыта его собственного поведения: предметы перемещаются, когда он ими двигает. Если перемещаются другие предметы, то это оттого, что ими кто-то двигает, и если движителя не видно, то это потому, что он невидим. Древнегреческие боги служили в этой роли причин физических явлений. Они обычно находились вне движимых ими предметов, но порой могли вселиться в них, делая их "одержимыми". Физика и биология вскоре отказались от объяснений такого рода и обратились к более полезным видам причин, но этот шаг так и не был предпринят в отношении человеческого поведения. Разумные люди теперь уже не верят, что бывает "одержимость" демонами (хотя изгнание бесов иногда практикуется, и ссылки на демоническое снова появились в опусах психотерапевтов), но поведение людей все ещё обычно приписывается некоему обитающему внутри них "действующему началу". Например, говорят, что малолетний преступник страдает от дефектов личности. Так выражаться имело бы смысл лишь в том случае, если бы "личность" была чем-то отличным от тела, которое-то и попало в переделку. Это различие выясняется, когда начинают рассуждать, что одно тело якобы содержит несколько личностей, которые управляют им по-разному в разные моменты. Психоаналитики постулировали три таких личности - "Я - Ego", "Сверх-Я - Super-Ego" и "Оно - Id" - и утверждают, что взаимодействия между ними ответственны за поведение человека, в котором они якобы "обитают".

Хотя физика впоследствии перестала персонифицировать предметы подобным образом, это продолжалось в течение долгого времени, когда утверждалось, что у предметов будто бы есть воля, импульсы, чувства, намерения и другие частные атрибуты обитающего в них "движителя". Согласно Баттерфилду, Аристотель утверждал, что тело при падении ускоряется потому, что оно всё более и более ликует, оказываясь всё ближе и ближе к своей цели, а более поздние

авторитеты схоластики полагали, что ядро движет некий "импульс", который иногда называли "стремительностью - impetuosity". От всего этого в конечном итоге отказались, и правильно сделали, однако науки о поведении до сих пор объясняют его подобными внутренними "сущностями". Никого не удивляет, когда говорят, что человек, принося хорошие новости, шагает быстрее, потому что он чувствует ликование, или действует неосмотрительно из-за своей импульсивности, или упорно придерживается одного и того же образа действий из-за своей силы воли. Неосторожные телеологические высказывания о "целях" по-прежнему можно найти в физике и биологии, но стандартная практика уже избавилась от них; напротив, почти всеми человеческое поведение приписывается намерениям, планам, целям и задачам. Если всё еще возможен вопрос, может ли автомат иметь цель деятельности, то этот вопрос подразумевает (и это надо подчеркнуть): может ли он в этом быть подобным человеку.

Физика и биология отошли подальше от персонифицированных причин, когда они начали приписывать поведение вещей сущностям (началам), качествам или их природе. Для средневекового алхимика, например, некоторые из свойств вещества могли быть связаны с "меркуриальной" (ртутной) сущностью, и вещества сравнивали согласно тому, что можно назвать "Химией индивидуальных различий." Ньютон жаловался на привычку своих современников: "Если нам говорят, что каждый род вещей наделен сокровенным специфическим качеством, благодаря которому он действует и производит явные эффекты, то этим по сути не говорят ничего." (Сокровенные качества - это пример гипотез, которые отвергал Ньютон, заявляя: "Гипотез не сочиняю - Hypotheses non fingo", хотя ему самому не всегда удавалось следовать этому девизу.) Биология продолжала ещё в течение длительного времени ссылаться на "природу" живых существ, и даже не отказалась полностью от концепции "жизненной силы" вплоть до XX века. Поведение, однако, по-прежнему приписывают "человеческой природе", и существует велеречивая "Психология индивидуальных различий", в которой людей сравнивают и описывают в категориях черт характера, способностей и навыков.

Почти все, кто имеет дело с человеческими делами - политологи, философы, литераторы, экономисты, психологи, лингвисты, социологи, богословы, антропологи, педагоги и психотерапевты - продолжают говорить о человеческом поведении таким вот донаучным образом. Каждый выпуск ежедневных газет, журналов, профессиональной периодики и любая книга, имеющая какое-либо отношение к человеческому поведению, дадут нам обилие примеров. Нам говорят, что для управления численностью населения мира мы должны изменить *отношение* к детям, преодолеть *гордость* числом потомства в семье или половой потенцией, обрести определенное *чувство ответственности* по отношению к потомству, и уменьшить роль, которую играет многодетность семьи в преодолении *забот* старости. Мол, борясь за дело мира, мы имеем дело с *волей к власти* или *параноидальными заблуждениями* властителей, и мы якобы должны помнить, что войны начинаются в *умах* людей, что якобы есть нечто самоубийственное в *природе человека* - наверно, *инстинкт смерти*, который приведет к войнам, и что человек является агрессивным по *своей природе*. Для решения проблем бедных, мы мол, должны прививать им *самоуважение*, поощрять *инициативу* и уменьшать *чувство безысходности*. Чтобы преодолеть недовольство молодежи, мы должны дать ей *смысл жизни* и уменьшить её *чувство отчуждения* или *безнадежности*. Понимая, что у нас нет эффективных способов достичь что-либо из этого, мы сами можем испытать *кризис веры* или потерять *веру в себя*, которую можно якобы восстановить лишь путем возвращения к *вере во внутреннюю силу личности*. Всем этим нас пичкают ежедневно, и почти никто не ставит это под сомнение. Однако, ничего подобного нет в современной физике или большей части биологии, и этот факт

вполне может служить объяснением того, почему наука и технология поведения так сильно отстали.

Обычно предполагают, что "бихевиористские" возражения против идей, чувств, черт характера, воли и так далее, относятся к тому материалу, из которого они якобы сделаны. Некоторые проклятые вопросы о "природе сознания", разумеется, дебатировались на протяжении уже более чем двух с половиной тысяч лет, и до сих пор остаются без ответа. Как, например, может сознание двигать телом? Это продолжается и поныне; в 1965 году Карл Поппер мог поставить вопрос таким образом: "Мы хотим понять то, как такие нематериальные вещи, как *цели, раздумья, планы, решения, теории, сомнения и ценности* могут играть свою роль в осуществлении материальных изменений в материальном мире." И, конечно, мы также хотим знать, откуда берутся эти нематериальные вещи. На этот вопрос у древних греков был простой ответ: от богов. Как Доддс отметил, древние греки веровали, что если человек вел себя глупо, то это было оттого, что враждебный ему бог вселил *ἄτη* (страсть) в его груди. А дружелюбный бог мог дать воину дополнительное количество *μένος*, с помощью которого тот будет блестяще сражаться. Аристотель думал, что в мысли есть что-то божественное, а Зенон считал, что разум *и есть бог*.

Мы не можем продолжать сегодня в том же духе, поэтому самой распространенной альтернативой является ссылка на предшествующие материальные явления. Общечеловеческие качества, этот продукт эволюции человеческого рода, как утверждают, объясняют часть работы его сознания, а остальную часть - история его личного опыта. Например, из-за (материальной) конкуренция в ходе эволюции люди теперь имеют (нематериальное) чувство агрессивности, которое приводит к (материальным) актам враждебности. Или же (физическое) наказание, которому подвергается маленький ребенок, когда его поймают за сексуальными играми, производит (нефизическое) чувство страха, которое препятствует его (физическому) сексуальному поведению в зрелом возрасте. Этот нематериальный, нефизический этап, очевидно, простирается на длительные периоды времени: агрессия уходит корнями в миллионы лет эволюционной истории, и страх, пережитый в детстве, гнетет даже до старости.

Проблему перехода от одного вида явлений к другому можно было бы избежать, если бы все они были либо ментальными (душевными), либо физическими, и обе эти возможности имели своих сторонников. Некоторые философы пытались удержаться в этом мире души, утверждая, что реален только непосредственный опыт, и экспериментальная психология началась как попытка обнаружить психические законы, которые регулируют взаимодействия между психическими явлениями. Современные "внутрипсихические" теории психотерапии рассусоливают то, как одно чувство приводит к другому (как, например, разочарование порождает агрессию), как чувства взаимодействуют, и как изгнанные из сознания чувства пробираются в него обратно. Противоположную позицию, утверждающую, что душевный этап в действительности является физическим, занял, как ни странно, Фрейд, считавший, что физиология в конечном счете объяснит работу психики. В подобном духе, многие физиологи-психологи продолжают безудержно рассуждать о состояниях сознания, чувствах и так далее, в надежде на то, что это лишь вопрос времени, когда мы поймем их физическую природу.

Размеры мира сознания и переходы из одного мира в другой не могут не вызывать обескураживающих проблем, но обычно их удаётся игнорировать, и это, по-видимому, удачная стратегия, потому что более важное возражение против ментализма (когнитивизма) совсем

иного рода. (У менталистов) мир сознания заслоняет собой всё остальное. (Реальное) поведение не признается в качестве предмета самостоятельного исследования. В психотерапии, например, ненормальности, которые человек делает или говорит, почти всегда считаются лишь симптомами, и по сравнению с теми захватывающими драмами, которые якобы разыгрываются в глубинах психики, само поведение кажется всего лишь поверхностным явлением. В лингвистике и литературоведении то, что человек говорит, почти всегда рассматривается как выражение идей и чувств. В политологии, богословии и экономике, поведение обычно рассматривается в качестве материала, из которого делаются выводы об отношениях, намерениях, потребностях и так далее. На протяжении более чем двух с половиной тысяч лет жизни "души" уделялось самое пристальное внимание, но только в самое последнее время делаются попытки исследовать поведение человека как нечто большее, чем просто побочное явление.

Условиями, от которых зависит поведение, тоже пренебрегают. Менталистское (когнитивистское) объяснение пресекает любое любопытство. Мы видим этот эффект в обычном разговоре. Если мы спросим кого-нибудь: "Почему вы ходили в театр?" и он ответит: "Потому, что мне захотелось", мы склонны принимать такой ответ как своего рода объяснение. Было бы гораздо корректнее узнать, что происходило, когда он ходил в театр в прошлом, или что он слышал или читал о пьесе, которую он пошел посмотреть, или какие другие явления в его прошлой или нынешней жизни могут побудить его сходить в театр (вместо того, чтобы заняться чем-то другим), но мы удовлетворяемся этим "Потому, что мне захотелось" как своего рода резюме всего этого, и не склонны расспрашивать далее.

Профессиональные психологи часто останавливаются в той же точке. Много лет назад Уильям Джеймс исправил общераспространенное заблуждение о связи между чувствами и действиями, утверждая, например, что мы не убегаем, потому что мы боимся, а боимся, потому что мы убегаем. Другими словами, то, что мы чувствуем, когда мы чувствуем страх - это наше поведение, то же самое поведение, которое согласно традиционной точке зрения выражает чувство и объясняется им. Но сколько людей из тех, кто обдумывали аргумент Джеймса, заметили, что на самом деле нет никакого указания на предшествующее событие? Равно как и то, что это "потому что" вовсе не следует принимать всерьез. И вообще не объясняется то, почему мы убегаем и чувствуем страх.

Если мы считаем, что объясняем чувства, или говорим, что чувства являются причиной поведения, то мы уделяем слишком мало внимания предшествующим обстоятельствам. Психотерапевт узнаёт о ранних годах жизни своего пациента почти исключительно из его воспоминаний, которые, как известно, не внушают доверия, и он может даже утверждать, что якобы важно не то, что на самом деле произошло, а то, что пациент помнит. В психоаналитической литературе, пожалуй, на каждый случай эпизода с действительным наказанием, к которому можно проследить чувство страха, приходится по меньшей мере сто упоминаний о случаях, когда лишь чувствовался страх. Даже, кажется, предпочитают сообщать о таких эпизодах в прошлом, которые теперь уже явно не актуальны. В настоящее время существует громадный интерес, например, к рассуждениям о том, что якобы должно было происходить в ходе эволюции человеческого рода, для объяснения нынешнего поведения людей, и об этом, кажется, с особой уверенностью говорят лишь потому, что о том, что происходило на самом деле, можно только догадываться.

Не имея возможности понять, как и почему человек, которого мы видим, ведет себя так, а не

иначе, мы приписываем его поведение "личности", которую мы не видим, и чье поведение мы также не можем объяснить, но о котором мы не склонны задавать вопросы. Мы, вероятно, усвоили эту стратегию не столько из-за недостатка интереса или настойчивости, сколько из-за давнишней убежденности, что для большей части человеческого поведения *нет* соответствующих эпизодов в прошлом. Функцией "внутреннего человека" ("души") является давать объяснения, которые в свою очередь не требуют объяснения. Все объяснения останавливаются на нем. Он, следовательно, вовсе не посредник между пережитым в прошлом и нынешним поведением, а центр, от которого исходит поведение. Он - инициатор, который начинает и творит, и делая это он остается, каким был для древних греков - божественным. Нам говорят, что он автономен, ну а с точки зрения науки о поведении это означает, что он - чудо, таинство.

Эта позиция, конечно, уязвима. Автономная "душа" служит только для того, чтобы объяснять явления, которые мы еще не в состоянии объяснить другими способами. Ее существование зависит от нашего невежества, и она, естественно, теряет свой статус, когда нам удаётся узнать побольше о поведении. Задача научного анализа - объяснить, как поведение человека как физической системы связано с условиями, в которых шла эволюция человеческого рода, и с условиями, в которых живёт данная личность. Исключая возможность наличия некоего сверхестественного или творческого вмешательства, эти события должны быть связаны между собой, и тогда никакого вмешательства не нужно. Обстоятельства выживания вида, ответственные за генетическую наследственность человека, будут генерировать тенденцию действовать агрессивно, а не агрессивные чувства. Наказание сексуального поведения изменяет *само сексуальное поведение*, а какие-то чувства, которые при этом могут возникнуть, в лучшем случае являются побочным явлением. Наш век не страдает от страха, а от страшных событий, преступлений, войн и других опасных и болезненных вещей, которым столь часто подвергаются люди. Молодежь бросает школу, отказывается работать, и общается только со сверстниками не потому, что она чувствует себя отчужденной, а из-за социально патологической среды дома, в школе, на производстве и вообще везде.

Нам тут пора вступить на путь, пройденный физикой и биологией, и обратиться непосредственно к отношениям между поведением и окружающей средой, пренебрегая гипотетическим посредничеством состояний сознания. Физика не продвинулась вперед, созерцая ликование падающего тела, а биология - природу духов витализма, и нам незачем ждать откровений о том, каковы на самом деле личность, состояния психики, чувства, черты характера, планы, цели, намерения, или другие атрибуты автономного человека ("души") для того, чтобы делать научный анализ поведения.

Конечно, есть причины того, почему нам понадобилось так много времени, чтобы дойти до этого. Предметы изучения физикой и биологией ведут себя не так, как люди, и в конечном итоге довольно смешно говорить о ликовании падающего тела или устремлении ядра; но люди ведут себя как люди, и внешний человек, чье поведение надо объяснить, может быть очень даже похож на "внутреннего человека", чьим поведением якобы объясняется поведение внешнего. Внутренний человек ("душа") был создан по образу и подобию внешнего.

Более важная причина в том, что порой кажется, что внутреннего человека можно наблюдать непосредственно. Мы должны воображать себе ликование падающего тела, но разве мы не *чувствуем* своего собственного ликования? Мы на самом деле чувствуем происходящее под

нашей собственной кожей, но мы не чувствуем вещей, которые были изобретены для объяснения поведения. Одержимый человек не чувствует обуявшего его *демона*, и скорее всего даже отрицает его существование. Малолетний преступник не чувствует своей *дефективной личности*. Умный человек не чувствует своей *интеллигентности*, а нелюдим - своей *интровертированности*. (И в самом деле, нам говорят, что эти параметры сознания или характера можно наблюдать только с помощью сложных статистических приемов.) Говорящий человек не чувствует *грамматические правила*, которые, как нам говорят, он применяет, составляя предложения, и люди говорили "грамматически правильно" за тысячи лет до того, как кто-то открыл существование таких правил. Отвечающий на вопросы анкеты не чувствует никаких *отношений* или *мнений*, которые якобы побуждают его расставлять крестики определенным образом. Мы чувствуем определенные состояния наших тел, связанные с поведением, но, как указывал Фрейд, мы ведем себя точно так же, когда мы их не чувствуем; они являются побочными явлениями и их не надо ошибочно считать причинами поведения.

Но есть ещё более важная причина того, почему мы так медлили отвергнуть менталистские (когнитивистские) объяснения: им было трудно найти альтернативу. Предположим, что мы должны искать их во внешнем мире, но роль окружающей среды всё ещё далеко не ясна. История эволюционных теорий иллюстрирует эту проблему. До девятнадцатого века окружающая среда мыслилась просто как пассивная сцена, на которой зародилось много различных видов организмов, которые воспроизводили себя и вымирали. Никто не подозревал, что именно окружающая среда ответственна за *существование* множества различных видов (этот факт, что следует подчеркнуть, приписывался "промыслу творца"). Вся беда в том, что окружающая среда действует незаметным образом: она не толкает или тянет, она *селектирует*. На протяжении тысячелетней истории человеческой мысли процесс естественного отбора оставался не замеченным, несмотря на его чрезвычайную важность. Когда он был в конце концов обнаружен, то он, конечно, стал ключевым аспектом эволюционной теории.

Влияние окружающей среды на поведение оставалось непонятым еще дольше. Легко видеть, что организмы делают с окружающим их миром, как они берут из него то, что им нужно, и избегают существующие в нем опасности, но намного труднее увидеть то, как мир воздействует на них. Декарт был первым, кто предположил, что окружающая среда может играть активную роль в детерминации поведения, и он, по-видимому, смог сделать это только потому, что получил явный намёк. Он знал, что в Королевских садах Франции есть несколько автоматов, которые приводятся в действие гидравлически скрытыми клапанами. Декарт писал, что люди, входящие в сады "неизбежно наступают на определенные плиты вымощенных дорожек, которые расположены таким образом, что когда они подходят к купающейся Диане, они вызывают то, что она прячется за кустами роз, а если они пытаются следовать за ней, то они вызывают то, что навстречу им выступает Нептун, угрожающий им своим трезубцем." Эти статуи были забавны именно потому, что они вели себя как люди, и поэтому оказалось, что нечто очень похожее на поведение человека может быть объяснено чисто механически. Декарт понял этот намек так: живыми организмами могут двигать подобные причины. (Он исключил человеческий организм, по-видимому для того, чтобы избежать конфликтов с религией.)

Иницирующее поведение действие окружающей среды стали называть "стимулом" - от латинского слова "кнут", действие организма "реакцией", а их совокупность назвали "рефлексом". Рефлексы впервые были продемонстрированы на мелких обезглавленных животных, таких как саламандры, и важно то, что этот принцип воспринимался в штыки в

течение девятнадцатого века, потому что он, как тогда казалось, отрицает существование некоего автономного действующего начала - так называемой "души спинного мозга" - которому приписывали ответственность за движения обезглавленного тела животного. Когда Павлов продемонстрировал, как новые рефлексы могут быть выработаны путем кондиционирования, была рождена целая психология стимула-реакции, в которой все поведение объяснялось как реакции на стимулы. Один писатель сказал об этом так: "Всю нашу жизнь нас подталкивают или стегают кнутом." Модель стимул-реакция никогда не была очень убедительной, да она и не решила основной проблемы, потому что была вынуждена изобрести нечто вроде "внутреннего человека" для того, чтобы преобразовывать стимулы в реакции. Теория информации наткнулась на ту же проблему, когда ей пришлось изобретать внутренний "процессор" для преобразования входа в выход.

Но действие дискриминантного стимула относительно легко наблюдать, и поэтому не удивительно, что гипотеза Декарта занимала доминирующее положение в теории поведения в течение длительного времени, но это было ложный путь, от которого научный анализ поведения только сейчас оправился. Окружающая среда не только подталкивает или погоняет, она *селектирует* (поведение). Ее роль аналогична той, которую она играет в естественном отборе, пусть и в совершенно иных временных масштабах, и она не замечалась по той же причине. Теперь стало ясно, что мы должны принимать во внимание не только то, что окружающая среда делает с организмом до того, как он отреагирует, но и то, что она делает *после* этого. Акты поведения формируются и поддерживаются вызываемыми ими *последствиями*. После того, как этот факт был осознан, мы смогли сформулировать взаимодействие между организмом и окружающей средой гораздо более всеобъемлющим образом.

В результате мы получаем два важных вывода. Один из них касается фундаментального анализа. Поведение, которое воздействует на окружающий мир, вызывая последствия ("оперантное" поведение) можно изучать, конструируя окружающую среду, в которой от него зависят конкретные последствия. Изучаемые следственные взаимосвязи постоянно становились всё сложнее, и постепенно становилось ясно, что ими объясняются все те функции, которые ранее приписывались личности, состояниям сознания, чувствам, чертам характера, целям и намерениям. Второй вывод имеет практическое значение: среда может использоваться для манипулирования (поведением). Если генетическую наследственность человека можно изменить только очень медленно, то изменения в окружающем личность мире могут иметь быстрые и драматические последствия. Технология оперантного поведения, как мы увидим, уже достаточно хорошо развита, и ей может оказаться по плечу решение наших нынешних проблем.

Из-за этой возможности возникает другая проблема, которая должна быть решена, если мы хотим воспользоваться нашими преимуществами. Мы сделали прогрессивный шаг, развенчав "автономную личность", но она не ушла с миром. Она ведет своего рода арьергардные бои, для которых, к сожалению, она смогла получить сильнейшую поддержку. Она по-прежнему является важной фигурой в политологии, юриспруденции, религии, экономике, антропологии, социологии, психотерапии, философии, этике, истории, образовании, воспитании детей, лингвистике, архитектуре, градостроительстве и семейной жизни. Эти области имеют своих специалистов, и каждый специалист имеет свою теорию, и почти в каждой теории автономность личности считается бесспорной. "Внутреннему человеку" ("душе") не страшны данные, полученные при случайных наблюдениях или исследованиях структуры поведения, и многие из этих областей имеют дело только с группами людей, когда статистические или

анкетные данные имеют ограниченное воздействие на индивида. Результатом является огромный перевес традиционного "знания", которое надо исправить или заменить результатами научного анализа.

Две особенности автономной личности являются особенно опасными. С традиционной точки зрения, человек свободен. Он является автономным в том смысле, что у его поведения нет (внешних) причин. Поэтому он несет ответственность за то, что делает, и его справедливо наказывать за проступки. Эта точка зрения, вместе со всеми связанными с ней практическими последствиями, должна быть пересмотрена после того, как научный анализ открыл неожиданные отношения управления между поведением и окружающей средой. Конечно, определенная мера внешнего управления допускалась. Теологи признали тот факт, что человеку должно быть предопределено делать то, что всезнающий бог знает, что он будет делать, и у древнегреческих драматургов любимой темой была неумолимая судьба. Прорицатели и астрологи часто утверждают, что могут предсказать, что люди будут делать, и их услуги всегда пользовались спросом. Биографы и историки искали "влияний" в жизни людей и народов. Народная мудрость и прозрения таких эссеистов, как Монтень и Бэкон, указывают на некоторую предсказуемость человеческого поведения, о которой также свидетельствуют статистические и анкетные данные социологических исследований.

(Фикция) автономной личности выживает вопреки всему этому потому, что является счастливым исключением. Богословы примирили предопределение со свободой воли, и древнегреческие зрители, растроганные представлением о неизбежной судьбе, выходили из театра свободными людьми. Ход истории изменяется смертью лидера или штормом в море, а жизненный путь изменяется под влиянием учителя или любви, но такие вещи случаются далеко не с каждым, и они не влияют на всех одним и тем же образом. Некоторые историки сотворили добродетель из непредсказуемости истории. Статистические данные легко игнорировать; мы читаем, что сотни людей будут убиты в дорожно-транспортных происшествиях в праздничный уик-энд - и сами пускаемся в путь, как будто лично нас это не касается. Наука о поведении слишком слабо пытается воскресить "призрак предсказуемого человека." Напротив, многие антропологи, социологи и психологи используют свои специальные знания, чтобы доказывать, что человек свободен, целеустремлён, и ответственен. Фрейд был детерминист - на основании веры, а не фактических данных, - но многие фрейдисты, не колеблясь, заверяют своих пациентов, что они могут свободно выбирать между различными вариантами действий и в долгосрочной перспективе являются творцами собственной судьбы.

Эта лазейка постепенно закрывается по мере того, как обнаруживаются новые доказательства предсказуемости поведения человека; личная свобода от полного детерминизма испаряется по мере прогресса научного анализа, в особенности в отношении объяснения поведения индивида. Джозеф Вуд Кратч признаёт статистические факты, даже настаивая на личной свободе: "Мы можем предсказать с большой точностью, сколько людей придут на морской пляж в день, когда температура достигнет определенного значения, и даже то, сколько людей бросится вниз с моста ... хотя ни я, ни вы, не видим необходимости сделать ни то, ни это. " Но он вряд ли сможет отрицать, что те, кто идут на берег моря, имеют для этого весомую причину, равно как и то, что обстоятельства жизни самоубийцы имеют определенное влияние на то, что он прыгнет с моста. Делаемое им различие кажется разумным лишь постольку, поскольку слова вроде "необходимость" намекают на особенно явную насильственность управления поведением. А научный анализ, естественно, движется в направлении выяснения всех видов отношений,

управляющих поведением.

Подвергая сомнению управление поведением, якобы осуществляемое автономной личностью, и демонстрируя управление, осуществляемое окружающей средой, наука о поведении этим, кажется, ставит под вопрос человеческое достоинство и честь. Личность несет ответственность за свое поведение, причем не только в том смысле, что ее могут справедливо обвинить или наказать, если она ведет себя плохо, но также и в том смысле, что её достижения требуют признания и восхищения. А научный анализ переносит и заслуги, и вину на окружающую среду, в результате чего традиционное отношение к ним становится неоправданным. Это - радикальные изменения, и те, кто предан традиционным теории и практике, естественно, противодействуют им.

Существует и третий источник неприятностей. Когда причина переносится на среду, то индивидуум, кажется, подвергается совершенно новой опасности. Кому надлежит управлять поведением при помощи окружающей среды и с какой целью? Автономная личность, казалось бы, сама управляет собой в соответствии с внутренним набором ценностей; она делает лишь то, что считает хорошим. Но что сочтет хорошим этот гипотетический манипулятор поведением других, и будет ли это хорошо для тех, кем он управляет? Ответы на вопросы такого рода, как говорят, конечно, относятся к оценочным суждениям.

Свобода, достоинство и ценности являются важнейшими темами, и к сожалению, они обретают всё более критическое значение, поскольку сила технологии поведения становится всё более соизмеримой с проблемами, которые ей предстоит решить. Само изменение, которое принесло нам некоторую надежду на решение, несёт ответственность за растущую оппозицию против предлагаемого способа решения. Этот конфликт сам по себе является проблемой поведения человека и подход (к его разрешению) может быть лишь соответствующий. Наука о поведении отнюдь не так хорошо разработана, как физика или биология, но её преимущество в том, что она может пролить свет на свои собственные трудности. Наука является человеческим поведением, равно как и оппозиция науке. То, что произошло в борьбе человека за свободу и достоинство, и какие проблемы возникают, когда научное знание начинает играть роль в этой борьбе? Ответы на эти вопросы могут помочь расчистить путь для технологии поведения, в которой мы так остро нуждаемся.

Далее (в книге) эти вопросы обсуждаются "с научной точки зрения", но это не значит, что читателю необходимо знать детали научного анализа поведения. Для него достаточно упрощенной интерпретации. Однако суть такой интерпретации легко понять. Мы часто говорим о том, что мы не можем наблюдать или измерять с точностью, требуемой для научного анализа, и при этом очень полезно использовать термины и принципы, которые были выработаны в более точных условиях. Море в сумерках мерцает странным светом, изморозь на оконном стекле рисует необычные узоры, а суп не застывает на кухонной плите, и специалисты объясняют нам, почему. Мы можем, конечно, возразить им, что у них нет "фактов", и что то, что они говорят, невозможно "доказать", но они, тем не менее, скорее всего, правы, а не те, у кого нет экспериментальной базы знаний, и поэтому только они могут сказать нам, как двигаться дальше к более детальному исследованию, если оно покажется необходимым.

Экспериментальный анализ поведения предлагает аналогичные преимущества. Когда мы наблюдаем процессы поведения в контролируемых (лабораторных) условиях, то мы можем легко

идентифицировать их в мире повседневности. Мы можем выявить существенные особенности поведения и окружающей среды и поэтому можем пренебречь незначительными частностями, независимо от того, сколь бы увлекательными они ни были. Мы можем отвергнуть традиционные объяснения, если они были проверены экспериментальным анализом, которым была установлена их ложность, а затем двигаться дальше вперед в наших исследованиях с неудержимым любопытством. Примеры поведения, приводимые далее, не навязываются в качестве "доказательства" нашей интерпретации. Само доказательство можно найти в фундаментальном анализе. Но принципы, используемые для интерпретации примеров, обладают достоверностью, которой лишены принципы, полученные лишь из случайных наблюдений.

Язык, которым написана книга, может зачастую показаться непоследовательным. Английский, как и все другие языки, полон донаучных слов, которые обычно употребляются в повседневной речи. Никто не будет иронизировать над астрономом, если он скажет, что солнце восходит или что звезды появляются ночью, ведь было бы смешно требовать, чтобы он всегда говорил, что в результате вращения земли появляется солнце, прежде скрытое за горизонтом, или что звезды становятся видны ночью, а днем они не видны из-за того, что атмосфера рассеивает солнечный свет. Если понадобится, он может дать более точную формулировку. Английский язык содержит намного больше повседневных выражений, относящихся к человеческому поведению, чем к другим явлениям реальности, причем специальная терминология малоизвестна широкой публике. Следовательно, очень даже вероятно, что использование разговорных выражений весьма спорно. Может показаться нелогичным, если я буду просить читателя, чтобы он "keep a point in mind" - "усвоил в сознании некий тезис", хотя я пишу, что сознание - схоластическая фикция, или чтобы он "consider the idea of freedom" - "рассмотрел идею свободы", хотя идея - это просто воображаемый предшественник акта поведения, или пишу для "reassuring those who fear a science of behavior" - "успокоения тех, кто страшится науки о поведении", хотя имею в виду всего лишь изменение их поведения в отношении этой науки. Книга могла бы быть написана для читателя-специалиста без выражений такого рода, но все эти вопросы имеют важное значение для неспециалистов и поэтому их надо излагать обыденным, нетехническим языком. Несомненно, что многие из менталистских (когнитивистских) выражений, издавна укоренившихся в английском языке, невозможно столь же четко перевести на научный язык, как выражение "восход солнца", но достаточно приемлемые переводы вполне возможны.

Почти все наши главные проблемы связаны с человеческим поведением, и их невозможно решить с помощью одной лишь физической и биологической технологии. Что нам необходимо, так это технология поведения, но развитие науки, которая могла бы породить такую технологию, шло страшно медленно. Одной из трудностей является то, что почти всё из того, что называется наукой о поведении, продолжает следовать традиции, рассуждающей не о поведении, а о состояниях сознания, чувствах, чертах характера, человеческой природе, и так далее. Физика и биология когда-то занимались аналогичной схоластикой и стали развиваться лишь тогда, когда отвергли её. Науки о поведении медлят с этим отчасти потому, что часто кажется, что схоластические абстракции можно непосредственно наблюдать, и отчасти потому, что альтернативные объяснения было трудно найти. Окружающая среда, несомненно, была важным фактором, но её роль оставалась неясной. Она ведь не "толкает или тянет", а *селектирует*, и эту функцию было трудно обнаружить и проанализировать. Роль естественного отбора в эволюции была сформулирована лишь немногим более ста лет назад, и селекционная роль среды в формировании и поддержании поведения индивида только начинает получать признание и

изучаться. Но по мере того, как росло понимание взаимодействий между организмом и окружающей средой, начинала выявляться зависимость тех функций, которые ранее приписывались состояниям сознания, чувствам и чертам характера, от параметров (экспериментальных) условий, и, следовательно, открылся путь к технология поведения. Однако она не решит наши проблемы, пока не заменит традиционные донаучные воззрения, которые прочно укоренились. Свобода и достоинство - иллюстрация этой трудности. Они - атрибуты автономного человека традиционной теории, и имеют важное значение для практики, в которой человек несет ответственность за проступки, а достижения требуют признания. Научный анализ переносит и ответственность, и заслуги человека на окружающую среду. Он также ставит вопросы, касающиеся "ценностей". И ещё: кто будет использовать эту технологию и с какими целями? Пока эти вопросы не будут решены, технология поведения по-прежнему будет отвергаться, а вместе с нею, возможно, и единственный способ решения наших проблем.

Глава 2: Свобода

Почти все живые существа активно действуют, чтобы освободиться от влияния чего-то вредного. Некоторая свобода достигается при помощи сравнительно простых форм поведения, называемых рефлексами. Человек чихает и тем освобождает свои дыхательные пути от чего-то раздражающего. Рвотой он освобождает свой желудок от неперевариваемой или ядовитой пищи. Он отдергивает назад руку, избавляя её от контакта с острым или горячим предметом. Но и более сложные формы поведения действуют точно так же. Если человека попытаются связать, то он будет "отчаянно" бороться и пытаться вырваться на свободу. При виде опасности люди убегают или нападают на её источник. Такое поведение, по-видимому, получило эволюционное развитие из-за его ценности для выживания; оно является такой же обязательной частью того, что мы называем генетическим фондом человеческого рода, как дыхание, потение и пищеварение. А при помощи кондиционирования такое поведение может быть выработано и в отношении совершенно новых объектов, которые заведомо не играли никакой роли в эволюции. Это, разумеется, лишь незначительные частные случаи борьбы на свободу, но они имеют большое значение. Мы не можем приписать их какой-то воображаемой "любви к свободе"; они - просто формы поведения, которые оказались полезными в уменьшении различных опасностей для индивидов и, следовательно, для всего биологического вида в процессе эволюции.

Гораздо более важную роль играет поведение, которое ослабляет вредные стимулы совершенно иначе. Оно приобретает не в виде условных рефлексов, а как продукт другого процесса, называемого оперантным кондиционированием (обусловливанием). Если акт поведения имеет положительное последствие, то вероятность того, что этот акт произойдет снова, возрастет; последствие, имеющее этот эффект на поведение, называют подкреплением. Например, еда - это подкрепление для голодного организма; любое конкретное действие, совершаемое организмом, которое сопровождается получением пищи, скорее всего, будет совершено снова и снова, пока организм голоден. Некоторые (из оперантных) стимулов называются отрицательным подкреплением; любой акт поведения, который уменьшает интенсивность такого стимула (или вообще прекращает его действие), скорее всего, будет совершаться при повторном действии этого стимула. Например, если человек оказывается под палящим солнцем, то он уходит в тень, и, скорее всего, снова будет уходить в тень, если попадет под палящее солнце. Снижение температуры подкрепляет поведение, которым оно "обусловлено", то есть, поведение, следствием которого оно является. Оперантное обусловливание (кондиционирование) наблюдается также и в том случае, когда человек просто избегает жаркое солнце, т.е. когда он, грубо говоря, избегает угрозы палящего солнца.

Отрицательные подкрепители называют также "отвращающими" в том смысле, что "отвратительны" для организма. Этот термин указывает на пространственное удаление - будь то отталкиванием или бегством - от подкрепителя, но здесь важно именно отношение во времени. В стандартной аппаратуре, используемой для изучения этого процесса в лаборатории, выбранный произвольно акт поведения слабит отвращающий стимул или прекращает его. Большая часть материальной культуры (технологии) является результатом этой своеобразной борьбы за освобождение. На протяжении веков методом проб и ошибок люди создавали мир, в котором они становились относительно свободны от многих видов опасностей и вредных воздействий - экстремальных температур, источников инфекции, тяжелого труда, опасностей, и

даже тех незначительных отрицательных подкрепителей, которые называются дискомфортом.

Бегство и избегание играют гораздо более важную роль в борьбе за свободу, когда вредящие воздействия - дело рук других людей. Другие люди могут быть отвратительны так сказать, непреднамеренно: они могут быть грубы, агрессивны, надоедливы или просто источники инфекции, и от них, соответственно, убегают или просто сторонятся. Но они также могут быть очень даже преднамеренно отвратительны, то есть могут отвратительно относиться к другим людям из-за последствий такого своего отношения. Например, надсмотрщик понуждает раба работать, стегая его плетью, когда тот прерывает работу; возобновляя работу, раб избегает порки (и, кстати, положительно подкрепляет поведение надсмотрщика - понуждать к работе при помощи кнута). Родители ворчат на ребенка, пока он не выполнит то, что они требуют; выполнив требуемое, ребенок избегает дальнейшего ворчания (и этим подкрепляет ворчание родителей). Шантажист угрожает разоблачением, если жертва не заплатит ему; заплатив, жертва избавляется от угрозы шантажа (и этим подкрепляет саму практику шантажа). Учитель угрожает телесными наказаниями и неудовлетворительными оценками, пока ученики не выразят почтительное внимание; почтительное внимание учеников позволяет им избежать угрозы наказания (и подкрепляет грозящее поведение учителя). В той или иной форме управление поведением при помощи преднамеренного отрицательного подкрепления является сутью большинства социальных отношений - в этике, религии, государственном управлении, экономике, образовании, психотерапии и семейной жизни.

Человек избегает или устраняет карающее поведение в отношении себя, поступая таким образом, что это даёт (положительное) подкрепление тем, кто преследует его карами, пока не добьются желаемого. Но избежать этого можно и другими путями. Например, человек может просто убежать и стать недостижимым. Он может бежать из рабства, эмигрировать или скрыться от государственных чиновников, дезертировать из армии, стать вероотступником, прогульщиком, уйти из дома, или выпасть из рамок обыденности - как бродяга, отшельник или хиппи. Такое поведение является столь же закономерным результатом карающего поведения, как и то поведение, которого хотели добиться при помощи кар. Это последнее тогда можно добиться только при помощи более жёстких требований или использованием более сильных отвращающих стимулов.

Другой аномальный способ избежать отрицательные стимулы - это борьба против тех, кто создает ситуацию отрицательного подкрепления, чтобы ослабить или уничтожить их. Мы можем бороться с теми, кто угнетает или раздражает нас, как мы боремся с сорняками в саду, и опять-таки борьба за свободу главным образом направлена против тех, кто преднамеренно манипулирует другими - против тех, кто применяет отрицательное подкрепление против других, чтобы заставить их вести себя определенным образом. Например, ребенок может взбунтоваться против родителей, граждане могут свергнуть правительство, еретик может реформировать религию, ученик может напасть на учителя или заниматься вандализмом в школе, и асоциальные элементы могут заниматься разрушением общественных норм.

Вполне возможно, что в человеке генетически заложен этот вид борьбы за свободу: подвергаясь действию отрицательных подкрепителей, люди склонны действовать агрессивно и получают положительное подкрепление при виде ущерба, нанесенного своей агрессивностью. Обе тенденции, очевидно, давали эволюционные преимущества, и это можно легко продемонстрировать опытом. Если двум организмам, которые сосуществуют мирно, дать

болезненные удары электричеством, то они сразу же начинают характерные агрессивные действия по отношению друг к другу. Агрессивное поведение не обязательно будет направлено на фактический источник отрицательных стимулов; оно может быть "перенесено" на любой другой подходящий объект или человека. Вандализм и бунт часто представляют собой формы агрессии, не ориентированной или неверно направленной. Организм, которому причинена боль, будет, кроме того, по возможности действовать так, чтобы получить доступ к другому организму, на который можно будет агрессивно подействовать. Степень того, насколько человеческая агрессия является проявлением врожденных тенденций, не ясна, а многие из способов, которыми люди нападают на преднамеренных манипуляторов, чтобы таким образом ослабить или уничтожить их воздействие, вполне очевидно являются результатом научения.

То, что можно назвать "литература свободы", написана для того, чтобы побудить людей бороться против тех, кто пытается управлять ими при помощи отрицательных подкрепителей, чтобы избавиться от них. Содержанием этой литературы является философия свободы, однако "философия" принадлежит к числу тех внутренних "причин", которые надо подвергать критическому разбору. Мы говорим, что человек ведет себя так, а не иначе потому, что у него такая философия, но мы строим догадки об этой философии, исходя из его поведения и, следовательно, не должны использовать её в качестве сколь-нибудь удовлетворительного объяснения, по крайней мере, пока она сама сперва не получит объяснения. Но с другой стороны литература свободы имеет простую объективную цель. Она состоит из книг, брошюр, прокламаций, речей и других произведений словесности, имеющих целью побудить людей действовать так, чтобы освободиться от различных видов принуждения. Она не учит философии свободы, а побуждает людей к действию.

Эта литература часто указывает на те вызывающие отвращение условия принуждения, в которых живут люди, при этом, возможно, противопоставляя их условиям в более свободном мире. Она, таким образом, делает существующие условия более невыносимыми, "преумножая страдания" тех, кого она пытается спасти. Она также указывает на тех, от кого надо бежать, и тех, чью власть надо ослабить сопротивлением. Типовые злодеи этой литературы: диктаторы, священники, генералы, капиталисты, учителя-садисты и властные родители.

Эта литература также предписывает образ действий. Она весьма мало внимания уделяет бегству, возможно, потому, что таковой совет излишен; вместо этого она делает упор на то, как можно ослабить или уничтожить угнетающую власть. Диктаторов надо свергать, изгонять или убивать. Легитимность правительства подвергается сомнению. Способность церквей и сект служить посредником со сверхъестественными силами оспаривается. Надо организовывать забастовки и бойкоты, чтобы ослабить экономическую власть капиталистов, которая служит опорой порядка, основанного на угнетении. Аргументация подкрепляется призывом людей к действию; при этом описываются возможные результаты и приводятся успешные примеры - по образцу рекламных "свидетельств", ну и так далее.

Угнетатели, конечно, не остаются в бездействии. Правительства делают бегство невозможным, запрещая выезд за границу или строго наказывая или даже бросая беглецов в тюрьму. Они препятствуют тому, чтобы оружие и другие инструменты власти попали в руки революционеров. Они уничтожают литературу свободы в письменной форме и сажают в тюрьму или убивают тех, кто распространяет её в устной форме. Чтобы быть успешной, борьба за свободу должна усиливаться.

Вряд ли можно сомневаться в важности литературы свободы. Без её помощи или содействия люди смиряются с условиями отрицательного подкрепления самым невероятным образом. Это верно даже в тех случаях, когда такие условия отчасти вызваны природными условиями. Дарвин обнаружил, например, что огнеземельцы по всей видимости не делают никаких усилий, чтобы защитить себя от холода. Их одежда была очень незначительной, причем они почти не использовали её для защиты от непогоды. И самый поразительный факт о борьбе за свободу от принуждения состоит в том, сколь часто её вообще не было. Множество людей на протяжении веков смирялись с самым очевидным религиозным, политическим и экономическим гнётом, а вспышки борьбы за свободу если даже и были, то случались лишь эпизодически. Литература свободы внесла существенный вклад в ликвидацию многого в общественной практике, основанного на отрицательном подкреплении - в политике, религии, образовании, семейной жизни, а также в товарном производстве.

Однако вклад литературы свободы, как правило, не обсуждается с этой точки зрения. И хотя о некоторых традиционных теориях, вероятно, можно сказать, что они дают определение свободы как отсутствие управления при помощи отрицательных подкрепителей, всегда подчеркивалось именно то, как люди ощущают это состояние. О других традиционных теориях, вероятно, можно сказать, что они определяют свободу как состояние человека, когда его действия управляются лишь "непринудительным" (т.е. положительным) подкреплением, но акцент делается на состоянии сознания, которое ассоциируют с деланием того, что хочешь. По словам Джона Стюарта Милля, "Свобода состоит в делании того, что желаешь." Литература свободы сыграла важную роль в изменении общественной практики (она изменяла именно практику всякий раз, когда имела хоть какое-то влияние), но тем не менее всегда определяла свою задачу как изменение состояний сознания и чувств. Свобода - это якобы "собственность". Человек совершает побег или устраняет власть угнетателя для того, чтобы чувствовать себя свободным, и как только он чувствует себя свободным и может делать то, что хочет, то никаких дальнейших действий не рекомендуется, и литература свободы ничего больше не предписывает, за исключением, возможно, постоянной бдительности, иначе угнетение будет возобновлено.

Это ощущение свободы становится ненадежным руководством к действию, как только угнетатели прибегают к непринудительным мерам, что им, скорее всего, и нужно делать, чтобы избежать проблем, возникающих, когда жертва убегает или нападает на них. Непринудительные меры не столь очевидны, как принудительные, и их действие может быть более медленным, но они имеют очевидные преимущества, которые способствуют их применению. Например, производительный труд когда-то был результатом наказания: раб работал, чтобы избежать последствий - наказания за то, что не работает. А заработная плата является примером совсем другого принципа; человеку платят, когда он ведет себя, как требуется, поэтому он и продолжает вести себя таким образом. Хотя уже давно было признано, что вознаграждение имеет полезные эффекты (для вознаграждающего), но системы оплаты труда развивались медленно. В девятнадцатом веке считалось, что промышленность нуждается в голодной рабочей силе, что заработная плата будет эффективной только тогда, когда голодный рабочий может оплатить ею лишь (минимально необходимые) продукты питания. Но делая труд менее отвратительным - например, путем сокращения рабочего дня и улучшения условий труда, стало возможным побудить людей работать за меньшее вознаграждение. До совсем недавнего времени обучение было почти полностью основано на отрицательном подкреплении: ученик учился, чтобы избежать наказания как последствия безделья, но и тут непринудительные методы постепенно были открыты и введены в употребление. Умелые родители научились награждать детей за

хорошее поведение, а не наказывать за плохое. Религиозные учреждения сменили угрозу адским пламенем на рассусоливания о "любви божией", и правительства сменили ряд принудительных санкций на различные виды поощрений, к чему мы еще раз вернемся далее в книге. То, что неспециалисты называют вознаграждением, на самом деле является положительным подкрепителем, действие которого было исчерпывающим образом изучено в экспериментальном анализе оперантного поведения. Действие "вознаграждения" не столь легко распознать, как действие отрицательных (карающих) последствий, потому что у него есть тенденция к отсрочке действия, и поэтому его применение было замедленно, но для него в настоящее время стали доступны методы, столь же мощные, как и старые методы отрицательного подкрепления (наказания).

Для защитника свободы возникают проблемы, когда поведение, вызываемое положительным подкреплением, имеет отсроченные отрицательные последствия. Это особенно вероятно в том случае, если процесс (положительного подкрепления) используется для умышленного манипулирования, когда выгода для манипулятора, как правило, означает убыток для манипулируемого. Так называемые условные положительные подкрепители часто можно использовать с отсроченным отрицательным (для манипулируемого) результатом. Возьмем, например, деньги. Они действуют как подкрепитель только после того, как они будут уплачены за товар, служащий подкрепителем, но их могут использовать в качестве подкрепителя даже тогда, когда ими невозможно заплатить за товар. Фальшивые купюры, "плохой" чек, блокированный чек, или обещания, которые не собираются выполнять, являются условными подкрепителями, хотя их отрицательные последствия, как правило, быстро обнаруживаются. Классический пример - "золотой" слиток, лишь позолоченный снаружи. Это сразу же вызывает противодействие: мы убегаем или нападаем на тех, кто так нагло злоупотребляет условным подкреплением. Но злоупотребление многими подкрепителями социального характера часто остается незамеченным. Личное внимание, одобрение и любовь, как правило, действуют как подкрепители (акта поведения) только в том случае, если имелась какая-то связь с уже действующими подкрепителями, но их могут использовать даже тогда, когда эта связь отсутствует. Имитация одобрения и любви, при помощи которой родителей и учителей часто убеждают пытаться решить проблемы с поведением (детей), неискренняя и фальшива. Это же относится и к лести, "дружескому подходу", и многим другим способам "завоевания друзей."

Но и неподдельные подкрепители могут быть использованы способами, которые имеют отрицательные последствия. Правительство может предотвратить утрату поддержки народом, делая его жизнь более интересной - дармовыми "хлебом и зрелищами", содержанием спортсменов (за государственный счет), азартными играми, употреблением алкоголя и других наркотиков, а также различными видами сексуального удовлетворения, действие которых заключается в том, чтобы удерживать людей в пределах досягаемости (правительственных) отрицательных санкций. Братья Гонкур отмечали распространение порнографии в современной им Франции: "Порнографическая литература", - писали они, "служит Bas-Empire (империи эпохи упадка) ... людей укрощают так же, как и львов - при помощи мастурбации."

Неподдельным положительным подкреплением к тому же можно просто злоупотреблять, потому что количество подкрепления не пропорционально его влиянию на поведение. Подкрепление, как правило, даётся лишь периодически, и схема подкрепления имеет большее влияние (на поведение), чем количество полученного подкрепителя. Некоторые схемы подкрепления генерируют большое количество актов поведения в обмен на очень небольшое

количество подкрепления, и эта возможность, естественно, не ускользнула от заинтересованного внимания потенциальных манипуляторов. Можно указать на два типа схем подкрепления, которыми легко злоупотреблять в ущерб тем, кто получает подкрепление.

В системе материального стимулирования, известной как сделная оплата труда, рабочий получает определенную сумму за каждую единицу выполненной работы. Казалось бы, такая система гарантирует равновесие между производимой продукцией и заработной платой. Эта схема привлекательна для эксплуатирующей рабочую силу нанимателей, которые заранее могут вычислить затраты на рабочую силу, а также соблазнительна для рабочих, которые могут решать, сколько заработают. Эта так называемая схема подкрепления с фиксированным соотношением (*fixed-ratio schedule of reinforcement*), однако, может быть использована для получения большого количества актов поведения в обмен за очень небольшое количество подкрепления. Она побуждает рабочего работать интенсивно, и это соотношение может быть постепенно "растянуто", то есть оплату за единицу продукции наниматель будет снижать без особого риска того, что рабочий перестанет работать. Для рабочего конечная ситуация в этой схеме - уйма работы за очень низкую оплату - может стать очень негативной.

Несколько иная схема подкрепления - с варьирующим соотношением (*variable-ratio schedule of reinforcement*) - лежит в основе всех систем азартной игры. Владелец игорного дома платит клиентам за то, что они отдают ему деньги, то есть он платит им выигрыш по сделанным ими ставкам. Но он платит им по схеме, которая поддерживает их желание делать ставки, хотя в конечном счете выплаченная сумма выигрышей меньше суммы ставок.

Поначалу среднее соотношение может быть благоприятным для игрока; делая ставки, он "выигрывает". Но это соотношение может быть потихоньку изменено таким образом, чтобы он продолжал играть даже тогда, когда он начнет проигрывать. Это изменение может быть случайным (целый ряд выигрышей в начале, который потом сменяется полосой постоянно возрастающих проигрышей, может сделать человека патологическим азартным игроком.) Или это соотношение изменяет преднамеренно тот, кто манипулирует шансами выигрыша. В долгосрочной перспективе "полезность" игры оказывается отрицательной: игрок проигрывает всё.

С отсроченными отрицательными последствиями (положительного подкрепления) трудно эффективно бороться, поскольку они не наступают тогда, когда бегство или нападение всё ещё возможны - когда, например, мошенник-манипулятор может быть идентифицирован или находится в пределах досягаемости. Пока немедленное подкрепление остаётся положительным, не возникает никаких возражений. Проблема, которую тут должны решать те, кому дорога свобода, состоит в создании немедленных отрицательных последствий ("сигналов опасности"). Классической проблемой является "самоконтроль". Человек ест слишком много и заболевает от этого, но оправившись, он опять обжирается. Вкусная еда или поведение, вызываемое ею, надо сделать достаточно неприятными, чтобы человек мог "убежать" от обжорства. (Можно подумать, что последствий обжорства можно избежать только перед едой, но древние римляне избегали после: пользуясь *vomitorium* - "блевальней".) Немедленные отрицательные стимулы можно выработать кондиционированием (обусловливанием). Что-то в этом роде делается тогда, когда переизбыток называют обжорством или греховным чревоугодием. Другие виды поведения, которые следует подавить, могут быть объявлены противозаконными и, соответственно, наказуемыми. Чем более удалены во времени отрицательные последствия, тем они более

проблематичны. Пришлось много повозиться с "технологией" ради того, чтобы фатальные последствия курения сигарет могли оказывать должное влияние на поведение.

Увлекательные хобби, увлечение спортом, любовные аферы или большие заработки могут успешно отодвигать на задний план серьёзную деятельность, которая принесла бы намного больше положительного подкрепления в долгосрочной перспективе, но необходимое время слишком продолжительно для того, чтобы вызвать противодействие управлению поведением (сиюминутными пустяками). Вот почему противодействие управлению поведением оказывают не все, а только те, кто страдает от отрицательных последствий, а положительного подкрепления не получает. Против азартных игр издаются законы, профсоюзы выступают против сдельной оплаты труда, и никому не позволено эксплуатировать труд детей, или покупать аморальные "сексуальные услуги", однако против этих мер могут решительно выступать именно те, кого они предназначены защищать. Игрок недоволен законами против азартных игр, алкоголик - ограничениями продажи алкоголя, а ребенок или проститутка могут охотно работать на того, кто им платит.

Литература свободы никогда не возражала против методов манипулятивного управления, которые не вызывают бегства или ответного нападения, потому что рассматривала проблему свободы с точки зрения состояний сознания и чувств. В своей книге, озаглавленной "Sovereignty" - "Суверенитет", Бертран де Жувенель (Bertrand de Jouvenel) цитирует двух важных авторитетов этой литературы. По мнению Лейбница: "Свобода заключается во власти делать то, что хочется делать", а по мнению Вольтера: "Когда я могу делать то, что я хочу - вот это и есть для меня свобода." Однако оба писателя добавляли заключительную фразу: Лейбниц, "... или во власти желать того, что достижимо", а Вольтер, более откровенно: "... но я не могу изменить свои желания." Де Жувенель убрал эту фразу в сноску, заявив, что власть желать - это проблема "низшей свободы" (свободы "внутреннего человека"!), которая якобы выходит за пределы "гамбита свободы."

Человек желает чего-то, только если он действует, чтобы получить это, когда представится возможность. Человек, который говорит: "Я хочу что-нибудь поесть", вероятно, будет есть, если найдет какую-то еду. Если он говорит: "Я хочу согреться," то он, вероятно, пойдёт в теплое место, если оно будет доступно. В прошлом подкреплением для этих актов поведения было именно то, что хочется (еда или тепло). Но вот то, что человек *чувствует*, когда он чувствует, что ему чего-то хочется - это зависит от обстоятельств. Например, еда служит подкрепителем только в состоянии голода, и человек, который хочет поесть, может чувствовать симптомы этого состояния, например, когда "сосет под ложечкой". Человек, который хочет согреться, вероятно, ощущает холод. Могут также ощущаться состояния, связанные с высокой вероятностью выполнения соответствующего акта поведения, вместе с теми аспектами нынешней ситуации, которые аналогичны таковым предыдущих ситуаций, при наличии которых этот акт поведения получал подкрепление. Однако ни желание не является чувством, ни чувство - причиной того, что человек действует, чтобы получить то, что он желает. Просто определенные факторы повысили вероятность выполнения акта поведения, и в то же время создали условия, которые могут ощущаться человеком. Свобода поэтому является вопросом факторов подкрепления, а не чувств, которые эти факторы вызывают. Различать это особенно важно в тех случаях, когда эти факторы не вызывают бегства или ответного нападения.

Неуверенность, которая окружает противодействие ненасильственным мерам (управления

поведением) легко показать на примере. В 1930-х годах (в США) сочли необходимым сократить сельскохозяйственное производство. Соответствующий указ - "Agricultural Adjustment Act" - уполномочил министра сельского хозяйства на "выплату рент и пособий" фермерам, которые согласятся свернуть производство, то есть по сути оплачивать фермерам тот объём сельхозпродукции, который они согласились не производить. Заставлять их сократить производство противоречило бы конституции, и правительство утверждало, что оно просто помогало им в этом. Но Верховный суд признал, что положительное стимулирование может быть столь же непреодолимым, как и принудительные меры, и вынес решение, что "власть давать или не давать неограниченные пособия - это власть принуждающая или уничтожающая." Однако впоследствии это решение было отменено, когда суд постановил, что "позиция, утверждающая, что стимул или искушение эквивалентны принуждению, ввергнет закон в бесконечные трудности." Мы рассмотрим некоторые из этих трудностей.

Та же проблема возникает, когда правительство организует лотерею, чтобы повысить поступления в казну и при этом снизить налоги. Правительство в обоих случаях берет себе ту же самую сумму денег у своих граждан, хотя и не обязательно у тех же самых граждан. Эксплуатацией лотереи оно избегает определенных нежелательных последствий: ведь люди избегают тяжелого налогообложения, пряча доходы, или переходят в нападение, не переизбирая правительство, которое ввело новые налоги. Лотерея, применяющая разреженную схему подкрепления с варьирующим соотношением, не вызывает ни одну из этих негативных реакций. Единственное сопротивление исходит только от тех, кто принципиально выступает против игорных домов и т.п., и кто сами играют в азартные игры очень редко.

Третий пример - это практика привлечения заключенных к добровольному участию в потенциально опасных экспериментах, например, к испытанию новых лекарственных препаратов, в обмен на улучшение условий заключения и сокращение срока отсидки. Если заключенных принуждали бы участвовать в этом, то это вызвало бы всеобщие протесты, но действительно ли они свободны, когда получают положительное подкрепление, особенно если учесть, что улучшаемые условия заключения и сокращаемый срок заключения были навязаны им государством?

Этот вопрос часто возникает в более утонченных формах. Например, высказывалось мнение, что неконтролируемые услуги по предотвращению беременности и абортам не "дают неограниченную свободу производить или не производить потомство, потому что они стоят время и деньги." Бедным членам общества должна выплачиваться компенсация, чтобы они могли иметь настоящую "свободу выбора". Если справедливая компенсация точно компенсирует затраты времени и денег, необходимые для практического осуществления контроля над рождаемостью, то люди будут действительно свободны от принуждения, вызываемого тратой времени и денег, но то, будут ли они иметь детей или нет, будет по-прежнему зависеть от других условий, которые при этом не учитываются. Если страна даёт щедрое положительное подкрепление практике предотвращения беременности и абортов, то в какой мере ее граждане имеют свободу выбора - иметь или не иметь детей?

Неуверенность в отношении управления (поведением) при помощи положительного (подкрепления) очевидна в двух замечаниях, которые часто встречаются в литературе свободы. Во первых, утверждается, что хотя поведение и полностью детерминировано, лучше, чтобы человек "чувствовал себя свободным" или "считал себя свободным." Если это означает, что

лучше то, если нашим поведением управляют способами, которые не имеют отрицательных последствий, с этим можно согласиться, но если это означает, что лучше то, если нашим поведением управляют такими методами, против которых никто не бунтует, то это не учитывает возможности отсроченных отрицательных последствий. Второе замечание представляется более актуальным: "Лучше быть рабом, сознающим свое положение, чем счастливым рабом." Слово "раб" точно характеризует конечную суть последствий: она эксплуататорская и, следовательно, отрицательная. Всё, что рабу следует осознать - это его бедственное положение; и система рабства, которая настолько хорошо организована, что против неё невозможен бунт, является самой реальной угрозой. Литература свободы требует того, чтобы люди "осознали" принудительное управление (поведением), но её выбор методов не способен спасти счастливых рабов.

Одна из самых крупных фигур в литературе свободы - Жан-Жак Руссо - не боялся власти положительного подкрепления. В своей замечательной книге "Эмиль" он дал следующий совет учителям:

"Пусть [ребенок] верит, что он всегда самостоятелен, хотя на самом деле вы [учитель] им всегда управляете. Нет подчинения более совершенного, чем то, которое сохраняет видимость свободы, так как этим методом вы пленяете саму его волю. Бедный ребенок, не знающий ничего, не умеющий ничего делать - разве он не в полной вашей власти? Разве вы не обустроиваете все в мире, который его окружает? Разве вы не можете влиять на него так, как вы хотите? И его занятия, и его игры, и его радости, и его страдания - разве это всё не в ваших руках, причем без его ведома? Несомненно, он должен делать только то, что он хочет сам, но он должен хотеть делать только то, что вы хотите, чтобы он делал; он не должен делать ни одного шага, который бы вы не предугадали; он должен, открывая рот, говорить только то, что вы уже заранее знаете, что он скажет."

Руссо мог писать такое только потому, что имел неограниченную веру в благожелательность учителей, которым надлежит использовать свою абсолютную власть только на благо своих учеников. Но, как мы увидим позже, благожелательность не даёт гарантий от злоупотребления властью, и очень немногие в истории борьбы за свободу продемонстрировали безмятежность, свойственную Руссо. Наоборот, они заняли противоположную позицию, считая, что любая власть вредна. Этим они дали наглядный пример поведенческого процесса, называемого обобщением. Многие разновидности власти крайне отрицательны, будь то по своей сути или по своим последствиям, и делается вывод, что их все следует избегать. Пуритане зашли в обобщении ещё дальше, утверждая, что бóльшая часть положительного подкрепления вредна, независимо от того, преднамеренно оно или случайно, причём только по той причине, что иногда из-за него люди попадают в беду.

Литература свободы призывает бежать от всех властей или бороться с ними. Она делает это, объявляя любое проявление власти принуждением. Утверждается, что все, кто манипулирует поведением людей - негодяи, имеющие обязательную склонность к эксплуатации. Власть, мол, является прямой противоположностью свободы, и если свобода - это хорошо, то власть должна быть злом. При этом упускается из виду такая власть, которая никогда не приводит к отрицательным последствиям. Многие общественные институты, необходимые для процветания нашего вида, состоят в управлении человека человеком, и этого не может запретить никто из тех, кому хоть немного дороги достижения человечества. Мы увидим далее в книге, что для того,

чтобы защищать позицию, утверждающую, что любая власть - зло, было необходимо исказить или замолчать суть полезных общественных институтов, а также отдать предпочтение бессильным общественным институтам именно потому, что их можно замаскировать или скрыть, и - что является воистину самым нелепым результатом! - продолжать пользоваться принудительными мерами.

Проблема состоит в том, чтобы освободить людей, однако не от власти как таковой, а лишь от некоторых видов власти, и её удастся решить только тогда, когда наш анализ примет во внимание все последствия. То, что люди думают о власти, как до, так и после того, как литература свободы окажет влияние на их мнения, не производит никакой полезной разницы.

Если бы не существовало необоснованного обобщения, что любая власть - это зло, то мы имели бы к социальной среде такой же простой подход, какой мы имеем к природной не социальной среде обитания. И хотя прогресс техники освободил человека от некоторых отрицательных особенностей окружающей среды, он не освободил его от самой окружающей среды. Мы признаём тот факт, что мы зависим от мира вокруг нас; мы просто изменяем природу этой зависимости. Точно так же, чтобы сделать социальную среду как можно более свободной от отрицательных стимулов, нам надо не разрушать эту среду или бежать от неё, а просто преобразовать её.

Причина борьбы человека за свободу - это не некая воля быть свободным, а определенные поведенческие процессы, характерные для человеческого организма, главным результатом которых является предотвращение или избегание так называемых "отвращающих" особенностей окружающей среды. Физические и биологические технологии в основном занимались природными отрицательными стимулами. А борьба за свободу имеет дело со стимулами, преднамеренно созданными другими людьми. Литература свободы выявила этих других людей и предложила способы бегства от них или ослабления или уничтожения их власти. Она достигла успехов в уменьшении числа принудительных стимулов, используемых в преднамеренном управлении поведением, но совершила ошибку, определяя свободу в терминах состояний сознания или чувств, и поэтому была не в состоянии эффективно бороться с методами управления, которые не вызывают бегства или восстаний, но тем не менее имеют отрицательные последствия. (Из-за этой ошибки) она была вынуждена объявить любую власть злом и исказить многие из преимуществ, которые нам даёт социальная среда. Она не готова к следующему шагу, который состоит не в освобождении людей от власти, а в анализе и изменении методов управления поведением, которым они подвергаются.

Глава 3: Честь

Считается, что любые доказательства того, что поведение человека может быть обусловлено внешними обстоятельствами, угрожают его чести или достоинству. У нас нет склонности признавать заслугой человека достижения, которые на самом деле - результат действия сил, над которыми он не имеет никакого контроля. Мы можем согласиться лишь с такими доказательствами, весомость которых ограничена, подобно тому, как нас не особо тревожат доказательства того, что человек не свободен. Никто не возмущается, если оказывается, что важные детали в произведениях искусства и литературы, в политических карьерах и научных открытиях обусловлены соответствующими "влияниями" в жизни художников, писателей, государственных деятелей и ученых. Но по мере того, как (бихевиористский) анализ поведения добавляет всё новые и новые доказательства, достижения, за которые следует отдать должное самой личности, по-видимому, приближаются к нулю. Вот поэтому теперь принимают в штыки и сами эти доказательства, и порождающую их науку.

Если свобода - это проблема, вызванная отрицательными последствиями поведения, то проблема чести и заслуг связана с положительным подкреплением. Когда кто-то делает нам что-то приятное, то мы побуждаем его делать это снова и снова, хваля или поощряя его. Мы аплодируем исполнителю именно для того, чтобы побудить его повторить своё выступление, о чём свидетельствуют такие возгласы, как "Опять!" "Ещё!" и "Бис!" Мы показываем человеку, что ценим его поведение, похлопывая его по плечу или говоря: "Отлично!" или "Правильно!", или оказывая ему знаки нашего уважения, такие как премии, чествования или награды. Некоторые из этих вещей сами по себе являются подкрепителями: похлопывание по спине - это своеобразная ласка, а наградами бывают как безусловные подкрепители, так и иные, условные (те, что являются подкрепителями только потому, что им сопутствуют или их можно обменять на безусловные подкрепители). Хвала и одобрение, как правило, действуют как подкрепители, потому что обычно любой, кто хвалит человека или одобряет то, что он делает, склонен давать подкрепление и другими способами. (Подкреплением может служить даже прекращение угроз; например, согласие с проектом резолюции зачастую состоит просто в прекращении возражений против него.)

Существует естественная склонность давать подкрепление тем, кто даёт подкрепление нам, равно как и тенденция нападать на тех, кто нападает на нас, но такое поведение порождается различными социальными факторами. Мы одобряем тех, кто действует нам на благо, потому что мы получаем подкрепление, если они продолжают это делать. Когда мы хвалим человека *за что-то конкретное*, мы тем самым дополнительно указываем на сам фактор подкрепления. Хвалить человека за победу в игре - это подчеркивать тот факт, что победа зависела именно от его действий, и от этого победа может затем стать для него более сильным подкрепителем.

Количество благодарности, которую человек получает, любопытным образом связано с неочевидностью причин его поведения. Мы воздерживаемся от благодарности, когда эти причины очевидны. Например, мы обычно не хвалим людей за их рефлекторные реакции: мы не хвалим тех, кто кашляет, чихает или блюёт, хотя результат этого может оказаться полезным. По той же причине мы особо не хвалим за поведение, находящееся под очевидным управлением отрицательного подкрепления, несмотря на то, что оно может быть полезным. Как заметил

Монтень,

"Всё, что ни делается по приказанию, более ставится в заслугу тому, кто приказывает, чем тому, кто выполняет."

Мы не одобряем подхалимов, даже если они выполняют важную функцию.

И мы не благодарим за поведение, которое явно вызвано очевидным положительным подкреплением. Мы разделяем презрение Яго к:

... Угодливому верному холопу,

Что обуян подобострастным рабством,

Отдаст всю жизнь лишь за жратву одну,

Примером став хозяйскому ослу...

(... duteous and knee-crooking knave

That, doting on his own obsequious bondage,

Wears out his time, much like his master's ass,

For nought but provender ...)

О тех, кем легко манипулировать с помощью положительного подкрепления сексом, говорят, что они "фитюки", и это слово увековечено Киплингем в двух знаменитых строках:

"Фитюк он был и молиться мог... На тряпку, кость и волоса клок..."

("A fool there was and he made his prayer ... To a rag, a bone, and a hank of hair...")

Члены "благородных" классов в прошлом "теряли честь", если они поддавались соблазну денежного положительного подкрепления от занятия торговлей. Но среди тех, кто получает подкрепление деньгами, достоинство, как правило, страдает соразмерно явной зависимости от подкрепления: "менее достойно" работать за еженедельный заработок, чем за месячное жалованье, хотя за месяц сумма будет одинаковой у обоих. Такой потерей чести (от продажности) можно объяснить тот факт, что большинство профессий лишь очень медленно переходили на условия зависимости от денежного подкрепления. В течение долгого времени учителя не получали платы (прямо) от учеников, по-видимому потому, что получением платы они роняли бы своё достоинство; и дача денег в долг под проценты в течение многих столетий порицалась и даже преследовалась как ростовщичество. Мы не уважаем писателя за откровенно "заказное" произведение, или художника за картину, по всей очевидности нарисованную на продажу и рассчитанную на вульгарный вкус. И прежде всего мы не уважаем тех, кто явно напрашивается на похвалу.

Мы не скупимся на похвалу тогда, когда для вызывающего её поведения нет никаких очевидных причин. Любовь куда более похвальна, если она несчастна, и искусство, музыка и литература,

если они не признаны. Мы больше всего хвалим тогда, когда есть вполне очевидные причины вести себя совсем иначе, например, когда влюбленного жестоко третируют, или искусство, музыка или литература подвергаются гонениям. Если мы одобряем человека, который ставит обязанности выше любви, то это потому, что управление поведением, на которое способна любовь, очень сильно. Традиционно было принято восхвалять тех, кто живет по-монашески, раздает свои богатства или остается верным своему делу наперекор преследованиям, потому что есть весомые причины вести себя по-другому. Степень похвальности зависит от силы противодействующих факторов. Мы восхищаемся верностью пропорционально интенсивности преследований, щедростью - пропорционально принесённым в результате жертвам, а безбрачием - пропорционально склонности человека заниматься сексом. Как заметил Ларошфуко: "Никто не заслуживает похвалы за добродетели, если у него нет силы характера, чтобы творить зло. Вся прочая доброта - это обычно не более чем лень или слабоволие".

Обратная пропорциональность между похвальностью и очевидностью причин поведения особенно резко выражена в тех случаях, когда поведение недвусмысленно находится под управлением какого-то стимула. То, насколько мы склонны хвалить кого-нибудь за умение пользоваться каким-нибудь сложным оборудованием, зависит от обстоятельств. Если очевидно, что он просто подражает действиям другого работника, то есть кто-то ему наглядно "показывает, что надо делать", мы не считаем это большой заслугой и в лучшем случае хвалим лишь за то, что он может, подражая, выполнять необходимые действия. Если он действует, получив устный инструктаж, то есть кто-то ему "говорит, что надо делать", мы считаем это немного бóльшей заслугой - хотя бы за достаточно хорошее знание терминологии, чтобы следовать указаниям. Если он действует согласно письменной инструкции по эксплуатации, то мы считаем его дополнительной заслугой умение читать. Но мы ставим ему в заслугу "умение работать с оборудованием" только в том случае, если он делает это без подсказки, хотя он, возможно, достиг этого подражанием или при помощи устных или письменных инструкций. А максимум похвал он получает, если обнаруживается, что он может пользоваться оборудованием вообще без посторонней помощи, ведь тогда он ничем не обязан никакому инструктажу когда бы то ни было; его поведение уже полностью сформировано относительно неприметными факторами подкрепления, являющимися свойствами самого оборудования, которые теперь стали делом прошлого.

Подобные примеры можно обнаружить и в речевом поведении. Мы даём положительное подкрепление речевой деятельности людей - мы платим им за чтение вслух, за чтение лекций, за исполнение ролей в фильмах и театрах - но при этом мы похвалой даём подкрепление за то, что озвучивается, а не за само говорение. Предположим, кто-то делает важное заявление. Мы считаем его заслугой минимальной, если он просто повторяет то, что только что сказал другой оратор. Если он читает по бумаге, то мы оцениваем его заслуги немного повыше - в частности, "знание, как читать." Если он "говорит по памяти," то есть когда не обнаруживается действия никакого стимула во время речи, то мы ставим ему в заслугу уже "знание сути заявления." А вот если оказывается, что содержание заявления является его "оригинальным творчеством", в котором нет ничего заимствованного из речевого поведения кого-либо другого, то это считается максимально возможной заслугой.

Мы хвалим исполнительного ребенка больше, чем такого, которому приходится напоминать об обязанностях, потому что напоминания - это самая очевидная особенность временных факторов подкрепления. Мы больше уважаем человека, умеющего считать "в уме", чем того, кто делает те

же вычисления на бумаге, потому что стимулы, управляющие последовательными шагами выполнения арифметических действий, очевидны на бумаге. Физик-теоретик пользуется бóльшим уважением, чем физик-экспериментатор, поскольку деятельность последнего безусловно зависит от лабораторных наблюдений и экспериментов. Мы больше хвалим тех, кто ведет себя хорошо без присмотра, чем тех, кто нуждается в присмотре, а также тех, кто свободно говорит на иностранном языке, чем тех, кому приходится заглядывать в грамматику и словарь.

Мы признаём эту любопытную зависимость похвальности действий от незаметности управляющих ими условий, когда мы скрываем это управление, чтобы избежать неуважения или претендовать на уважение, которого на самом деле не заслуживаем. Генерал делает все возможное, чтобы сохранить своё достоинство, когда его везут в джипе по пересеченной местности, а флейтист продолжает играть, несмотря на то, что муха ползает по его лицу. Мы боимся чихнуть или рассмеяться в торжественных случаях, а после того, как сделаем глупый промах, пытаемся делать такой вид, как будто мы его не сделали. Мы терпим боль, не морщась, мы едим воспитанно, хотя и голодны, мы без суеты и спешки берем со стола деньги, выигранные в карты, и мы рискуем обжечься, медленно проглатывая горячее блюдо. (Д-р Джонсон взбунтовался против этого: выплюнув полный рот горячего картофеля, он крикнул своим изумленным сотрапезникам: "Только дурак проглотил бы это!") Иными словами, мы избегаем ситуаций, угрожающих нашему достоинству.

Мы стараемся производить хорошее впечатление, маскируя или пряча факторы, управляющие нашим поведением. Диктор телевидения читает текст с листа, который находится за камерой, и преподаватель заглядывает тайком в свой конспект; нам кажется, что оба говорят по памяти или экспромтом, тогда как на самом деле (что гораздо менее похвально) они читают шпаргалки. Мы стараемся создать "выгодное впечатление", выдумывая менее настоящую причину нашего поведения. Мы пытаемся "не ударить в грязь лицом", приписывая свое поведение ложным - менее очевидным или менее вынуждающим причинам, делая вид, например, будто нам в противном случае ничего не грозит. По примеру "святого" Иеронима, мы делаем добродетель из необходимости, делая то, что мы вынуждены делать, но делая вид, как будто мы вольны не делать этого. Мы скрываем принуждение, делая больше, чем требуется: "Если кто-то заставляет вас идти одно поприще, идите с ним два." Мы стараемся избежать позора из-за предосудительного поведения, утверждая, что его вызвали непреодолимые причины; Шодерло де Лакло заметил в повести *Опасные связи*, что "женщина должна иметь оправдание того, что отдалась мужчине. Что может быть лучше в этой ситуации, чем делать вид, что уступаешь сильному?"

Мы укрепляем нашу репутацию, ставя себя в ситуации, в которых люди обычно ведут себя недостойно, но при этом воздерживаясь от недостойного поведения. Мы ищем условия, при которых определенное поведение получает положительное подкрепление, а затем отказываемся вести себя так; мы заигрываем с искушениями, как аскет в пустыне, выпячивающий до максимума добродетельность своего "умерщвления плоти", устраиваясь так, чтобы поблизости были красивые женщины и вкусная еда. Мы продолжаем бичевать себя, уподобляясь флагеллантам, когда мы могли бы легко прекратить это, или выбираем судьбу мученика, когда мы могли бы её избежать.

Когда мы стараемся щадить честь (и самолюбие) других, мы пытаемся затушевать очевидность причин их поведения. Мы прибегаем к мягким увещаниям, а не к наказаниям, потому что

условное положительное подкрепление менее бросается в глаза, чем безусловное, и уклонение более похвально, чем бегство. Зная, что намёка будет достаточно, мы даем студенту его, а не выдаем ему готовый ответ, который от этого не был бы ему зачтен. Мы всего лишь предлагаем или советуем, а не приказываем. Мы даем разрешение тем, кто наперекор всему намерен вести себя неподобающим образом, подобно епископу, который, будучи главой на званом обеде, воскликнул: "Те, кому надо курить, пусть курят." Мы помогаем людям сохранить лицо, соглашаясь с их объяснениями своего поведения, сколь бы маловероятными они ни были. И мы испытываем порядочность людей, давая им шанс вести себя непорядочно. У Чосера (в *"Кентерберийских рассказах"*) терпеливая Гризельда доказала верность мужу, противостоя тем потрясающим возможностям изменить ему, которые он ей дал.

Конечно, воздавать похвалу в обратной пропорции к весомости причин, управляющих поведением, может быть просто результатом хорошего воспитания. Мы расчетливо используем наши возможности. Нет смысла одобрять человека за то, что он намерен делать в любом случае, и мы оцениваем шансы этого, исходя из доступной нам информации. И мы наверняка будем хвалить человека, если мы знаем, что нет другого способа добиться от него желаемого, и что у него нет никаких других причин вести себя по-другому. Мы не будем хвалить, зная, что похвала ничего не изменит. Мы не тратим похвал на рефлекс, потому что оперантным подкреплением усилить их очень трудно, а зачастую вообще не возможно. Мы не благодарим за то, что было сделано случайно. Мы также воздерживаемся от благодарности, если её выразит кто-то другой. Например, мы не благодарим людей за раздачу милостыни, если они заранее раструбили об этом, поскольку "они уже получили награду свою." (Рациональное использование ресурсов часто яснее видно в отношении наказаний. Обычно не наказывают тогда, когда это не вызовет никаких изменений поведения, например, если проступок совершен случайно или же умственно отсталым или психопатом).

Хорошим воспитанием можно также объяснить то, почему мы не хвалим людей, которые очевидно усердствуют только ради похвалы. Поступок заслуживает похвалы, только если он нечто больше, чем просто похвален. Если те, кто усердствует ради похвалы, не делают сверх того ничего полезного, то хвалить их совершенно напрасно. Такая похвала может даже повредить действию других факторов подкрепления; спортсмен, который стремится "сорвать аплодисменты", который "играет на публику", менее чувствительно реагирует на факторы подкрепления, заложенные в самой игре.

Очевидно, что мы заинтересованы в разумном применении, называя награды и наказания заслуженными или незаслуженными и справедливыми или несправедливыми. Нам важно то, что человек действительно "заслуживает" или, как это растолковывают словари - то, на что он "по праву достоин, или что по справедливости полагается, на что можно претендовать по праву за совершенные дела или проявленные качества." Слишком щедрая награда больше, чем это необходимо для поддержания желательного поведения. Особенно несправедлив тот случай, когда не было сделано вообще ничего, чтобы заслужить награду, или когда то, что было сделано на самом деле, заслуживает наказания. Слишком тяжелое наказание также несправедливо, особенно тогда, когда человек ничего не сделал, чтобы заслужить его, или когда он вел себя хорошо. Несоразмерные последствия действий вредны и могут вызвать проблемы; например, везение часто делает людей ленивыми, а невезение часто губит усердных. (В данном случае положительное подкрепление вовсе не обязательно дают другие люди. Удачи и неудачи создают проблемы, когда они "объективно" незаслуженны.)

Мы стараемся поправить "неправильные" факторы подкрепления, когда говорим, что человек должен "быть благодарен" своей удаче. Этим подразумевается, что он должен и далее продолжать действовать таким же образом, потому что он за это уже получил достаточно подкрепления. В самом деле, распространено мнение, что человек способен ценить вещи только тогда, когда он действительно их заработал. [Этимология слова "ценить" очень важна. Оценить поведение человека - это значит определить его ценность. "Ценить" и "уважать" - близкие по смыслу слова. Мы ценим поведение в смысле оценки целесообразности дать ему (положительное) подкрепление. Мы его уважаем, просто обратив на него внимание. Таким образом, мы уважаем достойного противника в том смысле, что его сила заслуживает внимания. Человек добивается уважения, завоевывая внимание, и мы нисколько не уважаем тех, кто "недостойн нашего внимания." Мы, несомненно, обращаем особое внимание на те вещи, которые мы уважаем и ценим, но при этом мы не обязательно устанавливаем их цену].

Однако существует нечто большее, чем воспитанность или подобающая оценка подкрепителей, в нашем отношении к достоинству или ценности. Мы не только хвалим, благодарим, одобряем или аплодируем человеку, мы ещё и "восхищаемся" им, а это слово близко по значению к "изумляться" или "поражаться." Мы благоговеем перед необъяснимым, и поэтому вовсе не удивительно, что нам свойственно восхищаться поведением тем сильнее, чем менее мы его понимаем. И, конечно, то, что мы не понимаем, мы приписываем "свободной личности". Трубадур средневековья, распевавший свою поэму, должен был казаться одержимым (да и сам он призвал музы, чтобы они вдохновили его), подобно тому, как современный актер, говорящий по памяти слова своей роли, кажется одержимым действующим лицом пьесы, которое он исполняет. Боги вещали устами оракулов и жрецов, которые декламировали священные книги. У интуитивных математиков идеи появляются загадочным образом в ходе бессознательных процессов мышления, и такими восхищаются больше, чем математиками, деятельность которых состоит из логически обоснованных шагов. Творческий гений художника, композитора или писателя кажется сверхъестественным.

Нам кажется, что мы столкнулись с чудом, когда мы восхищаемся таким поведением, потому что мы не видим возможности дать ему подкрепление каким-нибудь иным способом. Мы можем принудить солдат рисковать жизнью, или щедро платить им за это, но ни в том, ни в другом случае мы не можем ими восхищаться. А вот побудить человека рисковать своей жизнью, когда он это не "обязан", и когда за это нет никакого очевидного вознаграждения, то тут уместно только восхищение. Разница между выражением восхищения и изъявлением благодарности ясна: мы восхищаемся поведением, на которое даже восхищение не может повлиять. Мы можем называть научные открытия, произведения искусства, музыку или книги восхитительными, но лишь в такое время или таким образом, что мы не можем повлиять на ученого, художника, композитора или писателя, хотя нам следует также выразить благодарность и предложить иное воздаяние, если это возможно. Мы восхищаемся дарами наследственности - физической красотой, ловкостью или доблестью народа, семьи или отдельного человека - однако без намерения изменить их. (Восхищение может со временем изменить наследственность, изменив её искусственной селекцией, но в гораздо большем временном масштабе).

То, что можно назвать защитой чести, имеет много общих черт с борьбой за свободу. Прекращение положительного подкрепления имеет отрицательное действие, и когда люди лишены благодарности или восхищения, или даже просто возможности благодарности или восхищения, они отвечают соответствующим образом. Они убегают от тех, кто лишает их этого

или нападают на них, чтобы ослабить их эффективность. Литература чести выявляет тех, кто вредит человеческому достоинству; она описывает приёмы, которые они используют, и рекомендует необходимые меры противодействия. Подобно литературе свободы, она не уделяет много внимания просто уклонению от них, по-видимому потому, что учить этому излишне. Вместо этого она концентрирует внимание на ослаблении тех, кто вредит достоинству других. Эти меры редко столь же насильственны, как те, которые рекомендуются в литературе свободы - вероятно потому, что утрата чести обычно менее неприятна, чем боль или смерти. Они часто являются по сути словесным протестом; мы реагируем на тех, кто лишает нас должного достоинства, протестуя, противодействуя, или осуждая их и их действия. (Чувство, которое свойственно человеку, когда он протестует, обычно называют обидой, смысл которой определяется как "выражение возмущенного недовольства", но мы протестуем *не потому*, что мы ощущаем обиду. Мы протестуем и чувствуем обиду *одновременно*, потому что нас лишили возможности быть объектом восхищения или благодарности.)

Большая часть литературы достоинства занимается вопросами справедливости и соразмерности наград и наказаний. И свобода, и честь остаются под угрозой, пока наказание считается целесообразным. Экономика внесла в эту литературу принцип определения справедливой цены или справедливого воздаяния. Первый протест ребенка: "Это несправедливо", как правило, относится к размеру вознаграждения или наказания. Здесь мы имеем дело с той частью литературы достоинства, которая протестует против посягательств на достоинство личности. Индивид протестует (и при этом чувствует возмущение), когда его излишне притесняют, строят ему козни, помыкают им, вынуждают работать с неисправными инструментами, издеваются при помощи якобы невинных шуток, или заставляют вести себя униженно, например в тюрьме или концлагере. Он протестует и возмущается, когда власть выдумывает какую-либо ненужную управленческую меру. Мы оскорбляем его, предлагая заплатить за услуги, которые он оказал безвозмездно, потому что этим мы инсинуируем, что у него куда меньше щедрости или великодушия. Ученик протестует, если мы подсказываем ему ответ, который он сам знает, потому что этим мы уничтожаем его шанс получить хорошую оценку за знание этого. Давая святоше доказательство существования бога, мы уничтожаем его притязания на безусловную веру. Мистики гнушаются ортодоксами, ведь любители разводить антиномии (отрицание универсальности моральных принципов) считают, что вести себя хорошо, следуя заповедям - отнюдь не истинная добродетель. Гражданские права не так-то легко защищать перед лицом полиции. Требовать от гражданина принять присягу верности - значит уничтожить определенную часть его лояльности, которой он в противном случае мог бы гордиться, поскольку впоследствии любое лояльное поведение может быть приписано принятию присяги.

Художник протестует (и возмущается), когда ему говорят, что он рисует картины, которые хорошо продаются, а литератор - что он пишет на заказ, или политик - что он поддерживает законодательную инициативу, чтобы залучить избирателей. Мы склонны возражать (и возмущаться), когда нам говорят, что мы подражаем человеку, которым восхищаемся, или всего лишь повторяем то, что где-то слышали или прочли в книгах. Мы протестуем против (и возмущаются) любого предположения о том, что отрицательные последствия, вопреки которым мы ведём себя достойно, незначительны. Соответственно, мы возражаем, когда нам говорят, что гора, на которую мы собираемся подняться, на самом деле пустынная; что враг, на которого мы собираемся напасть, на самом деле не силён; что работа, которую мы делаем, на самом деле нетрудная; или, - как писал Ларошфуко - что мы ведем себя хорошо, потому что не имеем силы характера, чтобы вести себя плохо. Когда П. В. Бриджмен утверждал, что ученые особенно

склонны признавать и исправлять свои ошибки потому, что в науке любая ошибка будет вскорости обнаружена кем-то другим, то ему дали понять, что он бросает вызов добродетели ученых.

Время от времени казалось, что прогресс в прикладной физике и биологии угрожает ценностям или достоинству людей - это когда они сокращали возможности получать благодарность или вызывать благоговение. Медицинская наука сократила необходимость молча терпеть боль и возможность вызывать этим восхищение. Для зданий, построенных согласно нормам противопожарной безопасности, не нужны отважные пожарные, для безопасных судов - отважные моряки, а для безопасных самолетов - отважные пилоты. Современное животноводство не нуждается в услугах Геракла. Когда больше не требуется изматывающей и опасной работы, трудолюбивые и храбрые люди начинают казаться глупцами.

В этом вопросе литература достоинства вступает в конфликт с литературой свободы, которая ратует за сокращение отрицательных факторов в повседневной жизни, чтобы поведение было менее трудным, опасным или болезненным; однако забота о достоинстве личности иногда торжествует над освобождением от действия отрицательных стимулов. Пример тому - это когда совершенно независимо от медицинской стороны дела, обезболивание родов не столь охотно принимается, как обезболивание при лечении зубов. Военный эксперт Дж.Ф.Ц. Фуллер писал: "Самые высокие военные награды даются за храбрость, а не за ум, и внедрение любого нового вида оружия, которое сильнее индивидуальной доблести, наталкивается на сопротивление." Некоторые устройства, снижающие затраты труда, по-прежнему отвергаются на том основании, что они снижают ценность продукции. Говорят, что пильщики вручную были против введения лесопилок и уничтожали их, потому что их рабочие места оказались под угрозой, но ещё важнее было то, что лесопилки снизили ценность их труда, уменьшив цены на пиленные доски. Однако в этом конфликте свобода, как правило, побеждает достоинство. Людьюми восхищаются, когда они подвергают себя опасностям, тяжелому труду и страданиям, но почти каждый готов отказаться от такой чести.

Но технологии поведения приходится намного труднее, чем технологиям, созданным физикой и биологией, поскольку она угрожает слишком многим таинственным свойствам души. Алфавит был великим изобретением, которое позволило людям сохранять и передавать записи речевого поведения и легко учиться тому, что прежде давалось нелегко - то есть учиться по книгам, а не в непосредственном и, возможно, опасном столкновении с реальным миром. Но до того, как люди поняли необычайные преимущества возможности учиться на опыте других, кажущееся аннулирование личного опыта считалось нежелательным. В диалоге Платона "Федр" египетский царь Тамус аргументирует это так, что те, кто учатся по книгам, обладают лишь видимостью мудрости, а не самой мудростью. Просто прочесть что-то написанное куда менее похвально, чем высказать то же самое "по наитию". Человек, который читает книгу, кажется всезнайкой, но тем не менее, согласно Тамусу, он "ничего не знает". И когда текст используется, чтобы помочь памяти, Тамус утверждал, что память будет деградировать от неупотребления. Читать менее похвально, чем декламировать по памяти. Технология поведения имеет в запасе много других способов, которые, уменьшая потребность в изнурительной, мучительной и опасной работе, уменьшают возможности быть объектом восхищения. Логарифмическая линейка, арифмометр и компьютер являются врагами арифметики в уме. Но и здесь преимущества освобождения от отрицательных стимулов могут компенсировать утрату восхищения.

Может показаться, что за исключением технических приложений, нет преимуществ, компенсирующих умаление достоинства или чести по вине фундаментального научного анализа (поведения). Однако суть научного прогресса такова, что функции автономной личности ("души") отпадают одна за другой по мере всё лучшего понимания роли окружающей среды. Научная концепция кажется унижающей личность, потому что в конце концов не останется ничего, что можно поставить в заслугу автономной личности. А что касается благоговения в смысле изумления, то поведение, которым мы восхищаемся - это поведение, которое мы пока не можем объяснить. Наука, естественно, стремится к наиболее полному объяснению такого поведения; её целью является развенчание всяческих "чудес". Защитники достоинства могут протестовать, но этим они лишь задерживают достижения, за которые в традиционных условиях человек получил бы наибольшую благодарность и максимум восхищения.

Мы признаем достоинство и честь человека, когда мы хвалим его на то, что он сделал. Количество получаемой им похвалы обратно пропорционально очевидности причин его поведения. Если мы не знаем, почему человек поступает именно так, мы приписываем причину его поведения ему самому. Мы сами стараемся получить дополнительную похвалу для себя самих, скрывая причины того, почему мы ведем себя именно так, или утверждая, что действуем в силу менее весомых причин. Мы избегаем ущерба для достоинства других людей, незаметно манипулируя ими. Мы восхищаемся людьми в меру нашей неспособности объяснить причины их поведения, а слово "восхищаться" близко по значению к слову "изумляться." То, что можно назвать литературой достоинства, озабочено обеспечением должного воздаяния. Она может протестовать против достижений в области технологии, в том числе и технологии поведения, потому что они уменьшают возможности быть объектом восхищения, а также против фундаментального анализа поведения, поскольку он предлагает альтернативное объяснение поведения, заслуга за которое ранее приписывалась индивидам. Эта литература, таким образом, стоит преградой на пути дальнейших достижений человечества.

Глава 4: Наказание

Свободу иногда объясняют как отсутствие сопротивления или ограничений. Колесо свободно вращается, если трение оси незначительно, лошадь освобождается от конюхи, к которой была привязана, человек освобождается от веток, которые зацепили его, когда он лез на дерево. Физическое лишение свободы - это наглядное состояние, которое кажется особенно полезным для определения того, что является свободой, но при рассмотрении важных проблем оно оказывается лишь метафорой, причем не очень удачной. Людей действительно можно усмирить оковами, наручниками, смиренными рубашками и стенами тюрем и концентрационных лагерей, однако то, что называется управлением поведением - усмирением, осуществляемое при помощи факторов (оперантного) подкрепления - это совсем другое дело.

Помимо ситуации физического лишения свободы, у человека менее всего свободы и достоинства тогда, когда он находится под угрозой наказания, что, к сожалению, часто выпадает на долю большинства людей. Наказание - это очень распространенное явление, которое учит нас многому. Ребенок спотыкается на бегу, падает, и ему больно; он дотрагивается до пчелы, и она его жалит; он берет кость у собаки, и она кусает его; в результате он учится больше этого не делать. Люди создали себе более уютный и менее опасный мир главным образом для того, чтобы избежать различных форм наказания, существующих в природе.

Слово "наказание" обычно применяют для обозначения факторов воздействия, преднамеренно создаваемых другими людьми, которые в результате этого получают положительное подкрепление. Карающие акты воздействия не следует путать с управлением поведением при помощи отрицательного подкрепления, при котором людей побуждают вести себя определенным образом (избавляющим от отрицательного подкрепления). А наказанием пытаются побудить людей не вести себя определенным (нежелательным) образом. Человек прибегает к наказанию, когда он критикует, высмеивает, обвиняет, или физически нападает на другого, пытаясь подавить нежелательное поведение. Государство часто рассматривают как орган наказующей власти, а некоторые религии учат, что следствием греховного поведения будет вечное и ужасное наказание.

Можно предположить, что литература, проповедующая свободу и честь, должна быть противницей мер наказания и стремиться к тому, чтобы наказаний в мире было меньше, или даже чтобы их вообще не было, и в какой-то мере это действительно так. Но карательные санкции по-прежнему широко распространены. Люди по-прежнему пытаются управлять друг другом чаще всего при помощи порицаний и обвинений, чем одобрений и похвал, армия и полиция остаются наиболее сильными инструментами государственной власти, верующим всё еще иногда напоминают о "геенне огненной", а учителя отказались от наказания розгами, только заменив его более изощренными формами наказания. И любопытнее всего то, что защитники свободы и чести не только не против наказаний, но и в значительной степени ответственны за то, что они все еще применяются. Это странное положение дел можно понять, лишь рассмотрев то, как организмы реагируют на карающие факторы воздействия.

Цель наказания - это устранить неприятное, опасное или какое-либо иное нежелательное поведение из поведенческого репертуара; при этом предполагают, что человек, который был

наказан, будет впредь менее склонен к такому поведению. К сожалению, дело обстоит не так-то просто. Награда и наказание различаются отнюдь не только по направлению целевых изменений поведения. Ребенок, которого жестоко наказали за сексуальные игры, вовсе не обязательно будет впредь менее склонен к ним; и человек, которого посадили в тюрьму за нападение с применением насилия, не обязательно будет менее склонен к насилию. Поведение, вызвавшее наказание, имеет тенденцию возобновляться после того, как прекратится действие карающих мер.

Видимость

достижения желаемых результатов часто можно объяснить совсем иначе. Например, наказание может стать причиной несовместимых эмоций. У мальчика, которого жестоко наказали за сексуальные игры, может, так сказать, пропасть желание впредь ими заниматься, а спасение бегством от карателя несовместимо с борьбой против него. Поэтому будущие ситуации сексуальных игр или борьбы могут вызывать несовместимое с этими ситуациями неадекватное поведение, выработанное кондиционированием. Ну а то, как человек будет ощущать результат этого кондиционирования - как чувство стыда, вины или "греха" - зависит от того, кто его наказывал - родители, сверстники, госучреждения или, соответственно, церковь.

Это неприятное состояние, вызванное наказанием (ощущаемое как эти вышеперечисленные "чувства") имеет гораздо более важное действие. В буквальном смысле, поведение человека впредь может быть направлено лишь "на то, чтобы избежать наказания." Он, конечно, может избегать его тем, что будет вести себя ненаказуемым образом, но есть и другие способы. Некоторые из них являются губительными для него неадекватными невротическими реакциями, которые по этой причине уже тщательно исследованы. Эти так называемые "*динамизмы*" Фрейда, как говорится, являются каналами, по которым подавляемые желания уворачиваются от запретов и находят возможность выражения; но их можно интерпретировать просто как уловки, с помощью которых люди избегают наказания. Соответственно, поведение человека может стать таким, что за него будет невозможно наказать, потому что оно не будет видно - как в случае *фантазирования* и *мечтаний*. Он может прибегнуть к "*сублимации*", предаваясь поведению, которое получает довольно схожие эффекты (положительного) подкрепления, но не наказуемо. Он может прибегнуть к *эрзацу* наказуемого поведения, направляя его на объекты, которые не могут его наказать, например, он может быть агрессивным по отношению к физическим предметам, детям или мелким животным. Он может наблюдать других, кто предаётся наказуемому поведению, или читать о них, отождествляя себя с ними, или интерпретировать поведение других как наказуемое, проецируя на них свои собственные тенденции. Он может прибегнуть к *рационализации* своего поведения, выдумывая для себя самого или окружающих такие причины, которые делают его ненаказуемым, утверждая, например, что он бьёт ребенка ради его собственного блага.

Есть ещё более эффективные способы избежать наказания. Можно избегать ситуаций, в которых возможны акты наказуемого поведения. Человек, которого наказывали за пьянство, может держаться подальше от "искушающих" его мест, где он имеет возможность напиться пьян, а ученик, которого наказывали за отлынивание от учёбы, возможно, постарается избегать ситуаций, которые отвлекают его от выполнения заданий. Есть и другая стратегия, состоящая в том, чтобы изменить окружающий мир так, чтобы наказание за конкретное поведение было менее вероятным. Мы уменьшаем естественные карающие факторы, когда мы ремонтируем сломанную лестницу, чтобы уменьшить вероятность падения с неё, и мы ослабляем карающие

факторы социальной среды, общаясь лишь с наиболее покладистыми друзьями.

Ещё одна стратегия состоит в том, чтобы уменьшить вероятность совершения актов наказуемого поведения. Человек, которого часто наказывают из-за того, что он сразу впадает в ярость, может начать считать на десяти перед тем, как действовать; он избегает наказания, если за то время, пока он считает, его склонность действовать агрессивно снижается до приемлемого уровня. Или он может сделать наказуемое поведение менее вероятным, изменяя своё физиологическое состояние, управляющее агрессивностью, например, путем принятия успокоительных средств. В прошлом мужчины даже прибегали к хирургическим методам - например, кастрируя себя, или согласно библейскому предписанию отрезая руку, которая "вводит в грех". Карающие факторы могут также побуждать людей искать или создавать обстановку, в которой они, вероятнее всего, будут предаваться поведению, которое вытесняет наказуемое; люди избегают неприятностей, будучи заняты ненаказуемыми "делами", например, иступленно занимаясь "чем-то другим." (Большая часть поведения, которое кажется иррациональным в том смысле, что оно не получает никакого видимого положительного подкрепления, очевидно, является средством *вытеснения* наказуемого поведения.) Человек может даже принимать меры, которые усиливают действие карающих факторов, чтобы "уберечь себя" от наказуемого поведения: он может, например, принимать лекарства, под воздействием которых курение или алкоголь вызывают сильные негативные последствия, например, рвоту; или он может подвергнуть себя внешним сильным карающим санкциям - этическим, религиозным или государственным.

Все эти меры человек может принять сам, чтобы уменьшить шансы наказания, но эти меры в отношении его также могут быть приняты другими людьми. Материальная технология цивилизации уменьшила частоту воздействия природных отрицательных факторов окружающей среды на людей, а общественная среда была изменена в направлении уменьшения вероятности наказания со стороны других людей. Тут можно отметить некоторые общеизвестные стратегии.

Наказуемое поведение может быть сведено к минимуму путем создания обстоятельств, в которых менее вероятно, что оно произойдет. Тут классическим поведенческим шаблоном является монастырь. В обстановке, где доступна только простая пища, причем в скудных количествах, никто не подвергается ни естественным отрицательным последствиям переедания, ни общественным мерам неодобрения или религиозного наказания за чревоугодие как простительный грех. Нормальное половое поведение невозможно при разделении полов, а эрзац полового поведения при помощи порнографии, невозможен в отсутствие порнографических материалов. "Сухой закон" был попыткой прекратить потребление алкоголя, удалив его из окружающей обстановки. Он до сих пор практикуется в некоторых государствах, а также почти повсеместно в той смысле, что алкоголь нельзя продавать несовершеннолетним или вообще кому бы то ни было в определенное время суток или в определенные дни недели. Лечение от алкоголизма в заведениях закрытого типа обычно состоит в пресечении доступа к алкоголю. Борьба с потреблением других наркотиков по-прежнему ведётся таким же образом. Агрессивное поведение, которым невозможно управлять иными способами, подавляют, поместив человека в одиночное заключение, где ему просто не на кого напасть. Борьба с кражами состоит в том, что закрывают на ключ всё, что может быть украдено.

Другая возможность состоит в том, чтобы перебить факторы положительного подкрепления наказуемых актов поведения. Истерический рёв ребёнка часто прекращается, когда на него перестают обращать внимание, агрессивное поведение ослабляют тем, что пресекаются

возможности получения с его помощью положительного подкрепления, а с обжорством борются, делая блюда менее лакомыми. Ещё один приём заключается в том, чтобы создать обстоятельства, при которых акты поведения становятся ненаказуемыми. Апостол Павел рекомендовал вступление во брак как средство избежать нежелательные формы сексуального поведения; а порнографию рекомендуют теперь по той же самой причине. Литература и искусство дают людям возможность "сублимировать" и другие виды нежелательного поведения. Подлежащее наказанию поведение также может быть подавлено при помощи сильного подкрепления любого иного поведения, которое может вытеснить его. Организованные занятия спортом поощряются отчасти на том основании, что они создают обстановку, в которой молодые люди будут слишком заняты для того, чтобы начать куралесить.

Если же все это кончается неудачей, то вероятность наказуемого поведения можно снизить путем изменения физиологических условий. Для изменения сексуального поведения можно использовать гормоны, хирургию (например, лоботомию) или транквилизаторы для подавления агрессивности, а ослабляющие аппетит депрессанты - для борьбы с перееданием. Меры такого рода, несомненно, часто противодействуют друг другу и могут иметь крайне отрицательные последствия.

Заметим, что оказалось невозможным пресечь потребление алкоголя в условиях "сухого закона", а разделение полов может иметь последствием нежелательное извращение - гомосексуализм. Чрезмерное подавление поведения, которое в противном случае получало бы сильное подкрепление, может привести к бегству от карающей группы лиц. Однако эти проблемы в принципе можно решить, и имеется возможность изменить мир таким образом, чтобы акты наказуемого поведения в нем никогда не происходили или были крайне редки. Мы и сейчас стараемся создать такой мир для тех, кто сам не может решить проблему наказания, например, для детей, умственно отсталых или психопатов; а если это удастся сделать для всех нас, то человечество сэкономит массу человеческого времени и энергии, которые тратятся теперь впустую.

Томас Хаксли не видел в этом ничего плохого: "Если бы какая-то великая сила устроила так, чтобы я всегда мыслил истинно, и делал то, что правильно; при том условии, что я стану чем-то вроде часов, и меня обязательно будут заводить каждое утро перед тем, как я проснусь, я бы мгновенно воспользовался этим предложением". Но защитники свободы и чести возражают против такого решения проблемы наказания. Ведь такой мир создаёт лишь автоматическую добродетель. Некий Джозеф Вуд Кратч обозвал это "вряд ли достойной доверия позицией протомодерна", и разделяет презрение Т.С. Элиота к "системам настолько совершенным, что никому не нужно будет вести себя хорошо."

Однако беда в том, что, когда мы наказываем человека за плохое поведение, мы ожидаем от него, что он самостоятельно обнаружит способ вести себя хорошо, и тогда то, что он ведет себя хорошо, будет его заслугой. Но если он ведет себя хорошо по причинам, которые мы только что рассмотрели, то это будет заслугой окружающей его обстановки. Проблема тут в атрибутах "самостоятельной личности". Людям якобы следует вести себя хорошо только потому, что они добродетельные. А в условиях "совершенной" системы (общественных отношений) добродетель никому не нужна.

Разумеется, есть веские причины пренебрежительно думать о людях, которые просто

автоматически ведут себя хорошо, потому что у них нет "величия". В мире, в котором человеку не нужно тяжело работать, он не привыкнет к тяжкому труду. В мире, в котором медицинская наука утоляет боль, он не научится переносить болевые стимулы. В мире, который создаёт добродетель автоматически, он не согласится с необходимостью наказания за плохое поведение. Чтобы подготовить людей к миру, в котором они могут быть автоматически добродетельными, им нужно соответствующее воспитание, однако это не означает постоянно карающей обстановки, и нет никакого смысла в том, чтобы прогрессу на пути к миру, в котором люди смогут автоматически вести себя хорошо, ставились какие-то преграды. Ведь проблема не в том, чтобы побудить людей "быть добродетельными", а в том, чтобы они вели себя хорошо.

Вопрос опять-таки состоит в очевидности управления поведением. Когда становится труднее видеть факторы среды, управляющие поведением, тогда мираж "добродетельной самостоятельной личности" начинает казаться все более реальным, и существует несколько причин того, почему управление поведением при помощи наказания становится малозаметным. Простой способ уклониться от наказания - это избегать наказывающего. Секс-игра становится тайной, а жестокий человек нападает только тогда, когда рядом нет полиции. Однако наказывающие могут скомпенсировать это, прячась сами. Родители часто шпионят за своими детьми, а полицейские переодеваются в гражданскую одежду. Тогда уклонение от наказания становится более изощренным. Если водители соблюдают ограничение скорости только тогда, когда видны полицейские, то скорость начинают контролировать с помощью радара, но тогда водитель может установить электронное устройство, которое предупреждает его, что включен радар. Государство, которое превращает всех своих граждан в шпионов, или религия, которая выдвигает догмат всевидящего бога, делают избегание наказания практически невозможным, и карательные факторы становятся максимально эффективными. Люди начинают вести себя хорошо, хотя нет никакого видимого надзора.

Но отсутствие надсмотрщика - просто недоразумение. Обычно говорят, что управление поведением "интернализуется", становится якобы внутренним, что это просто еще один способ сказать, что оно переходит от окружающей среды к "самостоятельной личности", что приводит к тому, что управление становится менее заметным. Пример управления поведением, о котором говорят, что "интернализировано" - это иудейско-христианское понятие "совести" и фрейдистское понятие Superego - "Сверх-Я". Эти "внедрившиеся" факторы управления говорят тихим, мягким голосом, указывая человеку, что надо делать, и особенно то, чего делать нельзя. Все их слова, конечно, получены от общества. Совесть и Сверх-Я являются наместниками власти общества, и даже теологи и психоаналитики признают их внешнее происхождение. Если "Древний Адам" или "Ид" говорит о личной выгоде, обусловленной генетической наследственностью человека, то совесть или Сверх-Я говорит о том, что хорошо для общества.

Совесть или Сверх-Я не возникают просто как невидимый каратель. Они представляют собой ряд вспомогательных приёмов, которые делают карающие санкции более эффективными. Мы помогаем человеку избежать наказания, рассказывая ему о факторах, вызывающих наказание, мы предупреждаем его не вести себя так, как это, вероятно, приведет к наказанию; и мы советуем ему вести себя таким образом, чтобы не быть наказанным. Многие религиозные заповеди и государственные законы имеют такое действие. Они описывают обстоятельства, при которых некоторые формы поведения наказуемы, а другие - нет. Изречения, пословицы и другие формы народной мудрости часто представляют собой полезные правила поведения. "Гляди, куда прыгаешь" - это предписание, возникшее на основе анализа определенных факторов риска:

можно скорее всего поплатиться за то, что прыгнешь не глядя, чем загодя посмотрев, а потом, возможно, не прыгать или прыгнуть осторожно. "Не укради" - это запрет, вытекающий из общественных отношений: люди наказывают воров.

Следуя правилам, которые другие люди вывели из анализа опасных факторов природной и социальной среды, люди часто могут уклониться от наказания или избежать его. Как правила, так и факторы, которые обуславливают поведение согласно этим правилам, могут быть очевидными, но их также приходится заучивать, а затем вспоминать, после чего этот процесс происходит невидимо. Индивид сам говорит себе, что надо делать и чего нельзя, и легко потерять из виду тот факт, что он выучился этому от общества при помощи речевого общения. Когда человек сам создаёт свои правила поведения из анализа карающих факторов, то мы особенно склонны к тому, чтобы поставить ему в заслугу его дальнейшее хорошее поведение, хотя видимые этапы этого процесса просто затерялись в предыстории.

Когда карающие факторы являются просто частью физической среды обитания, то достаточно ясно видно, что происходит. Мы не позволяем человеку учиться водить машину, подвергая его угрозе серьезных опасностей. Мы не посылаем его на оживленную улицу без подготовки и возлагаем на него ответственность за всё, что произойдет. Мы сначала учим его безопасному и умелому вождению. Мы учим его правилам движения. Мы позволяем ему водить сначала в тренажере, в котором опасности минимальны или вообще отсутствуют. Затем мы выпускаем его на относительно безопасную улицу. Если это идёт успешно, то мы можем сделать из него осторожного и умелого водителя, вообще не прибегая к наказанию, даже несмотря на то, что условия, в которых он будет водить машину всю оставшуюся жизнь, будут по-прежнему очень опасными. Мы, вероятно, скажем (но без речательства), что он приобрел "знания", которые необходимы для того, чтобы ездить безопасно, или что он теперь "хороший водитель", а не человек, который имеет поведенческие навыки хорошего вождения машины. Однако когда эти факторы социальные, в частности, когда они установлены религиозными учреждениями, то гораздо более вероятно, что мы будем говорить о "внутреннем осознании добра" или внутренней добродетельности.

Добродетельность, которой приписывается хорошее поведение, является частью достоинства или чести человека и находится в том же самом обратном соотношении с очевидностью управления поведением. Мы считаем наиболее добродетельными тех людей, которые никогда не вели себя плохо и, следовательно, никогда не были наказаны - тех, кто ведет себя хорошо и без знания правил поведения. Иисус Христос обычно изображается в качестве такого идеального человека. Мы считаем менее добродетельными тех, кто ведёт себя хорошо, но только потому, что они были наказаны. Раскаявшийся грешник может выглядеть как прирожденный святой, но то, что он подвергся воздействию карающих факторов, свидетельствует об определённой ограниченности его природной добродетели. Близко с раскаявшимся грешником можно поставить тех, кто проанализировал карающие факторы окружающей действительности и вывел из них правила, которым они следуют, чтобы избежать наказания. Ещё менее добродетельными считают тех, кто следует правилам, сформулированным другими, и ещё менее - если правила и факторы, которые поддерживают соблюдение правил, являются очевидными. Мы вообще не считаем добродетельными тех, кто ведет себя хорошо только под постоянным надзором таких карающих органов, как например полиция.

Добродетельность, как и другие аспекты чести или достоинства, возрастает, когда видимое

управление поведением ослабевает, и параллельно этому, конечно, возрастает и свобода. Поэтому существует тенденция связывать вместе добродетельность и свободу. Джон Стюарт Милль считал, что единственная добродетельность, достойная этого названия, проявляется человеком, который ведет себя хорошо, хотя имеет возможность вести себя плохо, и что только такой человек свободен. Милль не был сторонником закрытия публичных домов; он считал, что они должны оставаться для того, чтобы мужчины могли достичь свободы и чести посредством самообладания. Однако этот аргумент убедителен только в том случае, если мы игнорируем причины того, почему люди ведут себя хорошо, когда они, видимо, имеют возможность вести себя плохо. Одно дело - это запретить игру в кости и карты, запретить продажу алкоголя и закрыть дома проституции. Но совсем другое дело - сделать все эти вещи не привлекательными, а вызывающими отвращение, например, наказывая за соответствующее поведение, называя его искушениями, выдуманной дьяволом, изображая трагическую судьбу пьяниц, или описывая венерические заболевания, которые можно подцепить у проституток. Результат может быть одним и тем же: люди не будут играть в азартные игры, выпивать, или ходить к проституткам, но факт, что они не могут делать этого в одних условиях и "сами" не делают этого в других - это следствие методов управления поведением, а вовсе не добродетели или свободы. В первом случае причины хорошего поведения очевидны; а во втором их легко проглядеть и забыть.

Иногда говорят, что дети не готовы к свободе и самостоятельности, пока они не достигнут совершеннолетия, и что до той поры их надо либо опекать в безопасных условиях, либо наказывать. Если наказание удастся избежать до тех пор, пока они не станут совершеннолетними, то его можно полностью отменить. Но это попросту означает, что безопасные условия и наказания - это единственные доступные средства до тех пор, пока на ребенка не станут действовать факторы окружающего мира, которые дадут ему другие побудительные причины вести себя хорошо. Соответствующие факторы часто не действуют на примитивных индивидов, и та же самая путаница между очевидностью управления поведением и внутренним самообладанием проявляется тогда, когда говорят, что примитивные люди не готовы пользоваться свободой. Но на самом деле если они к чему-то не готовы, так это к тому типу управления поведением, который нуждается в специфическом опыте воздействия соответствующих факторов.

Многие из вопросов карающего управления поведением возникают из-за концепции ответственности - атрибута, который, как говорят, отличает человека от других животных. Ответственность личности - это якобы "достоинство" личности. Мы уважаем её, когда она ведет себя хорошо, чтобы она продолжала поступать так же, но мы скорее всего используем термин "ответственность" тогда, когда она заслуживает наказания. Мы считаем личность ответственной за своё поведение в том смысле, что её можно справедливо и честно наказать. Это опять-таки вопрос хорошего воспитания и разумного использования подкрепителей, если надо "наказать соответственно преступлению." Большее наказание, чем это необходимо, будет стоить дорого и может подавить желательное поведение, в то время как слишком малое - расточительно, если оно вообще не подействует.

Юридическое определение ответственности (и правосудия) отчасти занято установлением фактов. Действительно ли человек вёл себя именно таким образом? Были ли обстоятельства такими, что такое поведение наказуемо в соответствии с законом? Если это так, то какой закон тут надо применить, и какое предусмотрено наказание? Однако другие вопросы, очевидно, касаются "внутреннего человека" ("души"). Был ли акт поведения умышленным или

преднамеренным? Был ли он совершен в пылу гнева? Понятна ли ему разница между справедливым и несправедливым? Осознавал ли он возможные последствия своего поступка? Все эти вопросы о целях, чувствах, осознании и так далее можно сформулировать иначе - в терминах действия окружающей среды на этого человека. Что человек "намерен сделать", зависит от того, что он делал в прошлом, и что из этого вышло. Человек не действует, потому что он "чувствует гнев"; он действует и чувствует гнев по общей причине, которая не уточняется. А то, заслуживает ли он наказания в том случае, когда все эти условия будут приняты во внимание, является вопросом о вероятном результате: будет ли он, если его наказать, вести себя по-другому, когда опять возникнут такие же обстоятельства? Теперь есть тенденция заменять ответственность управляемостью (поведением), однако управляемость скорее всего не следует рассматривать как атрибут "свободной личности", так как она явно указывает на внешние факторы.

Утверждение, что "только свободный человек может быть ответственным за свое поведение" имеет два значения, в зависимости от того, интересуется ли нас свобода или ответственность. Если мы хотим сказать, что люди ответственны, мы не должны делать ничего, что ограничивало бы их свободу, так как если они не могут свободно действовать, то они не могут быть ответственны. Если мы хотим сказать, что они свободны, мы должны возлагать на них ответственность за их поведение, используя карающие факторы, так как если бы они вели себя таким же образом под действием очевидных *не-карающих* факторов (среды), то было бы ясно, что они не были свободны.

Любой шаг в сторону окружающей среды, в которой люди автоматически хорошо ведут себя, является угрозой для "ответственности". Например, в борьбе с алкоголизмом традиционная практика - карающая. Пьянство называют злом, и родственники пьяницы применяют против него этические санкции (состояние, которого они добиваются, называется чувством стыда), или его классифицируют как нарушение закона, за которое полагаются санкции закона (состояние, которого этим добиваются, называется чувством вины), или его называют грехом и за него наказывают религиозные учреждения (состояние, которого этим добиваются, называется чувством греха). Такая практика не принесла заметных успехов, и поэтому начали искать другие меры управления (поведением). По-видимому, многообещающими являются данные медицины. Люди различаются по переносимости алкоголя и по склонности попадать в алкогольную зависимость. После того, как человек стал алкоголиком, он может пить, чтобы облегчить тяжелые симптомы воздержания от алкоголя, что не всегда принимают во внимание те, кто их никогда не испытывал. Медицинские аспекты поднимают вопрос об ответственности: насколько справедливо наказывать алкоголика? С точки зрения воспитания, можно ли ожидать того, что наказание окажется эффективным против противодействующих положительных факторов подкрепления? Или нам следует лечить его от алкоголизма, как от болезни? (Наша культура отличается от утопии Сэмюэля Батлера "Erewhon" - "Едгин", в которой за болезнь полагалось наказывать.) С уменьшением ответственности наказание ослабляется.

Другой пример - это преступность несовершеннолетних. С традиционной точки зрения молодёжь ответственна за соблюдение законов и может быть справедливо наказана при их нарушении, но для неё трудно установить эффективные меры наказания, и поэтому стали искать другие меры воздействия. Данные о том, что преступность более широко распространена в определённых районах среди бедноты, оказались многозначительными. Человек более склонен к воровству, если у него мало или вообще нет собственности, если его образование не подготовило

его к тому, чтобы получить рабочее место и держаться за него, чтобы иметь возможность купить то, что ему нужно; если шансов получить работу нет, если он не был приучен соблюдать законы, и если он часто видит других нарушителей закона, остающихся безнаказанными... В таких условиях преступное поведение получает сильное положительное подкрепление и вряд ли будет подавлено юридическими санкциями. Поэтому факторы воздействия ослабляют: преступника могут просто предупредить или исполнение приговора будет отсрочено. Ответственность и наказание уменьшаются параллельно.

В действительности проблема заключается в эффективности методов управления поведением. Мы не решим проблем алкоголизма и преступности несовершеннолетних, пытаясь увеличить чувство ответственности. Ведь за предосудительное поведение "ответственна" социальная среда, и изменять надо именно эту среду, а не какие-то атрибуты личности. Мы признаем это, когда говорим о карающих факторах природной среды. Попытки пробить стену головой наказываются ударами по черепу, но мы ведь не считаем виновным человека, если он пытается пробить стену головой, и мы не говорим, что природа возложила на него ответственность за это. Природа просто карает его, когда он бьет стену головой. Когда мы делаем мир менее опасным или учим людей тому, как избежать "наказаний" от природы, и предлагаем им следовать определенным правилам, то мы не наносим ни ущерба ответственности, ни чиним угроз каким-либо другим оккультным качествам личности. Мы просто делаем мир более безопасным.

Концепция ответственности оказывается особенно слабой, когда причину поведения можно проследить к генетическим детерминантам. Мы можем любоваться красотой, грацией и чувствительностью, но мы не можем винить человека за то, что он уродлив, или эпилептик, или страдает дальтонизмом. Даже менее заметные формы генетических различий и то приносят неприятности. Полагают, что есть индивидуальные различия - как видовые варианты - того, насколько агрессивно реагируют люди, или получают подкрепление, когда наносят агрессивный ущерб другим, или того, насколько у них выражено сексуальное поведение или сколь сильное подкрепление они получают от секса. Следовательно, вопрос в том, в равной ли мере они ответственны за самоконтроль своего агрессивного или сексуального поведения, и справедливо ли наказывать их по одной и той же мерке? Если мы не наказываем человека за косолапость, то должны ли мы наказывать его за то, что он быстро впадает в ярость или высокочувствителен к сексуальному подкреплению? Эти вопросы были недавно подняты потому, что существует возможность того, что многие преступники имеют аномалии в своих хромосомах. Концепция ответственности тут мало чем может помочь. Проблема состоит в управляемости поведения. Мы не можем изменить генетические дефекты наказаниями; мы не можем действовать изменениями генетики, которые действуют на гораздо более длительной временной шкале. Надо изменять не ответственность "самостоятельной личности", а те факторы окружающей среды и генетики, от которых зависит поведение человека.

Хотя люди отнекиваются, когда научный анализ прослеживает причины их поведения к внешним обстоятельствам и, таким образом, лишает их заслуг и почёта, они редко возражают, когда тот же анализ избавляет их от вины. Примитивное учение XVIII-XIX веков о влиянии окружающей среды было быстро приспособлено для целей оправдания и освобождения от ответственности. Джордж Элиот высмеял это в своем *Адам Беда*: "Ну да, конечно, человеку не столь сподручно украсть деньги, если деньги не лежат в пределах досягаемости, но он не сможет заставить нас думать, что он честный человек, если он жалуется, что деньги мозолили ему глаза". Алкоголик самым первым заявляет, что он - больной, а малолетний преступник - что

он жертва жестокой социальной среды: ведь если они не ответственны, то их невозможно справедливо наказать.

Освобождение от ответственности - это ответственность наоборот. Те, кто берутся за изменение человеческого поведения - неважно, по какой причине - становятся частью этой "среды", на которую спихивают ответственность. В традиционном понимании ответственность лежала на ученике-неуче, на ребенке, который испортился, на гражданине, который нарушил закон и на бедных, которые бедны, потому что не работают, но сейчас обычно говорят, что нет тупых учеников, а есть неумелые учителя, нет плохих детей, а есть плохие родители, нет преступников, кроме как в полиции, и нет лентяев, а есть лишь плохие системы стимулирования. Тогда, конечно, мы в свою очередь должны спросить, почему учителя, родители, полицейские и капиталисты - плохие. Ошибка, как мы увидим позже, - это взваливать на кого-то всю ответственность, полагая, что там-то и есть начало причинно-следственной цепочки.

Раймонд Бауэр писал, что коммунистическая Россия даёт интересный пример отношений между сторонниками влияния окружающей среды и личной ответственности. Сразу же после революции правительство утверждало, что если многие россияне не образованны, не трудолюбивы, невоспитанны и несчастны, то это потому, что среда сделала их такими. Новое правительство займётся изменением социальной среды, используя работы И. П. Павлова об условных рефлексах, и все будет хорошо. Но к началу 1930-х годов правительство поняло, что шанс упущен, и многие россияне так и не стали более образованными, трудолюбивыми, воспитанными или счастливыми. Официальную линию тогда изменили, и Павлов вышел из моды. Его заменили волюнтаристской психологией, согласно которой сам российский гражданин должен стремиться к знаниям, работать продуктивно, вести себя хорошо и быть счастливым. Задачей педагога стало убеждать людей в том, что они должны взять на себя эту ответственность, а не вырабатывать у них условные рефлексы. Но победа во Второй мировой войне вернула уверенность в правильности прежних принципов, ведь в итоге правительство достигло успехов. Возможно, результаты были ещё не оптимальные, но направление было правильным. И Павлов вернулся в моду.

А вот освобождение от ответственности тех, кто управляет, редко когда документируется с такой же легкостью; однако что-то в этом роде, вероятно, всегда лежит в основе дальнейшего использования карающих методов. Нападки на возможность "автоматической" добродетели свидетельствуют о культе "независимой личности", хотя практические факторы подкрепления куда более убедительны. Литература свободы и чести объявила управление человеческим поведением уголовно наказуемым преступлением, в основном делая тех, кто управляет поведением других, ответственными за негативные результаты. Манипулятор может уйти от ответственности, если он сможет убедить всех, что каждый сам управляет своим поведением. Учитель, который ставит в заслугу ученику хорошую учебу, может также призвать его к ответственности за то, что он не учится. Родитель, который хвалит ребенка за достижения, может также бранить его за ошибки. И ни учитель, ни родитель не признают своей ответственности за это.

Для освобождения от ответственности очень удобно ссылаться на генетические корни человеческого поведения. Если у некоторых рас якобы меньше интеллекта, чем у других, то как можно обвинять учителя в том, что он их плохо учит? Если некоторые люди якобы рождаются преступниками, то законы всегда будет нарушаться, как бы ни были совершенны

правоохранительные органы. Если люди воюют якобы потому, что они по своей природе агрессивны, то нам нечего стыдиться своей неспособности сохранить мир. О стремлении избавиться от ответственности свидетельствует тот факт, что мы более склонны сваливать на генетику отрицательные явления, чем положительные достижения. Тем, кто в настоящее время заинтересован в улучшении поведения людей, не причитается ни заслуг, ни ответственности за последствия, которые можно отнести на счёт генетики; если они несут за что-либо ответственность, так это за будущее человеческого рода. Практика, приписывающая поведение генетической наследственности, будь то вида в целом или какой-то его части, например расы или рода, может повлиять на практику производства потомства и, в перспективе, на другие способы изменения наследственности, и современный человек может в некотором смысле нести ответственность за последствия, будь то его деятельности или бездействия; но это будут отдаленные последствия, которые вызовут совершенно иные проблемы, которые мы, возможно, ещё обсудим.

Те, кто применяют наказания, по-видимому, всегда чувствуют себя уверенно. Преследование правонарушений одобряют все - за исключением правонарушителя. Если те, кто был наказан, потом не исправились, то это не вина тех, кто наказывает. Но освобождение их от ответственности - не полное. Ведь даже те, кто поступает правильно, могут потратить много времени, чтобы выяснить, что следует делать, и, возможно, никогда не будут делать этого хорошо. Они тратят время на то, чтобы разбираться с посторонними фактами, бороться с дьяволом, и на неэффективный поиск правильного пути методом проб и ошибок. Кроме того, наказание причиняет боль, и никто не остаётся вовсе не затронут страданием, даже если боль была причинена другому. Поэтому те, кто наказывает, не могут полностью избежать критики, и могут "оправдать" свои действия, ссылаясь на последствия наказания, которые якобы компенсируют его отвратительные особенности.

Было бы абсурдно причислять опусы Жозефа де Местра к литературе свободы и чести, так как он был непримиримым противником её основных принципов, особенно тех, за которые выступали писатели эпохи Просвещения. Тем не менее, выступая против эффективных альтернатив наказанию на том основании, что только наказание даёт человеку свободу выбора вести себя хорошо, эта литература создала необходимость своеобразного оправдания (наказания), на что де Местр был мастак. Вот его оправдание вероятно самого жуткого из всех карателей - мастера пыток и палача:

"Звучит зловещий сигнал; низший служитель правосудия приходит, чтобы постучать в его дверь и известить его, что он нужен. Он выходит; он приходит на городскую площадь, которая переполнена нетерпеливой возбужденной толпой. Ему выдают пленника, или убийцу, или богохульника. Он хватает его, кладет и растягивает на лежащем горизонтально кресте; он поднимает руку - и наступает жуткая тишина. Не слышно ничего, кроме вопля, треска ломаемых штангой костей, и завываний жертвы. Затем он отвязывает его и несет к колесу; вплетает раздробленные конечности между спиц; голова свисает; волосы стоят дыбом; из уст, зияющих, как топка печи, теперь лишь время от времени вперемешку с кровью выходят слова, молящие о смерти. И вот палач закончил своё дело; его сердце бьется, причём от радости; он аплодирует сам себе, он говорит с гордостью: "Никто не умеет колесовать лучше, чем я!" Он сходит вниз с эшафота и протягивает окровавленную руку, и закон бросает ему издали несколько золотых, которые он уносит с собой через двойную шеренгу зевак, которые в ужасе отшатываются. Он садится за стол и ест; затем он ложится в постель и засыпает. Когда он просыпается на

следующий день, он думает уже о чем-то совершенно другом, а не о той работе, которую он делал вчера ... Все величие, вся власть, вся дисциплина основаны на палаче. Он - ужас человеческого общества и та привязь, которая держит его вместе. Уберите из мира это непостижимое действующее лицо, и в этот самый момент порядок сменится хаосом, престолы рухнут и общество исчезнет. Бог, этот источник всяческого суверенитета, следовательно, также является и источником наказания."

Даже если мы больше не прибегаем к попыткам в так называемом цивилизованном мире, мы тем не менее по-прежнему широко используем карательные методы как во внутренних, так и в международных делах. Очевидно, тому есть весомые причины. Если не бог, то природа создала человека таким, что им можно управлять при помощи насилия. Люди быстро становятся умелыми палачами (хоть и не обязательно умелыми управляющими), а вот альтернативным положительным мерам воздействия выучиться куда труднее. Людям кажется, что необходимость наказаний оправдывается даже историей, а альтернативные методы угрожают заветным ценностям свободы и чести. И поэтому мы продолжаем наказывать - и оправдывать наказания. Нынешние де Местры могут оправдывать войны похожими словами: "Все величие, вся власть, вся дисциплина основаны на солдате. Он - гордость человеческого общества и та привязь, которая держит его вместе. Уберите из мира это непостижимое действующее лицо, и в этот самый момент порядок сменится хаосом, правительства рухнут и общество исчезнет. Бог, этот источник всяческого суверенитета, следовательно, также является и источником войны". Тем не менее, есть лучшие способы управления поведением, но литература свободы и чести молчит о них.

За исключением ситуации, когда человек физически скован, он имеет менее всего свободы и чести, когда находится под угрозой наказания. Можно было бы ожидать, что литература свободы и чести выступит против карательных методов, но на самом деле она содействует их сохранению. Человек, который перенес наказание, из-за этого не обязательно будет менее склонен вести себя прежним образом; в лучшем случае, он научится тому, как уклониться от наказания. Некоторые способы избегания - неадекватные или невротические, например, так называемые "фрейдистские динамизмы." Другие способы состоят в избегании ситуаций, при которых велика возможность вести себя наказуемым образом, или выполнять акты поведения, несовместимые с наказуемыми. Аналогичные меры, снижающие вероятность того, что кто-то будет наказан, могли бы быть предприняты другими людьми, но литература свободы и чести противится этому, так как от этого он станет "автоматически" добродетельным. При действии карающих факторов создаётся ложное впечатление, что человек волен вести себя хорошо, и что когда он делает это, то в этом именно его заслуга. Ненаказующие факторы вызывают такое же поведение, но тогда нельзя сказать, что человек волен вести себя хорошо, и что это его заслуга. Ведь от "независимой личности" тогда останется слишком мало или вообще ничего, для того, чтобы ей быть ответственной за поступки и получать за них воздаяние. Тогда человек не претерпевает угрызений совести и, следовательно, не имеет шансов быть моральным героем или претендовать на внутренние достоинства. Но наша задача состоит не в том, чтобы разжигать угрызения совести или укреплять и демонстрировать внутренние достоинства. Нам надо сделать жизнь менее карающей, и благодаря этому освободить для более полезной деятельности время и энергию, растрачиваемые на избегание наказаний. В какой-то мере литература свободы и чести сыграла свою роль в процессе медленного и непоследовательного смягчения отрицательных факторов в социальной среде обитания человека, включая и карающие факторы, применяемые в преднамеренном управлении поведением. Но эта литература сформулировала свои задачи таким

образом, что не может теперь согласиться с тем фактом, что все факторы, управляющие поведением, исходят из окружающей среды, и следовательно, надо создавать лучший окружающий мир, а не более совершенного человека.

Глава 5: Альтернативы наказания

Поборники "свободы и чести" конечно, не ограничиваются лишь карательными мерами, однако они применяют альтернативы наказанию нерешительно и непоследовательно. Их культ автономной личности позволяет им прибегать лишь к неэффективным мерам (управления поведением), некоторые из которых мы сейчас и рассмотрим.

Вседозволенность

Абсолютную вседозволенность всерьез предлагали в качестве альтернативы наказанию. При ней вообще не должно быть никаких попыток управления (поведением), благодаря чему автономность личности безраздельна. Если личность ведет себя хорошо, то это якобы потому, что ей врожденно присущи либо добродетельность, либо дисциплинированность. Свобода и честь гарантируются. Свободный и добродетельный человек, мол, не нуждается в государстве (ведь правительства только разводят коррупцию), и в состоянии такой анархии он может упражняться в своей природной добродетельности и вызывать этим восхищение. Он не нуждается в догмах религии; он благочестив и ведет себя добродетельно не повинаясь заповедям, а вероятно, благодаря некоему прямому мистическому озарению. Ему не нужны никакие искусственные экономические стимулы; он по своей природе трудолюбив и будет обмениваться с другими частью того, чем владеет, по справедливости в естественных условиях спроса и предложения. Он не нуждается в учителях; он учится, потому что любит учиться, и его естественная любознательность диктует ему то, что ему следует знать. Если жизнь станет для него слишком сложной, или если его естественное состояние добродетели будет нарушено невзгодами или вмешательством любителей поуправлять, то у него могут возникнуть личные проблемы, но он найдет их решение без помощи психотерапевта.

Практика вседозволенности имеет массу преимуществ. Она экономит труд надзирающих и налагающих карательные санкции. Она не вызывает ответного насилия. Тех, кто её практикует, невозможно обвинить в ограничении чьей-либо свободы или лишении кого-либо чести. И их не обвинишь ни в чём, если дела примут плохой оборот. Ведь если люди ведут себя плохо по отношению друг к другу в условиях вседозволенности, то это из-за несовершенства человеческой природы. Если они дерутся, когда нет власти, поддерживающей порядок, то это из-за того, что у них есть агрессивные инстинкты. Если ребенок стал преступником, когда его родители не предпринимали никаких усилий, чтобы управлять его поведением, то это потому, что он общался с плохими людьми или имеет преступные наклонности.

Однако вседозволенность не является линией поведения (в обществе); это отказ от вообще какой-либо общественной позиции, и ее видимые преимущества иллюзорны. Отказ от управления поведением означает передачу управления поведением отнюдь не самой личности, а каким-то иным факторам социальной и природной окружающей среды.

Управление поведением как акушерство (майевтика)

Способ изменять поведение без очевидного управления им описан ещё Сократом в его метафоре

акушерки: одна личность лишь помогает другой "родить" поведение. Так как акушерка не участвует в зачатии, а лишь помогает при родах, то личность, которая "рождает" своё поведение, может считать его своей безраздельной заслугой. Сократ продемонстрировал применение "майевтики", т.е. родовспоможения, в сфере обучения. Он считал, что доказал возможность того, чтобы при помощи наводящих вопросов даже необразованный мальчик-раб может доказать теорему Пифагора. Мальчик давал на них утвердительный ответ на каждой стадии доказательства, и Сократ утверждал, что он делал это без подсказки, иными словами, что он в некотором смысле "знал" целиком всё доказательство теоремы. Сократ утверждал, что даже обыденные знания можно "вывести" таким же образом, так как душа ведаёт истину и ей нужно лишь показать, что она её знает. Этот отрывок часто цитируется как якобы имеющий прямое отношение к современной практике образования.

Эта метафора укоренилась также и в теориях психотерапии. Мол, пациента не надо учить более адекватному поведению или давать ему советы, как решить свои проблемы; якобы решение уже имеется в нём самом и ему надо его только "родить" с помощью психотерапевта-"акушерки". Как выразился один писатель: "У Фрейда и Сократа есть три общих принципа: познай самого себя; добродетель - это знание (истины) и метод "майевтики" или искусство акушерства, которым, конечно, и является процесс психоанализа." Подобная позиция в религии связана с мистицизмом: человеку якобы не нужно следовать догматам, которые установлены ортодоксией; мол, внутренние источники направят его поведение так, как следует.

Интеллектуальное, психотерапевтическое и моральное "акушерство" вряд ли легче, чем управление поведением при помощи наказаний, потому что оно требует весьма искусных навыков (общения) и пристального внимания, но оно имеет свои преимущества. Создаётся впечатление, что оно придаёт практикующему его таинственную власть. Подобно каббалистике, использующей инсказанья и намеки, оно достигает результатов, которые кажутся непропорционально большими в сравнении с затраченными усилиями. Однако этим не умаляются заслуги пациента. Ему целиком ставится в заслугу то, что он якобы всё уже знал "внутри" до того, как "родить", и то, что в нём были семена хорошего психического здоровья, и его способность вступить в прямое общение с богом. Важным преимуществом является и то, что практикующий такое "акушерство" избавлен от ответственности. Точно так же, как не вина акушерки, если ребенок рождается мертвым или уродцем, так и не вина учителя в отсутствии у ученика успехов, или психотерапевта, когда пациент не справляется со своими проблемами, или мистика-"гуру", когда его последователи ведут себя предосудительно.

Метод "майевтики" имеет определённые достоинства. Это тонкий вопрос - сколько помощи учитель должен оказать ученику, чтобы тот освоил новые формы поведения. Учитель должен ждать, пока студент не даст ответ, а не торопиться подсказать ему, что он должен сделать или сказать. Как сказал Коменский: "Чем более учитель учит, тем менее научается ученик." При этом польза для ученика совсем в ином. Вообще говоря, нам не нравится ни то, когда нам говорят что-то, что мы уже знаем, ни то, что мы вряд ли когда-либо хорошо поймём или усвоим. Мы не читаем книгу, если мы уже хорошо знаем её содержание, или если её содержание нам совершенно чуждо и, скорее всего, таковым и останется. Мы читаем книги, которые помогают нам высказать то, что мы уже почти в состоянии сказать, но ещё не можем сказать ясно без посторонней помощи. Мы понимаем автора, хотя мы не могли бы сформулировать то, что понимаем, до того, как он выразил это в словах. Психотерапия оказывает пациенту помощь похожим образом. Метод "майевтики" полезен ещё и потому, что он управляет поведением

гораздо сильнее, чем обычно принято думать, что в ряде случаев очень ценно.

Однако его достоинства куда меньше тех, что ему приписывают. Мальчик-раб у Сократа так ничему и не научился, так как нет никаких доказательств тому, что он смог бы позднее самостоятельно доказать теорему. К тому же в отношении как "майевтики", так и вседозволенности верно то, что их положительные результаты - результат управления поведением иными, игнорируемыми факторами. Если, например, пациент преодолевает свои проблемы без помощи психотерапевта, то это значит, что он где-то в другом месте подвергся действию полезных факторов окружающего мира.

Управление как ориентирование

Следующая метафора, описывающая слабые управляющие воздействия, заимствована из садоводства. Поведение, которое личность "родила", растет, и его росту можно дать направление или форму, подобно росту растения. Поведение якобы можно "ориентировать."

Эта метафора очень распространена в области воспитания. Школа для маленьких детей называется детским садом. Поведение ребенка "развивается", пока он не достигнет "зрелости". Учитель может ускорить процесс или несколько изменить его направление, однако (согласно классическому изречению) он не может научить, он может только помочь ученику учиться. Метафора ориентирования распространена и в психотерапии. Фрейд утверждал, что человек должен пройти через несколько этапов развития, и если пациент "застрянет" на каком-то этапе, то психотерапевт должен помочь ему освободиться и продолжать движение вперед. Правительства тоже руководят - например, когда они поощряют "развитие" промышленности при помощи налоговых льгот, или создают "климат", который содействует улучшению межрасовых отношений.

Ориентирование - не такое легкое дело, как вседозволенность, но оно, как правило, проще "майевтики" и имеет те же преимущества. Того, кто просто ориентирует естественное развитие, не так-то легко обвинить в попытке управлять им. Сам рост остается достижением самой личности, свидетельствующим о её свободе и ценности, о её "скрытом потенциале", а "ориентирующий" подобно садовнику не несет ответственности за конечную форму "выращиваемого", так что фиаско - это не вина того, кто всего лишь ориентирует.

Однако ориентирование эффективно только в той степени, в какой оно на самом деле является управлением. Такое руководство либо открывает новые возможности, либо блокирует рост в конкретных направлениях. Создать возможность чего-либо - это не особо положительное действие, но и оно тем не менее является видом управления, если увеличивает вероятность выполнения определённых актов поведения. Учитель, который просто выбирает материал, который ученик должен выучить, или психотерапевт, который просто предлагает пациенту сменить работу или круг общения, осуществляет управление, хотя доказать это может быть нелегко.

Управление становится более очевидным, когда им предотвращается рост или развитие. Цензура блокирует доступ к информации, необходимой для развития в определенном направлении; она закрывает возможности. Де Токвиль наблюдал это в тогдашней Америке: "Волю человека тут не ломают, а обессиливают, угнетают и направляют. Людей редко понуждают ... действовать, но их

постоянно удерживают от действий." Как выразился Ральф Бартон Перри: "Тот, кто определяет, какие альтернативы действий могут быть известны человеку, управляет его возможностями выбора. Человека лишают свободы в меру того, насколько ему будет отказано в доступе к любым идеям, или ему будет дан лишь ограниченный набор идей, а не вся совокупность соответствующих возможностей". Тут вместо "лишают свободы" можно вставить "манипулируют".

Несомненно, хорошо бы создать окружающую среду, в которой люди быстро приобретали бы эффективное поведение и продолжали вести себя эффективно. При конструировании такой среды мы можем устранить отвлекающие и неоднозначные возможности (подкрепления), а это и является ключевым моментом в метафоре ориентирования роста или развития. Но на самом наблюдаемые изменения - это результат организованных нами факторов (подкрепления), а не "ориентированного" развития какого-то якобы врожденного шаблона (поведения).

Создание зависимости (поведения) от вещей

Жан-Жак Руссо боялся опасности социального манипулирования, и думал, что избежать его можно, создавая зависимость личности не от людей, а от вещей. В романе "Эмиль" он объясняет, как ребенок может получить знание о вещах от самих вещей, а не из книг. Описанные им методы все еще широко распространены, в основном из-за требования Джона Дьюи внести реальную жизнь в школу.

Одно из преимуществ зависимости от вещей, а не от других людей, состоит в том, что экономится время и энергия других людей. Ребенок, которому приходится напоминать, что пора идти в школу, зависит от своих родителей, но ребенок, который научился реагировать на часы и других временные факторы окружающего его мира (а не на так называемое "чувство времени"), зависит от вещей, и он предъявляет меньше требований к родителям. В процессе обучения вождению автомобиля человек зависит от инструктора до тех пор, пока ему приходится указывать, когда тормозить, когда дать сигнал поворота, когда переключать передачи, и так далее; но когда его поведение перейдет под контроль естественных последствий вождения автомобиля, он сможет обойтись без инструктора. Круг "вещей", от которых должно стать зависимым поведение человека, включает в себя и других людей, когда они не действуют специально для того, чтобы изменить его поведение. Ребенок, которому приходится указывать, что говорить и как себя вести по отношению к чужим людям, зависит от тех, кто даёт ему указания; но ребенок, который научился ладить с чужими, может обойтись без указаний.

Еще одним важным преимуществом зависимости от вещей является то, что факторы подкрепления, связанные с вещами, более однозначны и формируют более эффективное поведение, чем факторы, устроенные другими людьми. Временные факторы окружающей среды являются более универсальными и более чуткими, чем любая череда напоминаний. Человек, чье поведение при вождении автомобиля сформировано реагированием автомобиля, ведет его более умело, чем тот, кто следует инструкции. Те, чьи отношения с людьми являются результатом прямого воздействия социальных отношений, более искусны в общении, чем те, кому всегда указывали, что сказать и что сделать.

Это - важные преимущества, и мир, в котором все поведение людей зависит от вещей, представляет собой привлекательную перспективу. В таком мире каждый будет хорошо себя

вести по отношению к своим ближним, так как он научился так поступать в результате их одобрения и порицания; он будет работать продуктивно и усердно и вести обмен вещей с другими людьми в силу их естественной ценности; и он будет учиться тем вещам, которые естественным образом представляют для него интерес и естественным образом полезны для него. Все это было бы куда лучше, чем вести себя хорошо, повинаясь законам, навязываемым полицией, и продуктивно работать ради искусственного подкрепления, называемого деньгами, и учиться для того, чтобы получать хорошие оценки.

Но вещами не так-то просто управлять. Процедуры, описанные Руссо, были хлопотливыми, и к тому же они часто не работают. Сложные факторы подкрепления, в которых участвуют вещи (в том числе и люди, которые ведут себя "непредумышленно") могут, в отсутствие вспомогательных приёмов, иметь очень незначительное влияние на человека даже на протяжении всей его жизни. Это факт огромной важности по причинам, которые мы разберём позже. Мы также должны помнить, что управление, осуществляемое вещами, может быть губительным. Мир вещей может быть тираническим. Естественные факторы подкрепления могут побудить человека вести себя суеверно, рисковать всё более и более безрассудно, бесполезно работать до изнеможения, и так далее. Одно лишь противодействие, оказываемое социальной средой, не даёт никакой защиты от таких последствий.

Зависимость от вещей не является независимостью. Ребенок, которому не нужно напоминать, что уже время идти в школу, перешел под управление более тонких и более полезных стимулов. Ребенок, который научился, что говорить и как себя вести в общении с чужими, перешел под управление социальных факторов подкрепления. Поведение людей, которые хорошо уживаются друг с другом под действием лишь мягких факторов одобрения и неодобрения, управляется столь же эффективно (а во многих отношениях более эффективно), чем подданные в полицейском государстве. Ортодоксальная религия управляет людьми с помощью догматов, но мистицизм ничуть не свободнее, потому что факторы, которые сформировали поведение мистика, более личные, идиосинкразические. Тот, кто работает продуктивно из-за подкрепления стоимостью производимых им товаров, находится под чутким и строгим управлением результата своего труда. Тот, кто учится в естественной (социальной) среде, испытывает действие управления более мощного, чем любое управление, осуществляемое учителями.

Личность никогда не бывает по-настоящему независимой (от общества). Даже если она эффективно обращается с вещами, она обязательно зависит от тех, кто научил её этому. Именно они выбрали (в качестве подкрепления) те вещи, от которых она (теперь) зависит, и установили вид и степень этой зависимости. (Они поэтому не могут избавиться от ответственности за результаты.)

Изменение сознания

Удивителен тот факт, что наиболее яростные противники манипуляции поведения совершенно непоследовательно прилагают самые энергичные усилия, чтобы манипулировать сознанием. Видать, угроза свободе и чести возникает только тогда, когда поведение изменяют, изменяя материальную окружающую среду. Они не видят никакой угрозы, когда изменяют "состояния сознания", которые, как они утверждают, ответственны за поведение; наверно, это потому, что автономная личность обладает некоей чудодейственной силой, которая позволяет ей то "прогибаться", то сопротивляться.

Их счастье - тех, кто возражает против манипуляции поведения, - что они не имеют ничего против манипуляции сознания, поскольку в противном случае им пришлось бы вообще молчать. Однако напрямую изменить сознание невозможно. Манипуляция материальных факторов в окружающей среде производит изменения, которые, как они утверждают, указывают на изменение сознания, но если при этом есть какое-то воздействие, то только на поведение. Такое управление (поведением) малозаметно и не очень эффективно, и поэтому кажется, что отчасти это управление осуществляется самой личностью, сознание которой изменяется. Рассмотрим несколько характерных способов изменения сознания.

Мы можем побудить человека к определённому акту поведения, давая ему подсказку (например, когда он не в состоянии решить задачу), или советуя ему действовать определенным образом (например, когда он не знает, как поступить). Подсказки, намёки и советы - всё это стимулы; они обычно (но не всегда) речевые, и имеют важное свойство быть лишь соучастником в управлении поведением. Никто не отреагирует на подсказку или намёк, если не имеет некоторую тенденцию вести себя данным образом. Когда факторы, которыми объясняется преобладающая тенденция поведения, неявны, то отчасти причину акта поведения можно приписать сознанию. Внутреннее управление поведением кажется особенно убедительным, когда внешнее управление неочевидно, т.е. когда, например, человеку рассказывают на первый взгляд не имеющую отношения к делу историю, которая тем не менее действует как намёк, подсказка или внушение. Показательный пример осуществляет управление похожим образом, используя универсальную тенденцию к подражательному поведению. Именно так "манипулируют сознанием" рекламные "свидетельства".

Нам также кажется, что мы воздействует на сознание, когда мы *настаиваем* или *убеждаем* (*persuade*) кого-то что-то сделать. Этимологически слово *urge* (*настаивать*) значит "нажимать или подталкивать"; например, чтобы представить кому-то желаемое нами действие более *неотложным* (*urgent*), мы настаиваем, чтобы он действовал, как бы подталкивая его. Такие стимулы, как правило, ненасильственны, но они эффективны, если в прошлом они были связаны с более сильными неприятными последствиями. Например, мы подгоняем человека, привыкшего тянуть резину: "Смотри, который уже час!", и мы добьемся успеха, побуждая его поторопиться, если раньше промедление наказывалось. Мы оказываем нажим на человека, чтобы он не транжирил деньги, напоминая, что на его счете в банке слишком мало денег, и мы добьемся своего, если он уже страдал в прошлом от отсутствия денег. С другой стороны, мы *убеждаем* (*persuade*) людей, указывая им на стимулы, связанные с приятными последствиями. Этимологически слово *persuade* (*убеждать*) значит "подсластить". Мы убеждаем кого-либо, представляя ситуацию более благоприятной для его акта поведения и изображая возможные положительные последствия. Здесь опять-таки видно явное расхождение между слабостью используемых нами стимулов и силой их воздействия. Итак, настаивать или убеждать кого-то имеет смысл только тогда, когда у него уже есть определенная склонность вести себя соответствующим образом, но его поведение может быть приписано его внутренней личности лишь теми, для кого эта тенденция необъяснима.

Убеждения, склонности, чувства, потребности, намерения и мнения - это прочие атрибуты автономной личности, о которых говорят, что они изменяются, когда происходит изменение сознания. На самом деле в любом случае изменяется лишь вероятность совершения определённых актов поведения. Вера человека в то, что пол выдержит его, когда он по нему ходит, зависит от его прошлого опыта. Если он ходил по полу уже много раз и не проваливался,

он охотно будет и далее делать это, и это поведение не будет вызывать у него каких-либо негативных стимулов, ощущаемых как тревога. Он может сказать, что у него есть "убеждение" в прочности пола, или "уверенность", что пол его выдержит, но всё то, что ощущается как убеждение или уверенность, не является состояниями сознания; в лучшем случае это - побочные продукты поведения в предыдущих подобных ситуациях, и они (эти чувства) не объясняют того, почему человек поступает именно так.

У нас крепнет "уверенность", когда вероятность действия увеличивается благодаря тому, что это поведение получает положительное подкрепление. Ведь когда мы уверяем человека, что пол его выдержит, побуждая его ходить по нему, то нельзя сказать, что мы изменяем его "убеждение"; однако мы делаем это в традиционном понимании, когда мы даем ему устные заверения, что пол прочный, и демонстрируем его прочность, сами ходя по нему, или описываем его конструкцию и свойства. Разница тут лишь в наглядности этих методов. Изменение, которое происходит по мере того, как человек "учится доверять полу", ходя по нему, является характерным результатом подкрепления; а изменение, которое происходит, когда ему говорят, что пол прочный, когда он видит, что кто-то другой ходит по нему, или когда его "убеждают" заверения, что пол его выдержит, зависит от опыта в прошлом, вклад которого (в управление поведением) теперь уже не заметен для других. Например, человек, который ходит по поверхностям, прочность которых может быть разной (например, замерзшее озеро), быстро начинает отличать поверхности, по которым другие ходят, от поверхностей, по которым никто не ходит, или поверхности, которые называют безопасными, от поверхностей, которые называют опасным. Он научается беззаботно ходить по первым и осторожно по вторым. Вид людей, ходящих по поверхности, или заверения, что она безопасна, переводит её из второй категории в первую. История того, как сформировывалось это различие, может быть забыта, и тогда создаётся (обманчивое) впечатление, что в достижении результата соучаствует и внутренний процесс, называемый "изменение сознания".

Изменения предпочтений, восприятия, потребностей, целей, взглядов, мнений и других атрибутов сознания могут быть проанализированы таким же образом. Мы изменяем взгляды человека на конкретные вещи, а также то, что он "в них видит", смотря на них, изменяя факторы (оперантного подкрепления); мы не изменяем фикцию под названием восприятие. Мы можем изменить относительную интенсивность разных реакций дифференциальным подкреплением альтернативных актов поведения; но мы не можем изменить нечто, называемое "предпочтением". Мы изменяем вероятность совершения акта поведения путем изменения состояний депривации или негативного стимулирования; но мы не изменяем так называемую потребность. Мы конкретными мерами даем подкрепление актов поведения; но мы не даем человеку цели или намерения. Мы изменяем поведение по отношению к чему-то, а не отношение к нему. Мы усваиваем методом проб и ошибок, а также изменяем речевое поведение, а вовсе не мнения.

Еще один способ "изменить сознание" - это указать причины, из-за которых человек должен вести себя данным образом, и эти причины почти всегда являются последствиями, которых можно ожидать в результате такого поведения. Допустим, ребенок пользуется ножом опасным для себя образом. Мы можем избежать беды, делая окружающий мир более безопасным, отобрав нож или дав ему более безопасный инструмент; но это не подготовит его к миру, полному опасных ножей. Оставшись один, ребенок может научиться правильному пользованию ножом, пользуясь им неправильно и при этом рана себя. Мы можем ему помочь, заменяя ранения менее

опасной формой наказания - например, шлёпая его, или просто стыдя его всякий раз, когда мы видим, что он пользуется ножом опасным образом. Мы можем сказать ему, что некоторые случаи пользования плохи, и другие хороши, если слова: "Плохо!" и "Хорошо!" уже выработаны у него как условные положительный и отрицательный подкрепители. Предположим, однако, что все эти методы дают нежелательные побочные продукты, такие как изменение его отношения к нам, и мы поэтому принимаем решение воззвать к его "разуму". (Это, конечно, возможно только если он уже достиг "разумного возраста"). Мы объясним ему тогда все факторы, демонстрируя то, что может произойти, если пользоваться ножом так, а не иначе. Мы можем показать ему, какие правила следуют из этих факторов (например: "Никогда не строгай по направлению к себе"). В результате мы можем побудить ребенка пользоваться ножом правильно - и тогда, вероятно, будем говорить, что мы "привили ему знания" правильного пользования ножом. Но нам пришлось применить большой объем предварительного кондиционирования (правильного реагирования) на наставления, указания и другие речевые стимулы, который легко забывают, и вклад которого могут приписать "автономной личности". Еще более сложная форма аргументации имеет дело с процессом установления новых причин на основании старых - процессом дедукции, который зависит от гораздо более продолжительной истории пользования речевыми (оперантами) и который особенно охотно называют изменениями сознания.

Способы изменения поведения путем "изменения сознания" редко прощают, когда они очевидны и эффективны, хотя по-прежнему считается, что изменяется якобы именно сознание. Мы не прощаем "манипуляцию" сознанием, когда участники спора явно неравны; это считают "недопустимым влиянием." Мы также не прощаем скрытого "манипулирования сознанием". Если человек не в состоянии видеть то, как воздействуют "манипуляторы сознанием", он не может избежать этого или дать отпор; он подвергается "пропаганде". "Промывку мозгов" пытаются запретить те, кто в остальных случаях потворствует изменению сознания просто потому, что тут управление поведением очевидно. Общераспространенный метод "промывки мозгов" состоит в создании невыносимых условий - например, людей морят голодом или лишают сна, и потом дают поблажки, используемые как подкрепители любых актов поведения, которые "показывают положительное отношение" жертвы к политической или религиозной системе мучителей. Конформистские "мнения" создаются просто при помощи положительного подкрепления изъявлений лояльности. Эта процедура может быть неочевидной для тех, против кого она применяется, но она слишком очевидна для того, чтобы посторонние могли согласиться с тем, что это допустимый способ изменения сознания.

Глава 6: Ценности

Точка зрения, которую можно назвать донаучной (этот эпитет не обязательно имеет уничижительное значение), считает поведение человека хотя бы в некоторой степени его собственным достижением. Человек якобы волен рассуждать, решать и действовать, причем, возможно, даже оригинальным образом, и именно ему следует воздавать должное за его похвальные и предосудительные поступки. А с научной (этот эпитет не обязательно почётен) точки зрения поведение человека определяется 1) его генетической наследственностью - результатом селекции в ходе эволюционной истории человека как биологического вида, и 2) условиями окружающей среды, в которой он обитает. Правильность ни той, ни другой точки зрения невозможно доказать, однако такова уж суть научных исследований, что их результаты неизбежно свидетельствуют в пользу второй точки зрения. Чем больше мы узнаём о воздействии окружающей среды, тем меньше у нас оснований приписывать какую-либо часть человеческого поведения действию (внутреннего) автономного управления. Вторая точка зрения даёт весомые преимущества, когда мы начинаем воздействовать на поведение. Автономную личность не так-то просто изменить: ведь в самом деле, в той степени, в какой она является автономной, её по определению вообще невозможно изменить. Однако окружающий мир изменить можно, и мы учимся изменять его. Применяемые для этого инструменты - это физические и биологические технологии, и мы используем их специфическим образом для воздействия на поведение.

В этом переходе от внутреннего к внешнему управлению явно чего-то не хватает. Можно полагать, что внутреннее управление поведением осуществляется не только самой автономной личностью, но и в её интересах. Но тогда в чьих интересах будут использоваться мощная технология (внешнего) управления поведением? Кто её будет использовать? И в каких целях? Если мы подразумевали, что результаты одного подхода лучше, чем у другого, то на каком основании? И что такое благо, если по сравнению с ним что-то иное считается ещё более лучшим? Можем ли мы дать определение хорошей жизни, или хотя бы прогрессивного движения к хорошей жизни? Что такое на самом деле - прогресс? Короче, в чем смысл жизни: как личности, так и всего человеческого рода?

Вопросы такого рода, очевидно, направлены в будущее и касаются не происхождения человека, а его судьбы. И они, конечно, включают в себя так называемые "оценочные суждения", направленные не на выяснение фактов, а того, что люди думают о фактах, и не того, что человек *может* сделать, а того, что он *должен* делать. При этом обычно подразумевается, что ответы на эти вопросы находятся вне сферы деятельности науки. Физики и биологи часто с этим соглашались, причем довольно обоснованно, поскольку их науки действительно не дают ответов на эти вопросы. Физика может дать нам ответ на вопрос, как создать ядерную бомбу, но не на вопрос о том, надо ли её создавать. Биология может дать нам ответ на вопрос, как предотвращать беременность и задерживать наступление смерти, но не на вопрос о том, надо ли это делать. Создаётся впечатление, что принятие решений об использовании достижений науки требует своеобразной мудрости, которой, по какой-то странной причине, ученые якобы не обладают. И если им вообще позволено делать оценочные суждения, то только на общих основаниях той мудрости, которую они разделяют со всеми остальными людьми.

Но для ученого, изучающего поведение, соглашаться с этим было бы ошибкой. То, как люди

"воспринимают" факты, или то, что вообще означает "восприятие" - это вопрос, на который наука о поведении должна иметь ответ. Несомненно, факт отличается от того, как человек его воспринимает, но и "восприятие" тоже является фактом. Тут, как и везде, путаницу вызывает интерес к тому, что люди "воспринимают". Более полезная постановка вопроса такова: если научный анализ может научить нас, как изменить поведение, то может ли он научить нас, какие именно изменения поведения надо сделать? Это вопрос о поведении тех, кто на самом деле предлагает изменения и осуществляет их. Люди действуют для улучшения мира и прогресса в направлении лучших условий жизни по весомым причинам, и частью этих причин являются определенные последствия их поведения, а частью этих последствий являются объекты, которые люди ценят и называют хорошими.

Мы можем начать с пары простых примеров. Есть объекты, которые почти каждый называет хорошими. Некоторые объекты хороши на вкус, на ощупь или на взгляд. Мы говорим об этом так же просто, как когда мы говорим, что они сладкие на вкус, шероховатые на ощупь, или красные на взгляд. Но существует ли какое-то физическое свойство, общее для всех хороших объектов? Наверняка нет. Даже нет общих свойств, которыми обладают все сладкие, шероховатые или красные объекты. Серая поверхность будет выглядеть красноватой, если мы до этого смотрели на сине-зеленый фон; обычная бумага ощущается гладкой, если мы до этого щупали наждачную бумагу, или грубой, если мы до этого прикасались к оконному стеклу; и водопроводная вода кажется сладкой на вкус, если мы перед этим ели артишоки. Следовательно, то, что мы называем красным, или гладким, или сладким, должно отчасти зависеть от глаз смотрящего, или руки щупающего, или языка пробующего на вкус. То, что мы приписываем объекту, когда мы называем его красным, шероховатым или сладким, отчасти является состоянием нашего собственного организма, получающимся в результате (в данном примере) недавней стимуляции. Но состояние организма намного важнее (причем по иной причине) тогда, когда мы называем что-то "хорошим".

Хорошие объекты - это положительные подкрепители. Вкусная пища дает нам (положительное) подкрепление, когда мы ощущаем её вкус. Объекты, которые дают ощущение "хорошего", дают нам подкрепление, когда мы их ощущаем. Объекты, которые хорошо выглядят, дают нам подкрепление, когда мы смотрим на них. Когда мы говорим, что мы "тянемся" к таким объектам, то мы указываем на то поведение, которое часто приносит подкрепление от них. (Объекты, которые мы называем плохими, тоже не имеют общих свойств. Все они являются отрицательными подкрепителями, и мы получаем подкрепление, когда мы их избегаем или уклоняемся от них.)

Когда мы говорим, что оценочное суждение - это констатация не факта, а того, как кто-то ощущает этот факт, мы просто делаем различие между объектом и его действием в качестве подкрепителя. Сами по себе объекты изучаются физикой и биологией, причем как правило, не давая им оценки, но *действие объектов как подкрепителей относится к сфере науки о поведении, которая в силу того, что занимается оперантным подкреплением, является наукой о ценностях.*

Объекты хороши (действуя как положительное подкрепление) или плохи (действуя как отрицательное подкрепление) очевидно из-за факторов выживания, под действием которых эволюционировал данный биологический вид. Существует очевидная ценность для выживания в том факте, что некоторые виды пищи дают положительное подкрепление. Она состоит в том,

что люди быстрее учились находить, выращивать или ловить её. Восприимчивость к отрицательному подкреплению не менее важна; те, кто получал наибольшее подкрепление, когда они уклонялись или избегали потенциально опасные условия, получали очевидные преимущества. В результате подкрепление определенным образом от конкретных явлений стало частью генетического наследия, называемого "человеческой природой". (Частью этого наследия является также и то, что новые стимулы становятся подкреплением благодаря "условному" кондиционированию: например, зрелище фруктов становится подкреплением, если увидев плоды, мы кусаем их и обнаруживаем их "хороший" вкус. Возможность условного кондиционирования не изменяет тот факт, что все подкрепители в конечном итоге получили свою силу в ходе эволюционного отбора.)

Делать оценочное суждение, называя что-то хорошим или плохим, означает классифицировать этот объект соответственно его свойствам как подкрепителя. Классификация имеет важное значение, что мы видим в тот момент, когда подкрепление начинают использовать окружающие (когда, например, речевые акты поведения "Хорошо!" или "Плохо!" начинают функционировать, как подкрепления), но все объекты были подкреплением задолго до того, как их начали называть хорошими или плохими; к тому же они являются подкрепителями для животных, которые не называют их хорошими или плохими, и для детей и других людей, которые не в состоянии их так назвать. Главное - это эффект подкрепления, но не является ли он тем, что имеют в виду, говоря: "то, как люди ощущают объекты"? Не являются ли объекты подкрепителями из-за вызываемых ими хороших или плохих ощущений?

Есть мнение, что ощущения являются частью инструментария автономной личности, поэтому здесь нужны дальнейшие пояснения. Человек имеет ощущения как внутри тела, так и снаружи. Он ощущает, что мышца онемела, точно так же, как ощущает пощечину; он чувствует себя подавленным точно так же, как он чувствует холодный ветер. Но из-за этой разницы возникают два важных различия. Во-первых, человек может ощущать внешние объекты активным образом; он может исследовать поверхность, водя по ней пальцем, чтобы получить от нее более интенсивную стимуляцию; но даже несмотря на существующие способы "повысить осознание" происходящего внутри тела, он не может активно исследовать ощущаемое.

Более важное различие заключается в том, как человек учится, ощущая объекты. Ребенок учится различать разные цвета, тона, запахи, вкусы, температуры и т.д. только в том случае, если они связаны с факторами подкрепления. Если красные конфеты имеют приятный, т.е. подкрепляющий вкус, а зеленые конфеты нет, то ребенок будет брать и есть только красные конфеты. Некоторые важные факторы подкрепления являются речевыми. Родители учат ребенка называть цвета, давая подкрепление за правильные ответы. Если ребенок говорит "синий", и объект перед ним синий, то родитель говорит "Хорошо!" или "Правильно!" Если объект красный, то родитель говорит "Неправильно!" Но такое совершенно невозможно, когда ребенок учится реагировать на явления не вне, а внутри своего тела. Человек, который учит ребенка различать чувства (эмоции), напоминает дальтоника (страдающего цветовой слепотой), учащего ребенка называть цвета. Он не может быть уверен, выполнено или нет условие, которое определяет, надо ли давать подкрепление за данный ответ, или нет.

Языковое общение в принципе не может установить тонкие нюансы факторов подкрепления, необходимые для того, чтобы научить мельчайшим различиям между стимулами, которые им невыразимы. Оно поэтому должно полагаться на визуальные признаки наличия или отсутствия

(данного) внутреннего состояния. Родитель может учить ребенка говорить "Я голоден" не потому, что он чувствует то, как ребенок чувствует себя, а потому, что он видит, что тот ест с жадностью или ведёт себя каким-то иным образом, связанным с лишением пищи, или при котором пища оказывается подкрепителем. Эти признаки могут быть истолкованы правильно, и тогда ребенок научится "описывать свои чувства" с определённой точностью, но так дело идёт далеко не всегда, потому что многие чувства имеют лишь малоприметные поведенческие проявления. В результате язык, описывающий эмоции, неточен. Мы обычно описываем наши эмоции словами, которые были выучены в связи с совсем другими объектами; почти все слова, которые мы для этого используем, первоначально были метафорами.

Мы можем научить ребенка называть объекты хорошими, давая ему подкрепление в соответствии с тем, каковы они *на наши* вкус, взгляд или осязание, но ведь не каждый считает тот же самый объект хорошим, и мы можем ошибиться. Единственным ориентиром тут служит поведение ребенка. Если мы дадим ребенку новую пищу, и он начинает её активно есть, то её вкус, очевидно, с самого начала был подкрепителем, и мы тогда говорим ему, что еда хорошая, и соглашаемся с ним, когда он называет её хорошей. Но ребенок получает совсем другую информацию. Он имеет и другие ощущения, и позже он будет называть другие объекты хорошими, если они вызывают те же самые ощущения, даже если активное поедание не входит в их число.

Не существует сильной причинно-следственной связи между подкрепляющим эффектом стимулов и чувствами, которые он вызывает. Соблазнительно заявить в традиции интерпретации эмоций по Уильяму Джеймсу, что не стимул даёт подкрепление, потому что от этого мы чувствуем себя хорошо, а что мы чувствуем себя хорошо, потому что он даёт подкрепление. Но это выражение "потому что" опять-таки вводит в заблуждение. Стимулы дают подкрепление и вызывают состояния, которые ощущаются как "хорошие" по одной и той же причине, которая заложена в нас эволюционной историей человека как биологического вида.

Разгадка тут в том, что главное - это не ощущение, а сам ощущаемый объект. Именно поверхность стекла ощущается гладкой, а не какое-то "чувство гладкости." И опять-таки само подкрепление ощущается как хорошее, а вовсе не "чувство хорошего." Люди обобщили ощущения от хороших объектов и назвали их "удовольствием", а ощущения от плохих объектов назвали "болью", но мы не даем людям удовольствие или боль, мы даем им объекты, вызывающие у них чувство приятного или боли. Люди работают не для того, чтобы получить (как утверждали гедонисты) максимум "удовольствия" и минимум "боли"; нет, они работают, чтобы получить приятные вещи и избежать болезненных. Эпикур был не совсем прав, говоря, что удовольствие - это абсолютное добро, а боль - абсолютное зло; нет, всё хорошее - это положительные подкрепления, а всё плохое - это отрицательные подкрепления. То, что сводится к максимуму или минимуму, т.е. то, что в конечном счете является хорошим или плохим - это объекты, а не ощущения, и люди работают для того, чтобы их получить или, соответственно, избежать, не из-за своих ощущений, а потому, что они являются положительными или отрицательными подкреплениями. (Когда мы называем что-то *приятным (pleasing)*, мы можем быть сообщаем о нашем ощущении, но ощущение - это побочный эффект того факта, что приятный объект является в буквальном смысле подкрепляющим объектом. Мы говорим о сенсорном *удовольствии (gratification)*, как будто бы суть была в ощущении, но *удовлетворить (gratify)* - это значит дать подкрепление, и *благодарность (gratitude)* означает взаимное (положительное) подкрепление. Мы называем подкрепляющий объект *удовлетворяющим (satisfying)*, как если бы

мы сообщали об ощущении; но это слово буквально означает процесс насыщения; это-то и делает объект подкрепителем. Быть удовлетворенным - значит быть сытым.)

Некоторые из простых благ, которые действуют как подкрепление, исходят от окружающих. Люди греются или чувствуют себя безопасней, прижимаясь близко друг к другу, они дают друг другу подкрепление сексом, и они делятся, берут займы или крадут вещи друг у друга. Подкрепление от другого человека не обязательно бывает преднамеренным. Один человек научился хлопать в ладоши, чтобы привлечь внимание другого, но другой оборачивается вовсе не для того, чтобы побудить его хлопать снова. Мать научилась успокаивать испуганного ребенка, лаская его, но ребенок умолкает не для того, чтобы побудить ее ласкать его дальше. Человек научился отгонять врага, ударив его, но враг убегает не для того, чтобы побудить его нанести новый удар. В каждом таком случае мы называем подкрепляющее действие непреднамеренным.

Но оно становится преднамеренным, если результат даёт подкрепление. Как мы уже продемонстрировали, человек действует преднамеренно не в том смысле, что он обладает намерением, которое он потом исполняет, а в том смысле, что его поведение получает подкрепление от его последствий. Ребенок, который плакал, пока его не успокоили лаской, начинает плакать преднамеренно. Тренер по боксу может учить в спарринге ученика правильной технике нанесения ударов, делая при этом вид, будто бы ему больно. Один человек вряд ли обращает внимание на другого для того, чтобы побудить его хлопать в ладоши, но он может сделать это преднамеренно, если этот способ привлечения внимания менее неприятный, чем другие альтернативы.

Когда окружающие преднамеренно создают и поддерживают действие факторов подкрепления, то о человеке, подвергнутом действию этих факторов, говорят, что его поведение - "на благо других." Вероятно, первоначальные и до сих пор самые распространенные подкрепители, вызывающие такое поведение, были отрицательными. Любой, кто обладает достаточной властью, может действовать в отношении окружающих отрицательно, пока они не станут реагировать способами, дающими ему положительное подкрепление. Методы, использующие положительное подкрепление, труднее освоить, и менее вероятно, что их будут применять, поскольку их результаты, как правило, задерживаются; но они имеют то преимущество, что не вызывают ответной агрессии. Какой метод используется, часто зависит от имеющихся подкрепителей: сильный угрожает физической расправой, уродливый пугает, физически привлекательный подкрепляет сексом, а богатый платит. Речевые подкрепления получают свою силу от конкретных (физических) подкреплений, совместно с которыми они используются, а так как они используются время от времени с различными подкреплениями, то их действие можно обобщать. Мы даём человеку положительное подкрепление, говоря: "Хорошо!" или "Правильно!" или отрицательное, говоря: "Плохо!" или "Неправильно!", и эти речевые стимулы действуют потому, что они сопровождаются другими подкреплениями.

(Можно сделать различие между двумя парами антонимов. Поведение называют хорошим или плохим - и этическая окраска тут не является случайной - в зависимости от того, какое подкрепление оно получает от окружающих. Поведение обычно называют правильным или неправильным в зависимости от иных факторов подкрепления. Существует правильный и неправильный способ делать что-то; конкретное действие при вождении автомобиля является правильным, а не просто хорошим, а другое - неправильное, а не просто плохое. Подобное различие может быть сделано между похвалой и порицанием с одной стороны, и признанием

заслуг и обвинением - с другой. Мы обычно хвалим или ругаем людей тогда, когда их поведение приносит нам положительное или отрицательное подкрепление независимо от совокупного результата их поведения, но когда мы признаём достижения человека или виним его за неприятности, мы указываем на хорошие или плохие результаты его действий и подчеркиваем, что они действительно являются последствиями его поведения. Однако мы используем слова "Правильно!" и "Хорошо!" как почти взаимозаменяемые, и различие между похвалой и признанием заслуг, возможно, не всегда целесообразно.)

Эффект подкрепления, который невозможно объяснить его ценностью для выживания в ходе эволюции (например, бодрящий эффект героина), предположительно является аномальным. Может показаться, что условные подкрепители свидетельствуют (о существовании) других видов восприятия, но их действие основано на предшествующем жизненном опыте человека. Согласно Доддсу, гомеровские греки беззаветно сражались за то, чтобы добиться не счастья, а уважения своих соратников. Можно считать, что счастье представляет собой личные положительные подкрепления, которые имеют значение для выживания, а уважение - определенные условные подкрепления, используемые для того, чтобы побудить человека действовать на благо других, однако все условные подкрепления получают свою силу от личных подкреплений (говоря традиционно, общественные интересы всегда основываются на личных интересах) и, следовательно, от эволюционной истории человечества.

То, что индивид чувствует, действуя на благо других, зависит от используемых при этом подкреплений. Чувства - это побочные эффекты факторов подкрепления, и не дают ничего для выяснения различия между общественным и личным. Мы не говорим, что простые биологические подкрепления являются эффективными из-за себялюбия, и мы не должны приписывать действия на благо других некоей "любви к ближним". Работая на благо других, человек может чувствовать любовь или страх, преданность или понуждение, или любое другое состояние, вызываемое факторами подкрепления, побудившими его к этому поведению. Человек не действует на благо других из-за чувства солидарности или отказывается так действовать из-за чувства отчуждения. Его поведение зависит от управления, осуществляемого социальной средой.

Когда один человек побуждается действовать на благо других, мы можем спросить, справедлив или нет результат этого. Соизмеримы ли блага, получаемые обеими сторонами? Когда один человек управляет другим при помощи отрицательного подкрепления, то блага явно несоизмеримы; но и положительное подкрепление может быть использовано таким образом, что выгоды будут тоже отнюдь не равны. Ничто в поведенческих процессах не гарантирует справедливости отношений, так как количество усилий, вызываемых подкреплением, зависит от конкретных факторов подкрепления, в которых оно проявляется. В экстремальном случае индивид может получать подкрепление от других по схеме, которая будет стоить ему жизни. Предположим, например, что группе людей угрожает хищник (например, "чудовище" из мифологии). Кто-то, обладающий особой силой или специальными навыками, нападает на чудовище и убивает или прогоняет его. Группа, избавленная от угрозы, воздаёт герою подкрепление одобрением, похвалами, почестями, обожанием, торжествами, статуями, триумфальными арками или обручением с принцессой. Это может быть отчасти непреднамеренно, но тем не менее служит как подкрепление для героя. И отчасти это может быть преднамеренно - т.е. герою дают подкрепление именно для того, чтобы побудить его напасть на других чудовищ. Важное обстоятельство таких факторов подкрепления заключается в

том, что чем больше опасность, тем больше почестей воздают герою, избавившему от неё. Герой поэтому берется за все более и более опасные поручения, пока не погибнет. Такие факторы подкрепления не обязательно являются общественными; они обнаруживаются и в других опасных видах деятельности, таких как альпинизм, где избавление от опасности даёт тем больше подкрепления, чем больше опасность. (То, что поведенческий процесс может, таким образом, пойти в ложном направлении и привести к смерти, нарушает принцип естественного отбора не в большей мере, чем фототропное поведение мотыльков, которое имеет ценность для выживания, когда направляет мотылька к солнечному свету, но оказывается губительным, когда направляет в пламя свечи).

Как мы уже видели, *проблема честности или справедливости зачастую является просто вопросом хорошего управления*. Вопрос состоит в том, мудро ли используется подкрепление. Два других слова, которые долго ассоциировались с оценочными суждениями, но не столь явно с вопросом хорошего управления - это "должен - should" и "следует - ought". Мы используем их, чтобы уточнять не-социальные факторы подкрепления. "Чтобы попасть в Бостон, вы должны (вам следует) ехать по автостраде 1." Этим попросту говорится: "Если вы получаете подкрепление, попав в Бостон, вы получите его, поехав по автостраде 1." Высказывание, что ехать по автостраде 1 - "правильный" способ добраться до Бостона - это не этическое или моральное суждение, а утверждение о сети автострад. Может показаться, что нечто близкое к оценочным суждением содержится в выражении: "Вы должны (вам следует) прочесть *"Дэвида Конперфилда"*", которое можно "перевести на язык бихевиоризма" так: "Вы получите подкрепление, если прочтаете *"Дэвида Конперфилда"*". Это - оценочное суждение в силу того, что оно подразумевает, что эта книга - подкрепитель. То, что тут подразумевается, можно сказать напрямую, аргументируя так: "Если вам понравился роман *"Большие надежды"*, вы должны (вам следует) прочесть *"Дэвида Конперфилда"*". Это оценочное суждение правильно, если в обычно правильно то, что те, кто получает подкрепление от *"Больших надежд"*, получают его и от *"Дэвида Конперфилда"*.

"Должен - should" и "следует - ought" ставят перед нами более сложные вопросы, когда мы обращаемся к факторам подкрепления, которыми человека побуждают действовать на благо других. "Вы должны (вам следует) сказать правду" является оценочным суждением в силу того, что оно подразумевает соответствующие факторы подкрепления. Мы могли бы "перевести" его следующим образом: "Если вы получаете подкрепление от одобрения окружающих, вы получите его, сказав правду". Его ценность можно обнаружить в социальных факторах подкрепления, которые культивируются для целей управления. Это - этическое или моральное суждение в том смысле, что обычаи и нравы управляют повседневным образом жизни группы.

В этой области легко утратить путеводную нить факторов подкрепления. Человек водит машину хорошо благодаря факторам подкрепления, которые сформировали и которые направляют его действия. Поведение традиционно объясняют, говоря, что он обладает знаниями и навыками, необходимыми для вождения машины, но эти знания и навыки надо проследить до тех факторов подкрепления, которые, возможно, были наперёд использованы для объяснения его поведения. Мы не говорим, что человек делает то, что ему "следует делать" при вождении автомобиля в силу некоего внутреннего чувства того, что правильно. Однако мы склонны ссылаться на какую-то внутреннюю добродетель, чтобы объяснить, почему человек ведет себя хорошо по отношению к окружающим, но ведь он поступает так не потому, что окружающие наделили его чувством ответственности, обязанностей, лояльности и уважения к другим, а потому, что они создали

эффективно действующие социальные факторы подкрепления. Образ действий, классифицируемый как хороший или плохой и как правильный или неправильный, обусловлен вовсе не добродетельностью или порочностью, или хорошим или плохим характером, или знанием добра и зла, а факторами, обуславливающими большое разнообразие подкреплений, в том числе обобщенные словесные подкрепления "Хорошо!" или "Плохо!" и "Правильно!" или "Неправильно!"

Стоит лишь идентифицировать факторы подкрепления, управляющие поведением, называемые "хорошо" или "плохо" и "правильно" или "неправильно", и тогда станет ясным различие между фактами и тем, что люди думают о фактах. То, что люди *думают* о фактах - побочное явление. Важно то, что они из-за этих фактов *делают*, и то, что они делают - это факт, который станет понятен, если исследовать соответствующие факторы подкрепления. Карл Поппер выразил противоположную традиционную позицию следующим образом:

"Перед лицом того социологического факта, что большинство людей следует норме "не воруй", тем не менее есть возможность решить, следовать этой норме или её противоположности; и ещё есть возможность поощрять тех, кто усвоил эту норму и придерживается её, или же деморализовать их, убедив их следовать её противоположности. *Невозможно вывести предложение, констатирующее норму или решение из предложения, констатирующего факт; это всего лишь иной способ утверждать, что невозможно вывести нормы или решения из фактов.*"

Этот вывод справедлив лишь в том случае, если действительно "можно следовать норме или ее противоположности." Здесь нам показывают автономную личность, играющую свою наиболее впечатляющую роль, но на самом деле то, следует или нет человек норме "не воруй", зависит от поддерживающих его поведение факторов подкрепления, которые нельзя упускать из виду.

Тут можно сослаться на соответствующие факты. Задолго до того, как кто-то сформулировал эту "норму", люди били тех, кто их обворовывал. В какой-то момент воровство стали называть преступлением, и как за таковое наказывали даже те, кто сами не были обворованы. Кто-то, получив опыт воздействия этих факторов подкрепления - возможно, на своей собственной шкуре, мог давать окружающим такой совет: "Не воруй." И если у него было достаточно авторитета или власти, ему было бы уже излишне ещё и описывать факторы подкрепления. Более категоричная формулировка "Не укради", будучи одной из десяти заповедей, указывает на сверхъестественные санкции. На соответствующие социальные факторы подкрепления указывают, говоря: "Воровать нельзя", что можно истолковать так: "Если вы хотите избежать наказания, то избегайте воровать," или "Воровство - это преступление, а преступное поведение наказывается". Такое утверждение не более нормативно чем такое: "Если кофе не даёт вам заснуть после того, как вы ляжете спать, то не пейте его."

Правило или закон содержит в себе упоминание об управляющих поведением факторах подкрепления - естественных или социальных. Человек может следовать правилу или подчиняться закону просто из-за факторов подкрепления, к которым относится это правило или закон; но те, кто формулируют правила и законы, как правило, добавляют ещё дополнительные факторы подкрепления. Рабочий на стройке следует правилу, нося шлем. Естественные факторы подкрепления, которые связаны с защитой от падающих предметов, не очень эффективны, и, следовательно, правило приходится санкционировать: тех, кто не носит шлем, увольняют.

Естественной связи между ношением шлема и удержанием рабочего места не существует, этот фактор подкрепления устанавливают для поддержания действие естественных, но менее эффективных факторов подкрепления, связанных с защитой от падающих предметов. Параллельная аргументация может быть сделана и для любого правила, в котором задействованы социальные факторы подкрепления. В долгосрочной перспективе поведение людей более эффективно, если им говорят правду, но польза тогда будет слишком отдалённой для говорящего правду, и поэтому нужны дополнительные факторы подкрепления для поддержания такого поведения. Поэтому правдивость называют добродетелью. Именно так надо поступать, а лгать - плохо и неправильно. Так что "норма" - это просто констатация факторов подкрепления.

Преднамеренное управление поведением "для блага других" становится более сильным, когда оно осуществляется религиозными, государственными, экономическими и образовательными организациями. Социальная группа поддерживает определенный порядок, наказывая своих членов, когда они плохо себя ведут, но когда эта функция переходит в руки государства, то наказание определяют специалисты, которые имеют в распоряжении более сильные меры, такие как штрафы, тюремное заключение или смертная казнь. "Хорошо" и "плохо" тут превращаются в "легально" и "преступно", а факторы подкрепления кодифицируются в законах, определяющих поведение и соответствующие наказания. Законы полезны для тех, кому приходится им подчиняться, потому что они определяют поведение, которое следует избегать, и они полезны для "слуг закона", потому что они определяют поведение, за которое следует наказывать. Социальная группа заменяется гораздо более четко специализированным органом - государства или народа - чей авторитет или власть наказывать могут символизироваться церемониями, флагом, гимном и историями о почтенных законопослушных гражданах и пресловутых преступниках.

Религиозная организация - это особая форма власти, которая превращает "хорошо" и "плохо" в "благочестиво" и "греховно". Она устанавливает положительные и отрицательные факторы подкрепления, причём зачастую самым экстремистским образом - например, заповеди, за исполнением которых следят специалисты, как правило, при помощи церемоний, ритуалов и историй. Аналогично этому, если члены неорганизованной группы ведут обмен товаров и услуг в рамках неофициальных факторов подкрепления, то экономическая организация или учреждение выделяет особые роли - такие, как например нанимателя, рабочего, покупателя и продавца - и учреждает специальные типы подкреплений, такие как деньги и кредит. Факторы подкрепления записываются в договорах, контрактах и так далее. Точно так же, члены неформальной группы учатся друг у друга как посредством особого преподавания, так и без него, но лишь в организованной системе образования работают специалисты, называемые учителями, которые работают в специальных учреждениях, называемых школами, применяя установленные специальные факторы подкрепления, такие как оценки и дипломы. "Хорошо" и "плохо" тут становятся "правильно" и "неправильно", и поведение, которое тут дрессируют, кодифицируется расписанием занятий и контрольными работами.

Отметим, что организации побуждают людей вести себя "на благо других" более эффективно, но они изменяют то, что люди при этом ощущают. Человек поддерживает свое правительство не потому, что он лоялен, а потому, что правительство устроило специальные факторы подкрепления. Мы называем его лояльным и приучаем его называть себя лояльным и разглагольствовать о каких-то особенных чувствах, которые он может называть "лояльностью."

Человек исповедует религию не потому, что он набожный; он исповедует её из-за факторов подкрепления, устроенных религиозной организацией (церковью или сектой). Она признаёт его набожным и приучает его называть себя набожным и заявлять, что он чувствует некую "приверженность". Поэтому конфликты между чувствами, такие как классические литературные темы конфликтов любви с долгом или патриотизма с верой, на самом деле являются конфликтами между факторами подкрепления.

По мере того, как факторы, которые побуждают человека действовать "на благо других", становятся все более сильными, они теснят факторы, связанные с личным подкреплением. Им тогда бросают вызов. "Вызов" - это, разумеется, метафора, которая указывает на состязание или поединок. То, что люди на самом деле делают в ответ на чрезмерное или конфликтное управление поведением, можно более откровенно описать именно так. Мы видели пример тому в борьбе за свободу, описанную в главе 2. Индивид может предать государство, переметнувшись под неформальную власть небольшой группы, или замкнуться в одиночестве на манер литератора Торо (автора книги "Уолден"). Он может стать отступником от ортодоксальной религии, перенея этику неофициальной группы или став отшельником. Он может уйти от организованной экономической власти, перейдя к безденежному обмену вещами и услугами или нетоварному добыванию средств к существованию. Он может отвергнуть организованную науку и ученых в пользу личного опыта (отказ от *Wissen* - *знаний* в пользу *Verstehen* - *понимания*). Альтернативная возможность состоит в ослаблении или уничтожении тех, кто навязывает своё управление, возможно, путем создания конкурирующей системы власти.

Такие шаги часто сопровождаются речевым поведением, которое поддерживает не-речевые действия и побуждает других к соучастию. Так можно поставить под сомнение ценность и действенность подкреплений, используемых противниками и формальными учреждениями: "Ради чего я должен добиваться восхищения или избегать порицания со стороны окружающих?" "Что моё правительство - или любое другое правительство - может мне сделать?" "Может ли церковь действительно определять, получу ли я вечное проклятие или вечное блаженство?" "Что такого особенного в деньгах - да нужны ли мне все вещи, которые на них можно купить?" "Почему я должен изучать предметы, перечисленные в учебном плане колледжа?"... Короче говоря: "Почему я должен вести себя так, как указывают другие?"

Когда таким образом удаётся избежать или уничтожить управление поведением со стороны окружающих, то у индивида остаются только личные подкрепления. Индивид предаётся непосредственному удовлетворению, возможно посредством секса или наркотиков. Если не требуется больших усилий для того, чтобы найти пищу, кров и безопасность, то активность его поведения будет незначительной. О таком его состоянии говорят, что он страдает от отсутствия ценностей. Как заметил Маслоу, отсутствие ценностей "описывается по-разному: как аномия, аморальность, ангедония, отсутствие корней, опустошенность, безнадежность, отсутствие чего-то, во что можно верить и чему можно посвятить себя."

Все эти слова, очевидно, относятся к чувствам или состояниям сознания, но на самом деле тут просто не хватает эффективного подкрепления активного поведения. Аномия и аморальность - это отсутствие искусственных подкреплений, которые побуждают людей соблюдать нормы. Ангедония, отсутствие корней, опустошенность и безнадежность свидетельствуют об отсутствии подкрепления всех видов. Всё то, "во что можно верить и чему можно посвятить себя", можно найти среди искусственных (социальных) факторов, которые побуждают людей вести себя "на

благо других."

Различие между чувствами и факторами подкрепления особенно важно, когда надо предпринять практические действия. Если индивид действительно страдает от некоего внутреннего состояния, называемого "отсутствием ценностей", то мы можем решить проблему только путем изменения этого состояния - например, "восстановления моральных сил", "морального воодушевления", или "укрепления морального стержня или духовной ответственности". Однако в действительности следует изменить факторы подкрепления, независимо от того, рассматриваем ли мы их ответственными за дефективное поведение или за чувства, которые якобы объясняют такое поведение.

Общее предложение заключается в укреплении прежних управляющих факторов, устранении конфликтов при помощи более сильных подкрепителей и фокусировании факторов подкрепления. Если люди не работают, это не потому, что они ленивы или беспомощны, а потому, что им не платят достаточно много, или потому, что благотворительность или богатство сделали экономические подкрепители менее действенными. Надо сделать так, чтобы хорошие вещи для жизни были доступны только в результате производительного труда. Если граждане не законопослушны, то это не потому, что они анархисты или преступники, а потому, что органы охраны порядка ослабли; проблема может быть решена отказом делать тюремные сроки условными или сокращать их; увеличением численности полиции и введением более строгих законов. Если учащиеся бездельничают, то это не потому, что у них нет интереса, а потому, что стандарты преподавания были снижены или потому, что преподаваемые предметы перестали быть путёвкой в хорошую жизнь. Учащиеся будут активно стремиться получить образование, если будет восстановлен престиж преподаваемых знаний и навыков. (Побочным результатом будет то, что люди будут *чувствовать себя* трудолюбивыми, законопослушными и заинтересованными в получении образования).

Такие предложения по укреплению старых способов управления поведением справедливо называют реакционными. Эта стратегия может принести успех, но она не искоренит саму проблему. Организованное управление поведением "для блага других" будет и далее конкурировать с личными подкрепителями, а различные виды организованного управления - друг с другом. Соотношение благ, получаемых управляющим и управляемым, останется несправедливым. Если проблема просто в том, чтобы исправить это соотношение, то любая мера, которая делает управление более эффективным, является шагом в неправильном направлении; однако любой шаг в сторону полного индивидуализма или полной свободы от управления - тоже шаг в неправильном направлении.

Первый шаг к решению этой проблемы заключается в выявлении всех благ, получаемых индивидом, когда его поведением управляют "на благо других". Окружающие осуществляют управление путем манипулирования личными подкреплениями, от которых зависит человеческий организм, вместе с условными подкреплениями, такими как похвала или порицание, получаемыми от них. Но есть и другие последствия, которые часто игнорируют, потому что они не проявляются сразу. Мы уже обсуждали проблему, как сделать действительными запоздалые отрицательные последствия. Аналогичная проблема возникает, когда запоздалые последствия являются положительными подкреплениями. Этот вопрос достаточно важен, чтобы прокомментировать его подробнее.

Предположительно, процесс оперантного кондиционирования возник в ходе эволюции оттого, что те организмы, которые были более восприимчивы к воздействию последствий своего поведения, могли лучше приспособиться к окружающей среде и выжить. При этом только немедленные последствия могут быть эффективными. Одна из причин этого связана с "конечной причиной". Акт поведения, разумеется, не может быть изменен всем, что происходит после него, но если "следствие" является немедленным, оно может накладываться во времени на акт поведения. Вторая причина состоит в функциональной взаимосвязи между поведением и его последствиями. Факторы выживания организма не могли генерировать процесс кондиционирования, который принимал бы во внимание то, как поведение вызывает свои последствия. Единственным полезным отношением было временное: мог развиваться такой процесс, в котором подкрепление усиливало любое предыдущее поведение. Но такой процесс был важен только в том случае, если он усиливал лишь то поведение, которое на самом деле давало положительный результат. Отсюда важность того факта, что любое изменение, которое следует сразу же за актом поведения, вероятнее всего было им вызвано. Третья причина, связанная со второй, но имеющая более практический характер, состоит в том, что эффект подкрепления от запоздалых последствий может, так сказать, быть перехвачен вклинивающимися актами поведения, которые-то и получают подкрепление, хотя и не принимали никакого участия в создании условий, дающих подкрепление.

Процесс оперантного кондиционирования имеет дело с немедленными последствиями, однако отдаленные последствия тоже может иметь важное значение для блага индивида, если им удастся управлять его поведением. Временной разрыв можно преодолеть чередой "условных подкреплений", один пример которых мы уже рассмотрели. Человек, который часто избегал дождя, уходя от него в укрытие, в конечном итоге избегает дождя, уходя в него прежде, чем начнется дождь. Стимулы, которые часто предшествуют дождю, стали отрицательными подкреплениями (мы называем их приметамы или предвестниками дождя). Они имеют более отрицательное действие, когда человек находится вне укрытия, и уходя под укрытие, он избегает и их, и самого дождя. Эффективное следствие состоит не в том, что он не промокнет, когда наконец начнется дождь, а в том, что условный отрицательный стимул немедленно ослабевает.

Такое опосредование удаленных последствий более легко исследовать, когда подкрепление является положительным. Возьмем, например, акт "первобытного" поведения, называемый сбережением огня. Практика окучивать пеплом раскаленные угли на ночь, так чтобы утром можно было найти горячий уголь и развести от него снова костер, должна была быть очень важной тогда, когда не было других простых способов развести огонь. Как этому можно было бы научиться? (Конечно, нельзя в качестве "объяснения" сказать, что кому-то "пришла в голову идея" сбережения огня, тут мы обязаны следовать далее и объяснить возникновение самой "идеи".) Горящий уголек, найденный утром, едва ли может быть подкреплением акта поведения вечером, состоящего в сгребании пепла в кучу, но временной разрыв может быть преодолен по мостику из череды условных подкреплений. Легко удастся развести новый огонь из старого, который еще не совсем потух, и если кажется, что огонь уже некоторое время потух, то легко научиться копать в золе для того, чтобы найти тлеющий уголек. Высокая куча пепла стала бы тогда условным подкреплением - залогом того, что покопав в ней, можно найти уголек. Сгребание пепла в кучу тогда будет автоматически получать подкрепление. Промежуток времени сначала мог быть весьма коротким - огонь окучивали в том же состоянии, в котором его находили вскоре после этого, но когда сбережение огня стало привычкой, временной аспект факторов подкрепления мог измениться.

Как и все объяснения происхождения первобытного поведения, вышеприведённое тоже является умозрительным, но его можно использовать для того, чтобы сделать следующий вывод. Обстоятельства, при которых люди учились сберегать огонь, должны были быть чрезвычайно редкими. Для большей правдоподобности мы должны указать однако на то, что время, в течение которого они могли случаться, измеряется сотнями тысяч лет. Но как только акт поведения - сбережение огня, или любая его часть, был освоен одним человеком, то другие могли освоить его гораздо легче, и с того момента не было никакой дальнейшей необходимости в случайном возникновении таких обстоятельств.

Одно из преимуществ общественных животных состоит в том, что каждому не нужно открывать всё самому. Родитель учит ребенка, а мастер учит подмастерье, потому что получает полезного помощника, и в этом процессе ребенок и подмастерье осваивают полезные акты поведения, которые они, весьма вероятно, не приобрели бы под действием лишь несоциальных факторов подкрепления. Наверное, никто не сажает растения весной просто потому, что потом получает урожай осенью. Посадка не была бы адаптивной или "разумной", если бы не было никакой связи с урожаем, однако весенний сев производится под действием более непосредственных факторов подкрепления, большая часть которых создаётся социальной средой. Урожай в лучшем случае имеет эффект поддержания целой череды условных подкреплений.

Важнейшим репертуаром поведения, который можно приобрести только от окружающих, является язык. Речевое поведение, вероятно, возникло под действием факторов, вызванных участием в практических общественных действиях, а человек, который становится одновременно говорящим и слушающим, получает в распоряжение репертуар поведения невиданного доселе объема и мощности, который он может использовать для себя. Части этого репертуара имеют отношение к самопознанию и самоуправлению, которые, как мы увидим в главе 9, являются продуктами общественной жизни, даже если их обычно ложно истолковывают как абсолютно индивидуальное и личное дело.

Еще одним преимуществом является то, что индивид в конце концов является одним из "окружающих", которые осуществляют управление поведением других для собственного блага. Общественная организация часто получает оправдание от указания на ряд всеобщих ценностей. Индивид под властью правительства пользуется определенной мерой *порядка* и *безопасности*. Экономическая система получает оправдание от указания на *богатства*, которые она производит, а образовательные учреждения - на *навыки* и *знания*.

Без социальной среды человек остается по существу недоразвитым, как те дети, о которых говорят, что они были выкормлены волками или смогли выжить в одиночку с самого раннего возраста в благоприятном климате. Человек, живущий одиночкой от рождения, не имеет речевого поведения, не осознаёт себя как личность, не осваивает методов самоуправления, а также в отношении окружающего мира имеет только те скудные навыки, которые можно приобрести за одну короткую жизнь лишь благодаря несоциальным факторам подкрепления. В аду Данте ему уготованы специальные муки для тех, кто "жил без вины и без похвалы," как (падшие) "ангелы, которые были ... сами для себя." Жить только для себя - это значит быть ничтожеством.

Великие индивидуалисты, которых так часто цитируют, чтобы доказать ценность личной свободы, обязаны своими успехи предшествующей жизни в социальной среде.

Непреднамеренный индивидуализм Робинзона Крузо и добровольный индивидуализм Генри Дэвида Торо свидетельствуют о их очевидном долге перед обществом. Если бы Крузо попал на необитаемый остров ребенком, и если бы Торо вырос без воспитания на берегу пруда Уолдена, их жизнь была бы совсем иной. Мы все начинаем жизнь беспомощными детьми, и никакая степень самоопределения, самодостаточности и самостоятельности не делает нас личностями в каком-либо ином смысле, чем как отдельных членов человеческого общества. Знаменитый принцип Руссо, что "природа сделала человека счастливым и добродетельным, а вот общество развращает его и делает его несчастным" - совершенно ложен, и ирония заключается в том, что жалуясь на то, что его книгу "Эмиль" так мало понимают, Руссо описывает её как "трактат об изначальной доброте человека, имеющий целью показать, как пороки и заблуждения, чуждые его природе, проникают в него извне и незаметно изменяют его," потому что книга на самом-то деле как раз и является одним из самых значительных практических руководств о том, как можно изменять поведение человека.

Даже выдающиеся революционеры почти полностью представляют собой обычный продукт системы, которую они хотят свергнуть. Они говорят на языке, используют логику и науку, соблюдают многие из этических и правовых принципов и применяют практические навыки и знания, которые общество дало им. Небольшая часть их поведения может представлять собой исключение, и даже возможно - разительное, и мы должны искать исключительные причины их своеобразной жизненной позиции. (Приписывать их оригинальный вклад в историю их характеру, способному творить чудеса в качестве автономной личности, конечно, вообще не является объяснением.)

Таковы, таким образом, некоторые из благ, которым мы обязаны управлению, осуществляемому окружающими, в дополнение к благам, используемым как средство управления. Более отдаленные блага имеют значение при любой оценке справедливости обмена между человеком и его социальной средой. Никакое разумное равновесие не может быть достигнуто до тех пор, пока отдаленными благами пренебрегают ради радикального индивидуализма или либерализма, или пока равновесие резко нарушено существованием эксплуататорского строя. Можно полагать, что есть оптимальное состояние равновесия, в котором каждый получает максимальное (положительное) подкрепление. Но заявить об этом означает ввести ценности нового рода. Зачем кому-то заниматься вопросами справедливости, если их можно будет свести к умелой практике применения подкреплений? На вопросы, с которых мы начали, очевидно, невозможно ответить, попросту указывая на то, что хорошо лично для себя, и на то, что хорошо для других. Существует еще один род ценностей, который мы рассмотрим теперь (в следующей главе).

Борьба за свободу и честь была сформулирована как защита автономной личности, а не как пересмотр факторов подкрепления, под действием которых живут люди. Нам стала доступной технология поведения, которая могла бы более успешно уменьшить отрицательные последствия поведения, как непосредственные, так и отдаленные, и максимально увеличить достижения, на которые способен человеческий организм, но защитники свободы против ее применения. Оппозиция может выдвигать ряд вопросов, касающихся "ценностей": Кто должен решать, что хорошо для человека? Как будет использоваться эта более эффективная технология? Кем и с какой целью? На самом деле это вопросы о подкреплении. Некоторые вещи стали "хорошими" в эволюционной истории человеческого рода, и их можно использовать, чтобы побудить людей действовать "на благо других." Когда ими злоупотребляют, они могут вызвать отпор, и человек может заняться делами, хорошими лишь лично для него. Этому можно противодействовать более

интенсивными факторами подкрепления, которые вызывают поведение на благо других, или указанием на упущенные человеком из виду индивидуальные блага - концепции (общественной) безопасности, порядка, здоровья, благосостояния или мудрости. Возможно, что косвенно общество может управлять человеком с помощью определённых отдалённых последствий его поведения, а благо окружающих обращается во благо этого человека. Тут нам надо будет проанализировать другой род благ, который заключается в прогрессе человечества.

Глава 7: Эволюция культуры

Ребенок рождается, чтобы стать членом рода человеческого, имея генетическую наследственность со множеством своеобразных особенностей, и сразу же начинает приобретать репертуар поведения под действием факторов подкрепления, с которыми он индивидуально сталкивается. Большинство из этих факторов подкрепления созданы другими людьми. Эти факторы в сущности и являются тем, что называется культурой, хотя культуру обычно характеризуют другими словами. Например, два видных антрополога заявили, что "существенное ядро культуры состоит из традиционных (то есть, исторически возникших и отобранных) идей, и особенно сопряженных с ними ценностей". Однако, наблюдая за культурой, вы не увидите ни идей, ни ценностей. Вы увидите, как люди живут, как они воспитывают своих детей, как они собирают или выращивают себе пищу, в каких жилищах они живут, что они одевают, в какие игры они играют, как они относятся друг к другу, какое у них правление и т.д. А это - обычаи, или привычное *поведение* людей. И чтобы его объяснить, мы должны изучить факторы подкрепления, которые его вызывают.

Некоторые факторы подкрепления являются частью физической среды, но они, как правило, функционируют в сочетании с социальными факторами подкрепления, на которые, естественно, делают упор те, кто изучает культуру. Социальные факторы подкрепления или поведение, которое они вызывают, и являются "идеями" культуры; а подкрепления, которые обусловлены этими факторами подкрепления, являются её "ценностями".

Люди не только подвергаются действию факторов подкрепления, которые представляют собой культуру, но они ещё и содействуют её сохранению; до тех пор, пока факторы подкрепления побуждают их это делать, культура будет самостоятельно существовать. Эффективные подкрепления можно наблюдать на опыте и поэтому их роль бесспорна. То, что конкретная группа людей называет благом - это факт: это то, что для членов этой группы является подкреплением вследствие их генетической наследственности и природных и социальных факторов подкрепления, которые действуют на них. Каждая культура имеет свой собственный набор благ, и то, что благо в одной культуре, не обязательно является благом в другой. Признавая это, мы становимся на позиции "культурного релятивизма". То, что является благом для жителей Тробрианских островов - это благо для жителей Тробрианских островов, вот и всё. Антропологи часто противопоставляли релятивизм как толерантную альтернативу миссионерскому рвенению (Запада) переделать все культуры в унифицированный набор этических, государственных, религиозных и экономических ценностей.

Конкретный набор ценностей может служить объяснением того, почему некая культура сносно функционирует, причем вероятно без особых изменений в течение длительного времени; но ни одна культура не может постоянно пребывать в равновесии. Факторы подкрепления неменее изменяются. Изменяется и природная среда обитания - по мере того, как люди переселяются, как изменяется климат, а природные ресурсы потребляются, используются по-другому или вообще истощаются, и т. д. Социальные факторы подкрепления также изменяются по мере изменения численности группы или ее контактов с другими группами, или по мере того, как структуры власти становятся более или менее сильными или соперничают между собой, или по мере того, как воздействие власти на население приводит к противодействию в виде бегства или

бунта. Важно, что характерные для конкретной культуры факторы подкрепления невозможно адекватно перенести на другую, так что тенденция получения подкрепления от данного набора ценностей не сохраняется. Запас прочности культуры в катастрофических ситуациях может уменьшаться или увеличиваться. Короче говоря, культура может становиться сильнее или слабее, и имеется возможность предсказать, выживет она или погибнет. Живучесть культуры поэтому является самостоятельной ценностью, которую надо принимать во внимание наряду с личными и общественными благами.

Тот факт, что конкретная культура может выжить или погибнуть, наводит на мысль о своего рода эволюции, и поэтому, разумеется, часто указывали на аналогию с эволюцией видов организмов. Это надо обсудить подробнее. Итак, культура соответствует (биологическому) виду. Мы характеризуем её, делая перечень её норм и обычаев; мы так же характеризуем вид, делая перечень его анатомических особенностей (фенотип). Две или более культур могут иметь один общий обычай, а два или более видов могут иметь одну и ту же общую анатомическую особенность. Носителями обычаев культуры, как и особенностей вида, являются их члены, которые передают то и другое потомству. В общем случае, чем больше количество индивидов - носителей характерных черт вида или культуры, тем у него (или у неё) больше шансов на выживание.

Культура, подобно биологическому виду, является результатом адаптации к окружающей среде. Поскольку она помогает своим носителям получать то, что им нужно, и избегать то, что для них опасно, культура помогает им выжить и передать себя их потомству. Эти два вида эволюции тесно взаимосвязаны. Те же самые люди передают и культуру, и генетическую наследственность, хотя и очень по-разному и ради разных аспектов своей жизни. Способность изменять своё поведение, которая делает возможной культуру, была приобретена в процессе эволюции вида, и наоборот, культура определяет многие из биологических особенностей, передаваемых потомству. Например, многие из нынешних культур дают возможность выжить и размножиться тем людям, которая без них отсутствует. Не каждый обычай в культуре, и не каждый признак биологического вида является адаптивным, так как неадаптивные обычаи и признаки могут существовать и передаваться сцепленными с адаптивными; в результате слабо адаптированные культуры и виды могут выжить в течение довольно длительного времени.

Новые обычаи соответствуют генетическим мутациям. Новый обычай может ослабить культуру - например, привести к расточительному потреблению ресурсов или ухудшению здоровья её носителей, или же укрепить её - например, побуждая носителей более эффективно использовать ресурсы или заботиться о своем здоровье. Так же, как и при мутации изменения в структуре гена не имеют отношения к факторам эволюционного отбора, которые влияют лишь на получающуюся в результате особенность фенотипа, так и причина возникновения нового обычая вовсе не обязательно связана с его значением для выживания (культуры). Аллергия вождя на какую-то пищу может вызвать изменение заповедей относительно питания, сексуальные предпочтения - изменение брачных ритуалов, а рельеф местности - изменение военной стратегии, причем эти обычаи могут оказаться ценными для культуры по совершенно разным причинам. Многие черты культур, конечно, обязаны своим происхождением катастрофическим событиям. Древний Рим, расположенный на плодородной равнине и подвергавшийся нападениям племен, живших в естественных крепостях на вершинах окружающих холмов, выработал законы о собственности, которые пережили первоначально стоявшую перед ними задачу. Древние египтяне, восстанавливая границы земельных участков после ежегодных

разливов Нила, разработали геометрию, которая оказалась ценной по многим другим причинам.

Аналогия между биологической и культурной эволюцией хромает в пункте передачи (признака и соответственно обычая). В передаче черт культуры нет ничего подобного генетическому хромосомному механизму. Напротив, культурная эволюция функционирует по Ламарку в том смысле, что передаются приобретенные (организмом) признаки (обычаи). Если обратиться к избитому примеру, то жираф не вытягивает свою шею, доставая пищу, которая в противном случае была бы недоступна для него, и потом не передаёт более длинную шею потомству; на самом деле жирафы, у которых мутация вызвала удлинение шеи, имеют шансы достать больше пищи и благодаря этому выжить и передать эту мутацию потомству. Наоборот, культура, в которой возник обычай (навык), позволяющий ей использовать ранее недоступные источники пищи, может передать этот навык не только новорожденным, но и взрослым и даже живым представителям предыдущего поколения. Более важно то, что навык (обычай) может быть передан "диффузно" и другим культурам - как если бы у антилоп, заметивших полезность длинной шеи у жирафов, стали расти более длинные шеи. Биологические виды изолированы друг от друга нескрещиваемостью, предотвращающей передачу генетических признаков, но между культурами нет подобных барьеров. Культура представляет собой набор черт (обычаев и навыков), но этот набор вполне может перемешиваться с другими наборами.

Есть тенденция ассоциировать культуру с определенной группой людей. Людей легче видеть, чем их поведение, и поведение легче видеть, чем факторы подкрепления, которые вызывают его. (Кроме того, легко заметны - и, следовательно, часто упоминаются в определении культуры - разговорный язык и предметы, которые используют носители культуры, например, инструменты, оружие, одежда и украшения.) Только в результате того, что мы отождествляем культуру с людьми, поведение которых обусловлено ею, мы можем говорить о "принадлежности к культуре", так как невозможна "принадлежность" к множеству факторов подкрепления или набору артефактов (или, говоря иначе, "набору идей и связанных с ними ценностей").

Некоторые виды изоляции могут создать четко определенную культуру из-за ограничения передачи норм и обычаев. Когда мы говорим о "культуре Самоа", то тут выдвигается и географическая изоляция, и расовые признаки, которые могут препятствовать обмену обычаями с "полинезийской культурой". Доминирующие организации или система власти могут удерживать набор обычаев как единое целое. Например, в "демократической культуре" социальная среда характеризуется рядом государственных традиций, которые получают поддержку от совместимых с ними этических, религиозных, экономических и образовательных норм. Христианская, мусульманская или буддистская культура предполагают, что в них доминируют религиозные нормы, а в капиталистической или социалистической культуре доминирует совокупность экономических норм, каждая из которых, возможно, связана с совместимыми с ней обычаями и нормами другого типа. Культура, которую характеризует правительственная, религиозная или экономическая система, не нуждается в географической или расовой изоляции (для сохранения своей идентичности).

Хотя аналогия между биологической и культурной эволюцией хромает в пункте передачи (преемственности), понятие культурной эволюции остается полезным. Возникают новые обычаи и нормы, и они, как правило, передаются, если способствуют выживанию тех, кто их практикует. Мы даже можем проследить эволюцию культуры куда более четко, чем эволюцию вида, поскольку тут существенные условия можно наблюдать (а не домысливать), и часто ими

можно непосредственно манипулировать. Тем не менее, как мы уже видели, роль среды только сейчас начали понимать, потому что социальную среду, которая и является культурой, часто трудно идентифицировать. Она постоянно меняется, ей не хватает материальности, и её легко спутать с людьми, поведение которых поддерживает её существование и определяется ею.

Так как есть тенденция отождествлять культуру с её народом-носителем, принцип эволюции стал жертвой злоупотреблений для оправдания борьбы между культурами под знаменем так называемой "доктрины социального дарвинизма". Войны между государствами, религиями, экономическими системами, расами и классами были взяты под защиту на том основании, что выживание наиболее приспособленных является законом природы - а это, мол, природа "окровавленных зубов и когтей." Если человек появился в качестве вида-господина, почему бы нам не ждать с нетерпением появления подвида-господина или "расы господ"? Если развитие культуры - похожий процесс, то почему бы не быть господствующей культуре? Согласен, что люди убивают друг друга, причём часто - следуя нормам, которые кажутся определяющими для культуры. Одно правительство или форма правления конкурирует с другим, и главные средства для этого определяются их военными бюджетами. Религиозные и экономические системы прибегают к использованию военной силы. Нацистское "решение еврейского вопроса" было конкурентной борьбой не на жизнь, а на смерть. А при конкуренции такого рода очевидно, что выживает сильнейший. Но на самом деле не выживает достаточно долго ни один человек, ни даже любое государственное, религиозное или экономическое учреждение. Что *эволюционирует* - это нормы и обычаи.

Ни в биологической, ни в культурной эволюции конкуренция с другими видами не является исключительно важным фактором отбора. *Как биологические виды, так и культуры "конкурируют" в первую очередь с окружающей средой.* Большая часть анатомии и физиологии вида выполняет функции дыхания, питания, поддержания необходимой температуры, избегания опасностей, борьбы с инфекциями, продолжения рода и так далее. Только небольшая их часть имеет дело с борьбой с другими членами того же вида или других видов, и, следовательно, является результатом успешного выживания в этой борьбе. Точно так же, большинство обычаев и норм, слагающих конкретную культуру, выполняют функции обеспечения пищи и безопасности, а не конкуренции с другими культурами, и они прошли отбор через факторы выживания, в котором успешная (прямая) конкуренция играла второстепенную роль.

Культура не является продуктом "креативного сознания группы" или выражением "объединенной воли". Ни одно общество не начиналось с общественного договора, ни одна экономическая система - с идеи натурального обмена или платы за труд, ни одна семейная структура - с осознания преимуществ совместного проживания. Нет, культура эволюционирует, когда новые нормы и обычаи способствуют выживанию тех, кто их практикует.

Когда выясняется, что культура может выжить или погибнуть, некоторые из ее членов могут начать активно способствовать её выживанию. К тем двум ценностям, которые, как мы видели, могут повлиять на тех, кто в состоянии применять технологию поведения - личных "благ", которые являются подкрепителями вследствие генетической наследственности человека, и "благ для окружающих", которые являются результатом межличностных отношений (оперантного) подкрепления, теперь мы должны добавить ещё и третью ценность - благо культуры. Но на чём основано её действие? Зачем людям в последней трети XX века заботиться о том, как люди в последней трети двадцать первого века будут выглядеть, какое у них будет правительство, как и

почему они будут продуктивно работать, что они будут знать, или каковы будут их книги, фотографии или музыка? Ведь ни одно из нынешних подкреплений не может быть обусловлено чем-то столь отдаленным. Почему же тогда люди считают выживание своей культуры "благом"?

Тут, конечно, бессмысленно говорить, что человек действует "потому что он ощущает беспокойство за выживание своей культуры." Чувства о любом учреждении зависят от подкреплений, которое это учреждение применяет. То, что человек чувствует в отношении правительства, может варьировать от самого ревностного патриотизма до жуткого страха, в зависимости от характера норм начальствования. То, что человек чувствует в отношении экономической системы, может варьировать от восторженной поддержки до горечи неприятия, в зависимости от того, как эта система использует положительные и отрицательные подкрепления. Так что то, что человек чувствует в отношении выживания своей культуры, будет зависеть от тех мер, которые эта культура предпринимает для того, чтобы побудить своих носителей активно способствовать её выживанию. Эти меры и являются объяснением их поддержки; ну а их чувства являются лишь побочными явлениями. Столь же бессмысленно говорить, что кому-то вдруг приходит в голову идея приложить старания для выживания культуры и он делится ею с другими. "Идею" по меньшей мере столь же трудно объяснить, как и те действия, о которых говорят, что они её выражают, и она гораздо менее ощутима. Но как же объяснить эти действия?

Многое из того, что люди делают, содействуя выживанию культуры, делается "неумышленно" - иначе говоря, это делают не потому, что тем увеличивается ценность её выживания. Культура выживает, если выживают её носители, а это отчасти зависит от их явной генетической восприимчивости к подкреплению, благодаря которой формируется и поддерживается поведение, обеспечивающее выживание в данной окружающей среде. Обычаи, которые побуждают человека работать на благо окружающих, наверняка способствуют их выживанию и, следовательно, выживанию культуры, носителями которой являются эти окружающие.

Учреждения могут получать эффективные подкрепления от событий, которые произойдут лишь после смерти этого человека. Они выступают как посредники-распределители безопасности, справедливости, порядка, знаний, материальных благ, здравоохранения и так далее, только частью из которых может воспользоваться данная личность. Будь то пятилетний план или программа жестокой (буржуйской) экономии, людей побуждают работать и отказываться от определенной части положительного подкрепления в обмен на обещание подкрепления, которое они получают позже, но многие из них не доживут до того, чтобы насладиться этими отсроченными положительными последствиями своих усилий. (Руссо упоминал этот факт в отношении образования: половина детей, которые подвергались жестоким методам воспитания того времени, не доживала до того, чтобы насладиться обещанными благами.) Почести, оказываемые живому герою, переживают его самого в виде преданий. Накопленные богатства переживают стяжателя, равно как и накопленные знания; богачи учреждают благотворительные фонды своего имени, а наука и образованность хранят имена своих героев. Христианская вера в загробную жизнь, возможно, выросла как социальное подкрепление для тех, кто в жизни страдает за религию. Рай изображается как каталог положительных подкреплений, а ад - как каталог отрицательных подкреплений, хотя получение того или другого зависит от поведения личности *до смерти*. ("Выживание" личности после смерти можно рассматривать как метафору эволюционной концепции ценности выживания.) Сама личность, разумеется, не получает непосредственно ничего из этого; она просто получает лишь условные подкрепления,

используемые другими носителями её культуры, которые её переживают и получают непосредственные (результаты её усилий).

Ничто из этого не может объяснить того явления, которое можно назвать чистой озабоченностью выживанием культуры, но мы по сути и не нуждаемся в объяснении. Точно так же, как мы не нуждаемся в объяснении происхождения генетических мутаций для того, чтобы объяснить их влияние на естественный отбор, нам не нужно объяснения происхождения норм культуры для того, чтобы объяснить их вклад в выживание культуры. Простой факт состоит в том, что культура, которая *по какой бы то ни было причине* побуждает своих носителей прилагать усилия для её выживания или для выживания некоторых из её норм, имеет больше шансов на то, чтобы выжить. Выживание - это единственная ценность, на основании которой любая культура в конечном итоге получает оценку (истории), и любые традиции и нормы, которые способствуют её выживанию, по определению имеют ценность для выживания.

Если вас не очень удовлетворяет заявление, что любая культура, которая побуждает своих носителей усердствовать для её выживания по какой бы то ни было причине, именно вследствие этого получает большую вероятность выжить и увековечить свои традиции, то надо помнить, что тут вообще мало что нуждается в объяснении. Культуры редко выражают заботу о своём выживании в чистом виде, без примеси национализма, расизма, географических границ или государственных норм, с которыми культуры имеют тенденцию себя идентифицировать.

Когда благам окружающих бросают вызов, особенно благам организованного общества, то на это не легко ответить, указывая на отсроченные преимущества. Например, граждане бросают вызов правительству, отказываясь платить налоги, служить в вооруженных силах, участвовать в выборах и так далее; тогда оно может принять вызов, либо усиливая имеющиеся в распоряжении подкрепления, либо указывая на отрицательное влияние проблематичного поведения на отсроченные преимущества. Но как оно сможет ответить на такой вопрос: "Почему я должен заботиться о том, чтобы мое правительство или эта форма правления существовали еще долгое время после моей смерти?" Точно так же бросают вызов религиозной организации, когда её прихожане не ходят в церковь, не поддерживают её материально, не проявляют политической активности в её интересах и так далее, и она тоже попытается решить проблему, усиливая свои подкрепления или указывая на отсроченные преимущества. Но каков будет её ответ на вопрос: "Почему я должен содействовать долгосрочному выживанию моей религии?" Люди бросают вызов экономической системе, не работая продуктивно, и она может ответить, заостряя свои подкрепления или указывая на отложенные преимущества. Но каков может быть её ответ на вопрос: "Почему я должен быть обеспокоен проблемой выживания данной экономической системы?" Единственный честный ответ на такие вопросы очевидно таков: "Не существует никаких весомых причин для вашего беспокойства, но если ваша культура не убедила вас, что они действительно есть, то тем хуже для вашей культуры."

Еще более трудно объяснить деятельность, направленную на установление единой культуры для всего человечества. Идеи *Pax Romana / Americana* (Мир Рима или Мир Америки), мира, где нет угроз для демократии, мирового коммунизма или "католической" церкви, пользуются поддержкой мощных организаций, но проект "чистой" мировой культуры её не имеет. Поддержка ей, вероятно, так и не разовьётся из-за острой конкуренции между религиозными, государственными и экономическими организациями. Тем не менее можно указать на множество причин того, что люди должны быть теперь заинтересованы во благе для всего

человечества. Все острые мировые проблемы сегодня являются глобальными. Перенаселение, истощение ресурсов, загрязнение окружающей среды и возможность ядерной катастрофы - таковы не столь отдаленные последствия нынешнего курса политики. Но указывать на последствия вовсе не достаточно. Мы должны сконструировать факторы подкрепления, благодаря которым эти последствия окажут воздействие на людей. Но что культуры всего мира могут сделать для того, чтобы эти страшные перспективы повлияли на поведение людей?

Процесс эволюции культуры не закончится, даже если останется только одна культура, а биологическая эволюция не закончится, даже если останется только один доминирующий биологический вид, по всей видимости - человек. Одни важные факторы отбора изменятся, а другие исчезнут, но мутации все равно будут происходить, будет идти отбор, и будут и далее развиваться новые обычаи и общественные нормы. Тогда не будет смысла говорить о культуре. Всем будет ясно, что мы имеем дело только с общественными нормами (этой единственной культуры), как в случае одного-единственного вида речь может идти только о (наследуемых) признаках.

Эволюция культуры наводит на определенные вопросы о так называемых "ценностях", на которые не было дано исчерпывающих ответов. Является ли эволюция культуры "прогрессом"? И какова его цель? Является ли его цель неким следствием, которое отличается от последствий, будь то реальных или мнимых, которые побуждают людей способствовать выживанию их культуры?

Может показаться, что структурный анализ даёт возможность избежать этих вопросов. Если мы ограничимся рассмотрением просто того, что люди делают, то кажется, что культура развивается просто прохождением через последовательность стадий. Хотя отдельная культура может пропустить какую-то стадию, всё равно можно продемонстрировать некий общий порядок. Структуралисты ищут объяснения того, почему одна стадия следует за другой в "структурированной" последовательности. Технически говоря, они пытаются объяснить зависимую переменную, не связывая её ни с одной независимой переменной. Тот факт, что эволюция происходит во времени, однако предполагает, что время может быть полезной независимой переменной. Как выразился Лесли Уайт: "Эволюцию можно определить как временную последовательность смены форм: одна форма вырастает из другой; культура прогрессирует от одного этапа к другому. В этом процессе время является таким же неотъемлемым фактором, как и изменение формы."

Направленное изменение во времени часто называют "развитием". Геологи прослеживают развитие Земли как череду разных эпох, а палеонтологи прослеживают развитие видов. Психологи прослеживают развитие, например, психосексуальной адаптации. Развитие культуры можно проследить по использованию ею инструментов (от каменных к бронзовым и железным), по способу добывания пищи (от собирательства к охоте, рыбалке и полеводству), по использованию ею экономических сил (от феодализма к меркантилизму, индустриализму и социализму), и так далее.

Факты такого рода полезны, однако изменение происходит не из-за течения времени, а из-за того, что именно произошло за истекшее время. Меловой период в геологии не появляется на соответствующей стадии развития Земли из-за некоей предопределенной фиксированной последовательности, а из-за того, что предшествующее состояние Земли привело к

определенным изменениям. Копыто лошади эволюционно развилось не потому, что "пришло время", а потому, что результаты определенных мутаций были выбраны в ходе естественного отбора благодаря действию факторов выживания в той окружающей среде, в которой жили (предки) лошади. Размер словаря ребенка или грамматические формы, которые он использует, являются функцией не его возраста, а развития речевых факторов подкрепления, которые доминируют в кругу лиц, с которым он общается. Ребенок вырабатывает "концепцию инерции" в определенном возрасте только из-за тех социальных и не-социальных факторов подкрепления, которые порождают поведение, о котором говорит, что оно свидетельствует об усвоении этой концепции. Факторы подкрепления "развиваются" в той же мере, что и поведение, которое они вызывают. Если стадии развития следуют одна за другой в неизменном порядке, то это потому, что одна стадия создаёт факторы, ответственные за следующую. Ребенок должен уметь ходить до того, как он сможет бегать или прыгать; он должен иметь элементарный словарь, прежде чем он сможет "создавать из слов грамматические структуры"; он должен овладеть простыми актами (оперантного) поведения, прежде чем он сможет обрести поведение, о котором говорят, что оно свидетельствует об усвоении "сложных понятий."

Те же самые проблемы возникают и в отношении развития культуры. Практика собирательства, естественно, предшествует сельскому хозяйству, не из-за некоей "глубинной тенденции", а потому, что люди должны каким-то образом обеспечить своё выживание (например, собирая съестное) до того, как обретут навыки сельского хозяйства. Необходимый порядок в историческом детерминизме Карла Маркса состоит в факторах подкрепления. Классовая борьба - это упрощенный способ представления того, каким образом люди управляют друг другом. Рост власти купцов, упадок феодализма и позднее - начало промышленного века (за которым, возможно, последует социализм или государство всеобщего благосостояния) в значительной степени зависят от изменений в экономических факторах подкрепления.

Чисто структуралистская психология, довольствующаясь лишь схемами последовательного изменения структур, не делает попыток объяснить поведение на основании генетической и экологической предыстории. Она также не делает попыток изменить порядок, в котором этапы сменяют друг друга, или скорость, с которой это происходит. В стандартной окружающей среде ребенок может усваивать понятия в стандартном порядке, но сам этот порядок определяется факторами подкрепления, которые можно изменять. Точно так же, культура может развиваться через последовательность стадий в соответствии с тем, как развиваются факторы подкрепления, но ведь можно разработать совершенно другие системы факторов подкрепления. Мы не можем изменить возраст Земли или ребенка, но в случае ребенка не обязательно ждать истечения сроков для того, чтобы изменить те процессы, которые происходят во времени.

Концепция развития затуманивается с так называемыми "ценностями", когда направленное изменение рассматривают как *рост*. Рост яблока проходит через последовательность стадий, и лишь на одной стадии оно лучше всего. Нам не нравятся незрелые и гнилые яблоки; хороши только спелые яблоки. По аналогии с этим рассуждают о зрелости личности и зрелости культуры. Крестьянин трудится, стараясь благополучно довести выращиваемые плоды до зрелости, а родители, учителя и врачи стараются вырастить ребенка в зрелую личность. Изменение в направлении зрелости часто оценивается как "становление." Если это изменение прерывается, говорят об остановленном или заблокированном развитии, и пытаются это исправить. Когда изменение медленное, говорят об отсталости и пытаются его ускорить. Но эти желанные ценности становятся ненужными (или даже вредными) по достижении зрелости.

Никто не стремится к "становлению" старости; зрелый человек был бы рад остановить или затормозить своё дальнейшее развитие; с этого момента он не имеет ничего против "отсталости".

Ошибочно полагать, что любое изменение или развитие является ростом (прогрессом). Нынешнее состояние земной поверхности не является ни зрелым, ни незрелым; лошади, насколько нам известно, ныне не достигли некоего конечного и, как полагают, оптимального этапа эволюционного развития. Если кажется, что речевые навыки ребенка растут, как эмбрион, то это только потому, что игнорируются направляющие этот процесс факторы подкрепления в окружающем мире. Дикорастущие дети не усваивают язык не потому, что их изоляция препятствовала некоему процессу роста, а потому, что они не подвергались воздействию факторов подкрепления речевого общения с людьми. У нас нет оснований называть какую-либо культуру зрелой в том смысле, что её дальнейший рост вряд ли возможен, или что он обязательно будет деградацией. Мы называем некоторые культуры недоразвитыми или незрелыми в отличие от других, которые мы называем "высокоразвитыми", однако считать, что наличие правительства, религии или экономической системы свидетельствует о зрелости - это грубая форма шовинизма.

Главное возражение против метафоры роста в отношении развития личности или эволюции культуры состоит в том, что она подчеркивает конечное состояние, которое не функционально. Говорят, что организм растёт *в направлении* зрелости или *с целью* достичь зрелости. Зрелость превращают в цель, а прогресс превращают в движение к этой цели. Цель буквально является финишем - концом чего-то подобного забегу на дистанцию. Она не имеет никакого значения для забега, помимо того, что является его концом. Это слово используется в этом сравнительно банальном смысле, когда говорят, что цель жизни - это смерть, или что цель эволюции - это усеять Землю живыми существами. Смерть, несомненно, это конец жизни, и набитый битком мир может быть концом эволюции, но эти терминальные состояния не имеют никакого значения для процессов, с помощью которых они будут достигнуты. Мы живем не для того, *чтобы умереть*, и эволюция идет не для того, *чтобы* заполнить Землю живностью.

Финиш в конце забега легко путают с победой, а следовательно, с причиной участия в забеге или целью бегуна. Ранние исследователи научения использовали лабиринты и другие устройства, цель которых, по их мнению, была продемонстрировать соотношение между поведением и подкреплением, которое было его следствием; то есть, якобы организм *двигался к цели*. Однако тут действует временная, а не пространственная взаимосвязь. *После* акта поведения следует подкрепление; акт поведения не гонится за целью и не перегоняет её. Мы объясняем развитие биологического вида и поведения одной его особи, указывая на селективное действие факторов выживания и факторов подкрепления. Как вид, так и поведение особи развиваются, когда они формируются и сохраняются в их взаимодействии с окружающим их миром. Роль будущего состоит лишь в этом.

Однако это не значит, что у этих процессов нет направления. Были предпринято много усилий в попытках охарактеризовать эволюцию как направленное изменение - например, как постоянное увеличение сложности структуры, чувствительности к стимуляции или эффективности использования энергии. Но на самом деле важен совсем другой возможный фактор: *оба вида эволюции делают организмы более чувствительными к последствиям своих действий*. Организмы, которые легче всего изменяются под действием конкретных последствий,

предположительно имеют адаптационное преимущество, а культура ставит поведение человека под управление отсроченных последствий, которые не могли бы играть никакой роли в его физической эволюции как биологического вида. Отсроченное личное благо эффективно влияет на поведение человека, когда им управляет благо для ближних, и культура, которая побуждает некоторых из её носителей действовать ради её выживания, делает это как бы в предчувствии еще более отдаленных последствий.

Задача дизайнера культуры состоит в том, чтобы ускорить развитие обычаев и норм, которые приводят в действие такие более отдаленные последствия поведения. Далее мы рассмотрим некоторые из проблем, с которыми он сталкивается.

Социальная среда - это то, что называется культурой. Она формирует и сохраняет шаблоны поведения тех, кто в ней живет. Конкретная культура развивается по мере возникновения (возможно, по соображениям, не имеющим значения для её развития) новых норм и обычаев, которые затем подвергаются отбору по их вкладу в укрепление культуры в аспекте её "конкуренции" с окружающим миром и другими культурами. Важным шагом является появление норм, которые побуждают носителей культуры работать для её выживания. Происхождение таких норм невозможно, если исходить из личного блага, даже когда они действуют на благо окружающих, так как выживание культуры после смерти индивида не может служить ему как источник условного подкрепления. Этого индивида могут пережить окружающие, которые побуждают его действовать ради их блага, ведь культура, выживание которой и есть суть проблемы, часто отождествляется с ними или их организациями, однако эволюция культуры придаёт этому дополнительный вид благ или ценностей. Культура, которая *по какой бы то ни было причине* побуждает своих носителей содействовать её выживанию, имеет больше шансов на то, чтобы выжить. Дело тут в благе для культуры, а не благе для личности. Целевой дизайн культуры способствует этому благу, ускоряя процесс её эволюции, а так как наука о поведении и соответствующая технология (социальной инженерии) оптимизируют этот дизайн, они являются важными "мутациями" для эволюции культуры. Если и есть какая-либо цель или направление эволюции культуры, то их суть состоит в вовлечении всё большего и большего числа последствий поведения людей в управление их поведением.

Глава 8: Конструирование культуры

На самом деле конструированием и переделкой культуры занимаются очень многие. Они изменяют как вещи, которыми пользуются, так и методы их использования. Они изобретают улучшенные (better) мышеловки и компьютеры и открывают более эффективные способы воспитания детей, выплаты зарплат, сбора налогов, и вообще помогают другим решать проблемы. Нам ни к чему долго рассусоливать о слове "better" (лучше), это просто сравнительная степень слова "good", (что на английском означает и "хорошо", и "благо", и "товар"), ну а благо и товар являются по своей сути подкреплениями. Об одном фотоаппарате говорят, что он лучше, чем другой, на основании того, что происходит, когда ими пользуются. Фирма-производитель побуждает потенциальных покупателей "дать оценку" её фотоаппарата, чтобы обещать в рекламе, что он будет функционировать хорошо, цитируя то, что пользователи сообщали о его функционировании, ну и так далее. Разумеется, гораздо труднее оценивать одну культуру целиком выше другой, в частности потому, что при этом надо принимать во внимание гораздо большее количество параметров.

Никто не знает, каков лучший способ воспитания детей, оплаты труда, поддержания законности и общественного порядка, преподавания или того, как сделать людей "креативными", но есть возможность предложить лучшие способы, чем те, что у нас имеются теперь, и содействовать им, прогнозируя и в конечном итоге демонстрируя результаты, дающие больше подкрепления. В прошлом это делалось на основании личного опыта и народной мудрости, однако очевидно, что научный анализ человеческого поведения предпочтительнее. Он помогает нам своим двусторонним подходом: определяя, что надо сделать, и предлагая способы это сделать. О том, как велика потребность в этом, свидетельствует недавняя статья в массовом еженедельнике о том, что "не в порядке" в США. Эта проблема описывается там как "нарушенная психика молодежи", "рецессия духовности", "психическая депрессия" и "духовный кризис", причины которых усматривают в "беспокойстве", "неуверенности", "болезни", "отчуждении", "генерализованном отчаянии", и нескольких других настроениях и состояниях психики, причем все они якобы взаимодействуют с общепризнанным интрапсихическим шаблоном (например, утверждается, что отсутствие социальной уверенности приводит к отчуждению, а безысходность - к агрессии). Большинство читателей, наверно, считает, что понимает писанину этого автора и, возможно, поверило, что он высказал что-то полезное, но его рассусоливания - которые даже не оригинальны - страдают двумя характерными дефектами, которыми объясняется наша неспособность адекватно решать проблемы культуры: суть проблематичного поведения на самом деле не описывается, и не предлагается ничего, что можно было бы сделать для его исправления.

Рассмотрим юношу, чей окружающий мир вдруг изменился. Он окончил колледж и ходит на работу или был призван в армию. Большая часть усвоенного им прежде поведения оказалась бесполезной, неадаптированной к этой новой среде. Его нынешнее действительное поведение легко можно описать и даже перевести это описание (в бихевиористскую терминологию - дана курсивом в скобках): у него нет уверенности в себе или он чувствует себя неуверенно или сумбурно (*его поведение слабо выражено и неадекватно*); он разочарован или даже в отчаянии (*он редко получает положительное подкрепление, и в результате его поведение претерпевает экстинкцию*); он огорчен (*экстинкция сопровождается эмоциональными реакциями*); он

ощущает неловкость или страх (его поведение часто имеет неизбежные отрицательные последствия, на которые он эмоционально реагирует); у него нет возможности делать то, что хочется, или то, что он умеет делать хорошо, он чувствует себя беспомощным, что его жизнь бессмысленна, у него нет ощущения успеха (он редко получает подкрепление вообще за что-либо); у него чувство вины или стыда (его ранее наказывали за безделье или неудачи, что теперь вызывает в нем эмоциональные реакции); он обескуражен или даже чувствует отвращение к самому себе (он более не получает подкрепление от восхищения окружающих, и соответствующая экстинкция вызывает в нем эмоциональные реакции); он впадает в ипохондрию (приходит к выводу, что болен) или невроз (он выполняет различные неэффективные шаблоны избегающего поведения); и он страдает от кризиса личности (он отвергает ту личность, которую он прежде называл своим "я").

Выделенные курсивом истолкования слишком кратки, чтобы быть точными, но они указывают на возможность альтернативной интерпретации, той единственной, которая предлагает эффективный образ действий. Для самого юноши, несомненно, самое важное - это различные состояния самочувствия. Они - важнейшие стимулы, и он научился использовать их традиционным образом, чтобы объяснять свое поведение себе и другим. То, что он говорит нам о своих чувствах, может позволить нам сделать обоснованные предположения о том, что не в порядке с факторами подкрепления (его поведения), но нам надо заняться непосредственно этими факторами, если мы хотим недвусмысленных результатов, и именно эти факторы следует изменить для того, чтобы изменить его поведение.

Чувства и состояния сознания по-прежнему из-за многих причин задают тон в дискуссиях о человеческом поведении. С одной стороны, они уже давно заслоняют собой альтернативы, которые могли бы их заменить; из-за этого трудно понимать поведение как таковое, не примазывая к нему ту уйму вещей, которую, как говорят, оно якобы выражает. Селективное воздействие на окружающую среду так и осталось непонятым по своей сути. Потребовалось ничто иное - экспериментальный анализ поведения - для того, чтобы обнаружить значение факторов подкрепления, а эти факторы так и остаются почти необнаружимыми методом случайного наблюдения. Это легко продемонстрировать. Факторы подкрепления, которые мы задаем в опытах в оперантной лаборатории, часто сложны, но они всё же проще, чем многие факторы подкрепления, действующие в большом мире. Однако тому, кто не знаком с методикой лабораторных опытов, будет трудно понять, в чем суть происходящего в экспериментальной установке (ящике Скиннера). Он видит, что организм выполняет несколько шаблонных актов поведения в присутствии различных стимулов, которые время от времени изменяются, и он может порой увидеть акт подкрепления, например, появление кусочка корма, который организм съедает. Всё это - очевидные факты, однако одни лишь случайные наблюдения редко выявляют факторы подкрепления. Наш наблюдатель не сможет объяснить, почему организм ведет себя так, а не иначе. И если он не может понять того, что он видит в упрощенных лабораторных условиях, как можно ожидать того, что он постигнет смысл происходящего в повседневной жизни?

Экспериментатор, конечно, имеет дополнительную информацию. Он кое-что знает о генетике подопытного организма, по меньшей мере в силу того, что он уже изучал других представителей той же чистой линии. Он кое-что знает о предыстории подопытного организма - о факторах подкрепления, которые ранее воздействовали на организм, график голодания, которому подвергся организм, и так далее. Но наш посторонний наблюдатель не понял сути опыта не потому, что он не знал этих дополнительных фактов; он не понял её потому, что он не мог

видеть смысл того, что происходит на его глазах. В эксперименте с оперантным поведением важными данными являются изменения вероятности (обусловленного) акта поведения, обычно наблюдаемые как изменения частоты (акта поведения), а ведь следить за изменениями его частоты путём простого наблюдения трудно, а то и невозможно. Мы не очень хорошо приспособлены для того, чтобы видеть изменения частоты повторения, происходящие в течение довольно длительного времени. А экспериментатор может видеть эти изменения на графиках самописца. То, что кажется довольно случайной чередой актов поведения, может оказаться стадией закономерного процесса. Экспериментатору также известны доминирующие факторы подкрепления (он на самом деле задал их сконструированной им экспериментальной установкой). Если наш случайный наблюдатель потратит достаточно времени, то он сможет обнаружить некоторые из факторов подкрепления, но он сможет сделать это, только если будет знать, чего искать. До того, как в лабораториях начали задавать факторы подкрепления и исследовать их действие, почти не делалось усилий для того, чтобы обнаружить их в повседневной жизни. Именно таким образом, как мы уже отмечали в главе I, экспериментальный анализ дает возможность эффективной интерпретации (анализа) человеческого поведения. Это позволяет нам пренебрегать несущественными деталями, независимо от того, сколь драматическими они бы ни были, и делать упор на тех особенностях, которые без помощи такого анализа можно было бы проигнорировать, как тривиальные.

(У читателя, возможно, была склонность отмахиваться от частого упоминания факторов подкрепления, как новомодного словечка из области технического жаргона, но это не тот случай, когда старые вещи просто называют новыми именами. Ведь факторы подкрепления - это универсальное, повсеместное явление. Они объясняют традиционные вопросы преднамеренного и целевого (поведения), но гораздо более полезным образом, и они дают альтернативные формулировки так называемых "процессов сознания". Многие частности ранее никогда ещё не рассматривались, и не существует традиционных терминов, пригодных для их обсуждения. Вся значимость этого понятия, несомненно, еще далека от адекватного признания.)

За интерпретацией (анализом) следуют практические действия. Факторы подкрепления доступны для манипуляции, и по мере того, как мы приходим к пониманию взаимоотношений между поведением и окружающим миром, мы открываем новые пути изменения поведения. Контуры этой технологии уже ясны. В качестве задачи ставится выработка или изменение поведения, и затем организуются соответствующие факторы подкрепления. При этом могут быть необходимы запрограммированные последовательности факторов подкрепления. Эта технология была наиболее успешной там, где можно довольно легко определить целевое поведение и задать необходимые для этого факторы подкрепления, например, в воспитании детей, в школах и для управления поведением умственно отсталых и госпитализированных психопатов. Однако те же принципы применяются ещё и при создании учебных материалов на всех уровнях образования, в психотерапии, выходящей за рамки простого управления поведением, в реабилитации, в управлении производством, в градостроении и во многих других областях человеческого поведения. Существует много разновидностей "модификации поведения" и много различных формулировок, но все они едины в одном существенном пункте: поведение может быть изменено путем изменения условий, функцией которых оно является.

Такая технология является этически нейтральной. Он может быть использована как злодеями, так и праведниками. В её методологии нет ничего, что определяло бы ценности, управляющие её применением. Однако мы имеем здесь дело не только с практическими приёмами, но и с

созиданием всей культуры целиком, и тогда выживание культуры становится особого рода ценностью. Человек может создать лучший способ воспитания детей прежде всего для того, чтобы избежать детей, которые ведут себя плохо. Он может решить свою проблему, например, жестоким тиранством. Или, наоборот, его новый метод может содействовать благу детей и родителей в целом. Этот метод может потребовать времени, усилий и принесения в жертву личных подкреплений, но он предложит и будет использовать его, если у него достаточно сильная мотивация трудиться на благо окружающих. Если ему даёт сильное подкрепление вид того, как радуются окружающие, то он будет разрабатывать, например, условия, в которых дети счастливы. Если его культура вдохнула ему заинтересованность в ее выживании, то тут он может изучать вклад, который люди вносят в свою культуру, как результат их раннего развития, и тогда он сможет разработать лучший метод того, как увеличивать их вклад. Те, кто усваивают этот метод, смиряются с некоторым уменьшением личных подкреплений.

Те же самые три вида ценностей можно обнаружить в конструкции других культурных практик (обычаев). Школьный учитель может разработать новые способы обучения, которые сделают жизнь легче для него самого, или которые обрадуют его учеников (которые в свою очередь дадут подкрепление ему самому), или которые сделают более вероятным то, что его ученики сделают максимально возможный вклад в свою культуру. Предприниматель может разработать систему оплаты труда, которая увеличивает его прибыли, или же работает на благо его наёмных рабочих, или наиболее эффективно производит товары, в которых нуждается общество, с минимальным потреблением ресурсов и минимальным загрязнением среды. Правящая партия может в первую очередь действовать для того, чтобы сохранить свою власть, или для того, чтобы давать подкрепление тем, кем она правит (кто в свою очередь поддерживает её власть), или служа олигархам путем введения программы жестокой экономии, которая может стоить партии и власти, и поддержки народа.

Те же три уровня можно обнаружить и в конструировании культуры в целом. Если создатель - индивидуалист, он будет разрабатывать мир, в котором он будет под минимумом управления и будет считать высшей ценностью своё личное благо. Если он был сформирован соответствующей социальной средой, то он будет разрабатывать культуру на благо других, возможно, в ущерб личному благу. Если он обеспокоен прежде всего ценностью выживания культуры, то он будет разрабатывать её с расчётом на эффективное функционирование.

Когда культура побуждает некоторых из своих членов на то, чтобы трудиться для её выживания, то что им надо делать? Им надо предвидеть хотя бы часть трудностей, с которыми столкнется культура. А они, как правило, лежат далеко в будущем, и подробности не всегда ясны. Апокалиптические видения имеют долгую историю, но только в последнее время уделяется много внимания предвидению будущего. Против полностью непредсказуемых трудностей ничего не поделаешь, но мы можем предвидеть некоторые проблемы путем экстраполяции нынешних тенденций. Достаточно просто наблюдать постоянное увеличение численности людей на Земле, или размеров и распространения ядерных арсеналов, или загрязнения окружающей среды и истощения природных ресурсов; мы можем затем изменить образ действий, чтобы соответственно побудить людей иметь меньше детей, меньше тратить на ядерное оружие, прекратить загрязнение окружающей среды, и потреблять ресурсы менее интенсивно.

Нет нужды в предсказании будущего для того, чтобы видеть то, как сила культуры зависит от

поведения её членов. Культура, которая поддерживает общественный порядок и защищает себя от нападений, избавляет своих членов от определенных видов угроз и очевидно уделяет больше времени и энергии для других дел (особенно, если порядок и безопасность не поддерживаются насилием). Культура нуждается в различных благах и ресурсах для своего выживания, и её сила должна зависеть отчасти от экономических факторов подкрепления, которые поддерживают предприимчивый и производительный труд, от наличия средств производства, и от разведки и экономии природных ресурсов. Культура очевидно будет сильнее, если она побуждает своих членов поддерживать безопасную и здоровую социальную среду, обеспечивать медицинскую помощь и поддерживать плотность населения, соответствующую её ресурсам и занимаемому пространству. Культура должна передаваться из поколения в поколение, и её сила очевидно зависит от того, сколько и каких знаний получает новое поколение, как через неформальные факторы усвоения, так и через образовательные учреждения. Культура нуждается в поддержке своих членов, и она должна содействовать стремлению к счастью и его достижению, чтобы предотвратить их недовольство или эмиграцию. Культура должна быть достаточно стабильной, но она также должна быть способной к изменениям, и она очевидно будет максимально сильна, если сможет избегать чрезмерного почитания традиций и страха новизны, и с другой стороны, слишком быстрых изменений. Наконец, культура будет обладать особой мерой ценности выживания, если она поощряет своих членов изучать существующие нормы и экспериментировать с новыми.

Культура очень похожа на экспериментальную установку ("ящик Скиннера"), используемую для анализа поведения. Обе представляют собой наборы факторов подкрепления. Ребенок рождается в культуру общества, подобно тому, как организм помещается в экспериментальную установку. Проектирование культуры подобно планированию эксперимента; при этом устанавливаются факторы подкрепления и регистрируются результаты. В эксперименте нас интересует его результат, а при конструировании культуры - то, будет ли она функционировать. Такова разница между наукой и технологией (поведения).

В утопической литературе можно найти целую коллекцию проектов культуры общества. Авторы описывали свои видения хорошей жизни и предлагали пути к их достижению. Платон в диалоге "Республика" выбрал политическое решение; Св. Августин в "Граде божьем" - религиозное. Томас Мор и Фрэнсис Бэкон, будучи юристами, уповали на закон и порядок, а утописты восемнадцатого века в традиции Руссо - на гипотетическую природную доброту человека. Девятнадцатый век был свидетелем экономических проектов, а двадцатый век видел подъем того, что можно назвать психологическими утопиями, в которых стал обсуждаться (часто сатирически) полный спектр социальных факторов подкрепления.

Авторы утопий из всех сил старались упростить свою задачу. Утопическая община, как правило, состоит из относительно небольшого числа людей, живущих вместе в одном месте и в постоянном контакте друг с другом. Они могут заниматься неформальным управлением этикой и свести к минимуму роль формальных учреждений. Они могут учиться друг у друга, а не у специалистов, называемых учителями. Их можно удерживать от зла по отношению друг к другу при помощи порицания, а не специализированных наказаний системы правосудия. Они могут производить и обменивать материальные блага без указания их ценности в денежном выражении. Они могут помогать больным, инвалидам, помещанным или старикам с минимумом помощи от системы здравоохранения. Вредоносные контакты с другими культурами избегаются путем географической изоляции (утопии, как правило, расположены на островах или в

окружении высоких гор), а вступлению в новую культуру способствует некий формализованный разрыв с прошлым, например ритуал вторичного рождения (утопии часто помещаются в далеком будущем, так что необходимая эволюция культуры кажется вполне правдоподобной). Утопия представляет собой монолитную социальную среду, все части которой работают сообща. Домашняя среда не конфликтует со школой или улицей, религия не конфликтует с государством, и так далее.

Однако по-видимому наиболее важной особенностью проектирования утопий является то, что выживание общины важно для ее членов. Малый размер, изоляция, внутренняя спаянность - всё это дает общине идентичность, которая делает невозможным безразличие к ее успехам или неудачам. Фундаментальный вопрос относительно всех утопий таков: "Будет ли она действительно функционировать?" На эту литературу стоит обращать внимание хотя бы потому, что она делает упор на экспериментировании. Она рассмотрела традиционную культуру и обнаружила её непригодность, и создала новые модели, для того чтобы их опробовали и модифицировали соответственно требованиям реальных обстоятельств.

Упрощения утопической литературы, которые представляют собой не более, чем упрощения, характерные для науки, редко осуществимы в мире в целом, и существует много других причин того, почему трудно осуществить конкретный проект. Большой изменчивой массой населения невозможно управлять при помощи неформальных общественных этических воздействий, потому что общественные подкрепители, такие как похвала и порицание, тут невозможно обменять на подкрепители в межличностных отношениях, на которых они (неформально) основаны. Зачем обращать внимание на похвалу или порицание кого-то, кого больше никогда не встретишь снова? Этическое управление поведением действенно в небольших группах, но управление поведением населения в целом надо поручать специалистам - полицейским, священникам, собственникам, учителям, психотерапевтам и так далее, с их специализированными подкрепителями и формализованными факторами подкрепления. Они, вероятно, уже находятся в состоянии конфликта друг с другом и почти наверняка будет конфликтовать с любым новым набором факторов подкрепления. Ведь если вовсе не трудно изменить неформальное обучение, то почти невозможно изменить официальное учебное заведение. Довольно легко изменить обычаи супружества, развода и воспитания детей по мере того, как их значение для культуры изменяется, но почти невозможно изменить религиозные догмы, которые диктуют такие обычаи. Легко изменить то, в какой степени различные виды поведения воспринимаются как нормальные, но трудно изменить законы государства. Ценность благ как подкрепителей является более гибкой, чем цены на них, установленные экономической системой. Буква закона более неуступчива, чем конкретные факты, которые она трактует.

Вовсе не удивительно, что если говорить о реальном мире, то слово "утопический" означает "неосуществимый". И кажется, что история это подтверждает: на протяжении двух с половиной тысяч лет предлагались различные утопические проекты, и большинство попыток осуществить их оказались позорными неудачами. Но опыт истории всегда свидетельствует против всего нового; как раз это и подразумевают под историей. Но вероятность научных открытий и изобретений мала; такова уж суть открытий и изобретений. И если плановая экономика, гуманные диктатуры, идеальные модели общества и прочие утопические затеи не удалась, то мы должны помнить, что неплановые, недиктаторские и неидеальные общества тоже терпели крах. Неудача не всегда является ошибкой; она может быть просто пределом улучшения, который можно достичь в данных обстоятельствах. Действительная ошибка - это прекращение таких

попыток. Возможно, мы не можем в настоящее время успешно сконструировать культуру целиком, но мы можем конструировать улучшение обычаев и норм по частям. Поведенческие процессы в реальном мире такие же, как и в утопических общинах, и нормы действуют в них одним и тем же образом по тем же самым причинам.

Те же преимущества можно получить, если руководствоваться факторами подкрепления, а не состояниями ума или чувствами. Например, бесспорно серьезная проблема состоит в том, что учащиеся больше не реагируют традиционным образом на ситсему образования; они прогуливают школу, даже порой длительное время, они приходят только на те предметы, которые им нравятся, или на те, которые, как им кажется, помогут им решить их проблемы; они ломают школьное имущество и нападают на учителей и администраторов. Но мы не решим эту проблему "культивируя в обществе уважение, которое оно теперь утратило к образованию как таковому и к профессии ученого и педагога." (Культивирование уважения - это метафора из области садоводства.) Неправильна сама атмосфера, царящая в системе образования. Мы должны разработать факторы подкрепления, из-за которых учащиеся выработают шаблоны поведения, полезные для них и для общества - факторы, которые не имеют отрицательных побочных эффектов и которые вырабатывают поведение, о котором говорят, что оно "свидетельствует об уважении к образованию." Нетрудно понять, что именно неправильно в большинстве образовательных учреждений, и многое уже было сделано для того, чтобы разработать учебные материалы, которые делают процесс обучения как можно проще, и сконструировать факторы подкрепления в классной комнате и в других местах, которые дают учащимся мощные стимулы для получения образования.

Другая серьезная проблема возникает, когда молодые люди отказываются служить в вооруженных силах и дезертируют или бегут в другие страны; но нам не удастся это существенно изменить "внушая им больше лояльности и патриотизма". Надо изменить факторы подкрепления, которые побуждают молодежь вести себя данным образом по отношению к своему правительству. Правительственные санкции остаются почти исключительно карательными, и их отрицательные побочные эффекты четко выражены интенсивностью внутренних беспорядков и международных протестов. Серьезная проблема состоит в том, что мы почти непрерывно находимся в состоянии войны с другими народами, но мы не далеко уйдем, обвиняя "напряженность, которая приводит к войне", или потакая духу милитаризма, или "изменяя умы людей" (в которых, как поучает ЮНЕСКО, якобы зарождаются войны). Изменять надо те факторы, под действием которых люди и народы начинают войны.

Другой причиной для беспокойства может быть то, что многие молодые люди стараются работать как можно меньше, или что рабочие трудятся малопродуктивно и часты прогулы, или что товары часто плохого качества, но мы мало чего добьемся, пытаясь внушить им "чувство профессиональной гордости или гордости результатами своей работы", или "чувство собственного достоинства как рабочего", или (там, где профессионализм является компонентом кастовых предрассудков) изменяя "глубинную эмоциональную основу кастового Супер-эго", как выразился некий автор. На самом-то деле что-то неладно с факторами подкрепления, которые побуждают людей работать усердно и прилежно. (Другие виды экономических факторов подкрепления тоже не в порядке.)

Уолтер Липпман как-то сказал, что "важнейшей проблемой человечества" является то, как люди смогут спасти себя от катастрофы, которая им угрожает, но чтобы решить её, мы должны сделать

больше, чем просто выяснить то, как люди смогут "найти в себе волю и способность спасти себя." Мы должны выяснить те факторы подкрепления, которые побуждают люди действовать для того, чтобы увеличить шансы на выживание их культуры и общества. Мы имеем физические, биологические и поведенческие технологии, нужные для того, "чтобы спасти себя"; а проблема-то состоит в том, чтобы побудить людей их использовать. Возможно, что "утопию достаточно только пожелать," но что это значит? Каковы основные характеристики культуры и общества, которые выживут потому, что побуждают народ на усилия для их выживания?

Применение науки о поведении для конструирования культуры является амбициозным проектом, и часто считается утопическим в уничижительном смысле, поэтому стоит рассмотреть причины такого скептицизма. Например, часто утверждают, что существуют фундаментальные различия между реальным миром и лабораторией, в которой анализируют поведение. Мол, обстановка опыта - искусственная, а в реальном мире всё естественно; условия опыта простые, а мир - сложен; и поэтому, мол, если процессам, наблюдаемым в лаборатории, присущ порядок и закономерности, то поведение в других ситуациях в принципе запутанно и сложно. Это, конечно, реальные различия, но такое положение изменяется по мере развития науки о поведении, и их не следует преувеличивать даже сейчас.

Разница между искусственными и естественными условиями не принципиальна. Для голубя может быть естественным ворошить листья и находить кусочки корма под некоторыми из них, в том смысле, что тогда факторы подкрепления являются стандартным компонентом среды, в которой эволюционировали голуби. А факторы подкрепления, при которых голубь клюет освещенный диск на стенке, и в кормушке-дозаторе под этим диском появляется корм, являются явно искусственными. Но несмотря на то, что запрограммированное оборудование в лаборатории искусственно, а лежащие на земле листья и семена под ними - явление природы, схемы, по которым такое поведение голубя получает подкрепление, можно сделать одинаковыми. Эта естественная ситуация является тем, что в лабораторных опытах называется схемой подкрепления с варьирующим соотношением, и у нас нет никаких оснований сомневаться в том, что обе эти ситуации формируют поведение одинаковым образом. Когда воздействие этой схемы изучается с помощью программирующего оборудования, мы начинаем понимать закономерности поведения, наблюдаемого в природе, и по мере того, как все более и более сложные факторы подкрепления исследуются в лаборатории, всё более и более ясным становится роль факторов подкрепления в природе.

То же самое верно и в отношении упрощения. Любая экспериментальная наука упрощает (стандартизует) условия, в которых она ведёт работу, особенно на ранних стадиях исследований. Анализ поведения, естественно, начинается с простого поведения простых организмов в простых условиях. Если обнаруживается достоверная закономерность, то условия опыта можно усложнить. Мы продвигаемся вперед не быстрее, чем это позволяют наши успехи, и прогресс исследований часто кажется недостаточно быстрым. Но поведение - это обескураживающая область исследований, потому что мы пребываем в очень тесном контакте с ним. Счастье ранних физиков, химиков и биологов состояло в своего рода естественной защищенности от сложных проблем в их областях исследования; они не сталкивались с огромной массой запутанных фактов. Они могли выбрать пару объектов для исследования и игнорировать всю остальную природу как не имеющую отношения к делу или явно находящуюся вне досягаемости. Если бы Гильберт, Фарадей или Максвелл имели хотя бы поверхностное видение того, что сейчас известно об электричестве, у них было бы гораздо больше проблем с нахождением

исходных позиций и с формулировкой принципов, которые не показались бы им "упрощенными". К счастью для них, многое из того, что в настоящее время известно в их областях исследований, стало известно лишь в результате дальнейших исследований их практического применения в технологии, и этим не пришлось заниматься до тех пор, пока принципы не были достаточно хорошо разработаны. Ученый, изучающий поведение, не имеет такого счастья. Он слишком хорошо осознаёт своё собственное поведение, как часть предмета исследований. Слабые ощущения, каверзы памяти, парадоксы снов, откровенно интуитивные решения проблем - всё это и многие другие феномены человеческого поведения настойчиво требуют внимания. В этой ситуации гораздо труднее найти исходные позиции и сформулировать принципы, которые не кажутся слишком упрощенными.

Несомненно, что интерпретация сложного мира человеческих отношений в рамках экспериментального анализа часто бывает упрощенной. Бывает, что результаты преувеличивают, а ограничения пренебрегают. Но действительно громадным упрощением являются традиционные чары состояний сознания, чувств и других атрибутов автономной личности, на смену которым пришел анализ поведения. Лёгкость, с которой без особых колебаний выдумываются менталистские объяснения, является, пожалуй, самым лучшим свидетельством того, что на них не надо обращать внимания. То же самое можно сказать и о традиционных методах (интроспективной психологии). Технологию, которая порождена экспериментальным анализом, следует оценивать только в сравнении с тем, что делается другими методами. Что, в конце концов, мы можем предъявить по сравнению с ненаучным или донаучным мышлением, или здравым смыслом, или озарениями, полученными на личном опыте? Выбор тут между наукой и пустозвонством, и единственное решение проблемы упрощений - это учиться иметь дело со сложностями.

Наука о поведении еще не готова решить все наши проблемы, но это наука в прогрессивном развитии, и о её итоговой адекватности судить ещё рано. Когда критики утверждают, что она не может объяснить тот или иной аспект поведения человека, то они, как правило, намекают, что она никогда не будет в состоянии сделать это, однако анализ поведения продолжает развиваться и на самом деле продвинулся гораздо дальше, чем обычно считаю критики.

Не столь важно знать, как решить проблему, сколь важно знать, как искать её решение. Ученые, которые обратились к президенту Рузвельту с предложением построить бомбу настолько мощную, что она сможет закончить Вторую мировую войну в течение нескольких дней, не могли сказать, что они знают, как сделать её. Все, что они могли сказать, то это то, что они знают, каким образом это выяснить. Проблемы поведения, которые предстоит решить в современном мире, несомненно, сложнее, чем практическое использование расщепления атомных ядер, и фундаментальная наука всё ещё не столь далеко продвинулась, но мы знаем, где начать искать эти решения.

Предложение сконструировать культуру (общественные отношения) с помощью научного анализа часто вызывает зловещие пророчества катастрофы. Мол, общественные отношения не будут действовать так, как планировалось, и непредвиденные последствия могут быть катастрофическими. Доказательства этому приводят редко, возможно потому, что кажется, что история свидетельствует в пользу неудачи: многие планы кончились неудачей, дескать лишь только потому, что их планировали. Угроза конструирования общественных отношений, как заявил г-н Кратч (Krutch), в том, что нечто незапланированное "никогда уже не сможет озарить

нас снова." Однако трудно оправдать надежду, которую возлагают на случайность. Это правда, что почти все достижения человечества по сегодняшний день являются плодом счастливых случайностей, и они несомненно, будут и далее вносить свой вклад в достижения человечества, но случайность как таковая вовсе не является добродетелью. Ведь и то, что не планируют, тоже терпит крах. Идиосинкразии властолюбивого правителя, который считает любой беспорядок преступлением, могут иметь по случайности ценность для выживания государства, если соблюдаются закон и порядок, но военные затеи вождя-параноика, имеющие то же происхождение, могут иметь совершенно противоположный эффект. Промышленность, которая развивается в необузданной погоне за потребительским счастьем, может иметь по случайности ценность для выживания, если вдруг понадобится военная техника, но она также может исчерпать природные ресурсы и отравить окружающую среду.

Если планируемая культура будет обязательно означать однообразие и регламентацию, то она на самом деле может усердствовать в этом, препятствуя своему собственному дальнейшему прогрессу. Если бы люди были очень стандартными, они имели бы меньше шансов обнаружить или разработать что-то новое, и культура, которая стремится оболванить людей на один манер, может погрязнуть в стандартных шаблонах, от которых уже не высвободишься. Так можно сконструировать никуда не годную культуру, но в поисках разнообразия мы не должны полагаться на случайности. Многим возникшим случайно культурам тоже свойственны однообразие и регламентация. Потребности администрирования в правительственных, религиозных и экономических системах порождают однородность, потому что это упрощает задачу управления. В традиционных образовательных учреждениях регламентируется то, что именно и в каком возрасте учащиеся должны учить, и какие экзамены сдавать, чтобы гарантировать то, чтобы требуемое от них было выполнено. Законы государств и религий, как правило, чётко сформулированы и допускают очень мало отклонений или изменений. Так что единственная надежда - это *планируемое разнообразие*, которое признаёт ценность разнообразия. Селекция растений и животных приводит к их однообразию, когда требуется однородность сорта или породы (что упрощает растениеводство и животноводство), но и в ней необходимо планируемое разнообразие.

Планирование не препятствует появлению счастливых случайностей. Много тысяч лет люди использовали волокна (например: хлопок, шерсть и шелк) из источников, которые были случайными в том смысле, что они были продуктами факторов выживания в эволюции, не имеющих тесной связи с теми факторами, которые сделали их полезными для людей. С другой стороны, синтетические волокна - явный результат технологических разработок, при которых учитывалась их полезность. Но производство синтетических волокон не делает менее вероятным эволюционное возникновение чего-то нового вроде хлопка, шерсти или шелка. Неожиданные явления случаются и дальше, и этому даже способствуют те, кто исследует новые возможности. Можно сказать, что наука увеличивает число неожиданных открытий. Физик в исследованиях не ограничивается температурами, которые случайно наблюдаются в обыденном мире, а ведет опыты при последовательном ряде значений температуры в очень широком диапазоне. Ученый, изучающий поведение, не ограничивается схемами подкрепления, которые наблюдаются в природе, а конструирует большое разнообразие этих схем, некоторые из которых, возможно, никогда не возникнут по случайности. В случайном характере неожиданных явлений нет ничего положительного. Культура эволюционирует, когда новые шаблоны поведения возникают и подвергаются отбору, и нам ни к чему ждать, чтобы они появились только в результате случайности.

Другой вид возражений против конструирования новой культуры можно сформулировать так: "Мне такое не понравится", или в переводе: "Такая культура будет отвратительной и не будет давать мне подкрепления привычным для меня образом." Слово "реформа" плохо пахнет, потому что его обычно ассоциируют с уничтожением подкреплений. "Религиозные реформаторы - пуритане - уничтожили все народные забавы и заставили забыть о детских игрушках"... однако на самом деле конструирование новой культуры обязательно представляет собой некую реформу, а это почти всегда означает замену одних подкреплений на другие. Например, когда устраняют угрозу, то устраняют и щекочущие нервы ощущения при бегстве; в оптимальном мире никто не будет "срывать цветки безопасности ... в зарослях крапивы - опасностей." Ценность отдыха, развлечений и досуга как подкрепления обязательно уменьшается по мере того, как уменьшается тяжесть труда. Мир, в котором нет необходимости моральной борьбы, не будет давать подкрепления от её успешного исхода. Ни один верующий не сможет испытать то облегчение, которое испытал кардинал Ньюмен, избавившись от "бремени жуткой тревоги." Искусство и литература более не будут основаны на таких факторах подкрепления. У нас не только не будет никаких оснований для того, чтобы восхищаться людьми, стойко переносящими страдания, бросающими вызов опасности, или мучающимися в стремлении стать лучше, но и вполне возможно, что мы будем мало интересоваться даже фильмами или книгами о них. Искусство и литература новой культуры будут посвящены другим темам.

Это - потрясающие изменения, и их, естественно, надо тщательно взвесить. Проблема заключается в том, чтобы сконструировать мир, который будет дорог не людям, живущим сейчас, а тем, кто будет жить в нем. "Мне такое не понравится" - это жалоба индивидуалиста, который навязывает свою собственную восприимчивость к подкреплению в качестве универсальной ценности. Мир, который будет нравиться нынешним людям, просто увековечит существующее положение. Он будет им нравиться, потому что людей приучили его любить, причём по причинам, которые бывают безотчетными. Лучший мир будет нравиться тем, кто будет в нем жить, потому что он будет сконструирован с учетом того, что даёт или может давать максимум подкрепления.

Полный разрыв с прошлым невозможен. Создатель новой культуры всегда будет ограничен рамками своей собственной культуры, так как не сможет освободиться полностью от предрассудков, которые были привиты социальной средой, в которой он жил. В какой-то мере он неизбежно спроектирует мир, который нравится *ему самому*. Более того, новая культура должна понравиться тем, кто станет в ней новосёлом, а они неизбежно являются продуктами старой культуры. Однако в рамках этих практических ограничений надо иметь возможность свести к минимуму влияние случайных особенностей доминирующих в мире культур и обратиться к самому источнику вещей, которые люди называют благами. Их первоисточник можно найти в эволюции человеческого рода и эволюции культуры.

Иногда говорят, что научное конструирование культуры невозможно, потому что человек просто не смирится с тем фактом, что им можно управлять. Как написано у Достоевского:

"Даже если смогут доказать, что поведение человека полностью детерминировано, человек всё равно вытворит что-то из-за своей извращенности, он наделает разрушений и хаоса просто для того, чтобы настоять на своём ... А если все это в свою очередь смогут проанализировать и предотвратить предсказанием того, что всё произойдет именно так, то человек нарочно сойдет с ума, чтобы доказать свою правоту".

Тут подразумевается, что он тогда бы вышел из-под контроля, как будто бы безумие - это особый вид свободы или будто бы поведение психопата невозможно предвидеть или держать под контролем.

В некотором смысле Достоевский может быть и прав. Литература свободы может внушить фанатичную враждебность к управлению поведением, достаточную для того, чтобы вызвать невротические, а то и психопатические реакции. У тех, кто находится под сильным влиянием такой литературы, обнаруживаются явные симптомы эмоциональной неустойчивости. У нас нет лучшего свидетельства плачевного состояния психики традиционного либерала, чем та горечь, с которой он осуждает перспективы науки и технологии поведения и возможность их применения для целевого конструирования культуры. При этом он обычно занимается навешиванием клеветнических ярлыков. Артур Кестлер называл бихевиоризм "монументальной тривиальностью." По его словам, бихевиоризм представляет собой "избегание (постановки важнейших) вопросов в героических масштабах" и якобы вернул психологию в "современный аналог Мрачного Средневековья." Бихевиористы якобы используют "жаргон педантов," а подкрепление - это якобы "слово-уродец." Оборудование оперантной лаборатории - это якобы "бутафория". Питер Гэй, чьи исследования о восемнадцатом веке как веке Просвещения должны были бы подготовить его к пониманию современного интереса к конструированию культуры, разглагольствовал о "врожденной наивности, интеллектуальном банкротстве, и полусознанной жестокости бихевиоризма."

Ещё один симптом - это избирательная слепота к нынешнему состоянию науки. Кестлер заявлял, что "самым впечатляющим экспериментом по 'прогнозированию и управлению поведением' является дрессировка голубей при помощи оперантного кондиционирования, чтобы они высокомерно маршировали с неестественно высоко задранной головой." Он пересказывает "теории научения" следующим образом: "В соответствии с бихевиористской доктриной, любое научение происходит методом "промахов и попаданий", или методом проб и ошибок. Правильная реакция на конкретный стимул отгадывается случайно, методом "тыка" и получает вознаграждение, или, на ихнем жаргоне, эффект подкрепления; если подкрепление сильно или повторяется достаточно часто, то эта реакция 'запечатлена' и будет сформирована связь Стимул-Реакция." Эти воззрения устарели уже примерно семьдесят лет назад.

Другие общераспространенные искажения - это утверждения, что научный анализ рассматривает любое поведение как реакции на стимулы, или что якобы "вся суть в условных рефлексах," что он якобы полностью отрицает вклад генетической наследственности в поведение, и что он якобы игнорирует сознание. (Мы увидим в следующей главе, что как раз бихевиористы начали энергичную дискуссию о природе того, что называется сознанием, и пользовании им.) Заявления такого рода обычно появляются в гуманитарных науках, в среде, некогда уважаемой за её ученость, однако историкам будущего будет очень трудно реконструировать современную науку и технологию поведения на основании того, что написано о ней критиками.

Ещё один распространенный приём - это винить бихевиоризм во всех наших бедах. Этот прием имеет давнюю историю; ещё римляне обвиняли христиан, а христиане - римлян, как причину землетрясений и эпидемий. Пожалуй, никто не зашел в обвинении научных представлений о человеке как источнике серьезных проблем, стоящих перед нами сегодня, дальше анонимного автора в лондонском Times Literary Supplement (Литературном приложении к газете Таймс):

"Во второй половине (двадцатого) века наши различные властители дум *кондиционировали* нас (само это слово - продукт бихевиоризма) судить о мире в количественных и скрытно-детерминистских терминах. Как философы, так и психологи подорвали все наши старые тезисы о свободе воли и нравственной ответственности. Нас приучили верить, что единственная реальность состоит в физических законах материальных вещей. Мы не действуем по собственной воле; мы реагируем на череду внешних раздражителей. И только в последние годы мы начали видеть, куда завели нас эти воззрения на мир: к зловещим событиям в Далласе и Лос-Анджелесе ..."

Иными словами, он возлагает ответственность за убийства Джона и Роберта Кеннеди на научный анализ человеческого поведения. Столь грандиозная нелепость, похоже, подтверждает предсказания Достоевского. Но политические убийства имеют слишком давнюю историю для того, чтобы быть делом рук науки о поведении. Если какую теорию и можно обвинить в этом, то только универсальную теорию о свободной и добродетельной автономной личности.

Есть, конечно, весомые причины того, почему управление человеческим поведением вызывает сопротивление. Наиболее распространенный способ управления - карающая власть, и в ответ на неё естественно ожидать сопротивления. Подвластный может убежать из пределов досягаемости (а власть будет стараться удержать его в них), или он может сам напасть на неё, и такие события стали важными этапами в развитии культур. В результате народ выдвинул принцип, что нельзя применять насилие и наказывать тех, кто борется против него, применяя все доступные средства. Тогда государства кодифицировали этот принцип и объявили применение насилия противозаконным, а религии объявили его греховным, и совместно сконструировали факторы подкрепления, чтобы подавлять его. И когда они теперь прибегают к методам управления, которые сами не являются карающими, но имеют отсроченные негативные последствия, то появляются добавочные принципы. Например, народ объявил несправедливым управление путем обмана, а в ответ на это последовали государственные и религиозные санкции.

Мы уже видели, что литература свободы и чести расширила эти меры противодействия в попытке подавить все приёмы управления, даже если они не имеют карающих последствий или отсроченных факторов негативного подкрепления. Конструктор культуры подвергается нападкам, так как конструирование явно предполагает управление поведением (даже если управление осуществляет лишь конструктор). Эта проблема часто формулируется как вопрос: "А кто может управлять?" И вопросом, как правило, инсинуируется то, будто бы ответ обязательно будет угрожающим. Но для предотвращения злоупотребления управленческой властью мы должны заострить внимание не на самом управляющем, а на факторах подкрепления, под действием которых он осуществляет управление.

Людей вводят в заблуждение различия в очевидности мер управления. Египетский раб, добывавший в карьере камень для пирамиды, работал под надзором солдата с кнутом, которому за применение кнута платил казначей, которому в свою очередь платил фараон, который был убежден в необходимости иметь такую несокрушимую гробницу жрецами, которые твердили ему это с целью сохранения своих религиозных привилегий и власти, которую они от этого получили, и так далее. Кнут - более очевидный инструмент управления, чем заработная плата, а заработная плата более очевидна, чем религиозные привилегии, и эти привилегии более очевидны, чем перспектива вечной загробной жизни. Тут есть соответствующие различия в

результатах. Раб убежит, если сможет, солдат дезертирует, а казначей подаст в отставку, если экономические факторы подкрепления будут слишком слабы, а фараон может прогнать жрецов и основать новую религию, если они чрезмерно разоряли его казну, а жрецы - переметнуться на сторону соперника, претендующего на трон. Мы склонны выделять очевидные примеры управления, потому нам кажется, что в их недвусмысленности и четкости результатов есть нечто иницилирующее деятельность, но громадная ошибка - игнорировать малоочевидные формы управления.

Отношения между управляющим и управляемым взаимны. Ученый в лаборатории, изучая поведение голубя, конструирует факторы подкрепления и наблюдает их действие. Его опытная установка осуществляет очевидное управление поведением голубя, но мы не должны упускать из виду управления, осуществляемого голубем. Поведение голубя определило конструкцию установки и схемы опытов, в которых она используется. Такое взаимное управление в некоторой мере свойственно всем наукам. По выражению Фрэнсиса Бэкона, для того, чтобы управлять природой, надо ей повиноваться. Действиями ученого, конструирующего циклотрон, управляют свойства элементарных частиц, которые он исследует. Поведение, с помощью которого родитель управляет своим ребенком, будь то карами или положительным подкреплением, формируется и поддерживается ответными действиями ребенка. Психотерапевт изменяет поведение своего пациента способами, которые были сформированы и поддерживаются его успехами в изменении (невротического) поведения. Правительство или религия объявляет и налагает санкции, которые проходят отбор на их эффективность в деле подчинения гражданина или верующего. Капиталист побуждает своих рабочих на высокопродуктивную и качественную работу при помощи схем подкрепления заработной платой, выбранных по их воздействию на поведение рабочих. Поведение учителя в классе формируется и поддерживается соответственно эффективности воздействия на поведение учеников. В самом прямом смысле слова раб управляет поведением надсмотрщика, ребенок - поведением родителей, пациент - поведением врача, гражданин - поведением правительства, верующий - поведением священника, рабочий - поведением капиталиста, а ученик - поведением учителя.

Это правда, что физик конструирует циклотрон *для того, чтобы* управлять "поведением" элементарных частиц; но частицы не "ведут себя" определенным образом для того, чтобы физик сделал циклотрон. Надсмотрщик использует кнут *для того, чтобы* заставить раба трудиться; но раб не трудится для того, чтобы надсмотрщик стегал его кнутом. Намерение или цель, выражаемые фразой "для того, чтобы", реальны лишь постольку, поскольку их последствия эффективны для изменения поведения, и только соответственно этому их следует учитывать в качестве объяснения этого изменения. На элементарные частицы не действуют последствия их действий, и нет никаких оснований говорить о их намерениях или целях, но на раба могут повлиять последствия его действий. Такое взаимное управление не обязательно преднамеренно в обоих направлениях, но становится таковым, когда начинается действие его последствий. Мать берёт на руки ребенка, чтобы побудить его перестать плакать, и она может привыкнуть делать так, прежде чем ребенок научится плакать именно для того, чтобы она взяла его на руки. Какое-то время только поведение матери является целенаправленным, но и поведение ребенка тоже может стать таковым.

Классический пример управления на благо управляемых - это диктатор-благодетель, но это явление не надо пытаться объяснять, говоря, что диктатор творит добро, потому что он гуманен или потому, что он имеет гуманные чувства, и мы, естественно, не доверяем ему до тех пор,

пока мы не обнаружим факторы подкрепления, которые являются причиной его гуманного поведения. Чувства человеколюбия или сострадания могут сопутствовать такому поведению, но они могут возникнуть благодаря побочным обстоятельствам, не влияющим на его поведение. Поэтому они не могут быть гарантией того, что правитель будет обязательно управлять хорошо по отношению как к себе, так и другим, только потому, что он чувствует сострадание. Рассказывают, что Рамакришна, прогуливаясь с богатым другом-помещиком, был поражен нищетой крестьян. Он громко воззвал к своему другу: "Дайте этим людям по куску ткани, накормите их обедом и дайте им немного масла смазать голову." Когда его друг сперва отказался, Рамакришна заплакал. "Вы ничтожество," воскликнул он, "... я останусь с этими людьми. У них нет никого, кто бы позаботился о них. Я их не оставлю." Заметим, что Рамакришна был обеспокоен не духовным обликом крестьян, а одеждой, едой, и защитой от солнца. Но его чувства не были связаны с эффективной деятельностью; несмотря на всю свою святость, он не мог им предложить ничего, кроме сострадания. Хоть культуру (общественные отношения) улучшают люди, чьи мудрость и сострадание могут служить указанием на то, что они делают или хотят делать, причиной действительного улучшения является окружающая социальная среда, которая сделала их мудрыми и сострадательными.

Громадная проблема состоит в том, как создать эффективную обратную связь и следовательно, поставить поведение управляющего в зависимость от целого ряда его важных последствий. Некоторые классические примеры отсутствия равновесия между управлением и обратной связью возникают тогда, когда управление перепоручают и обратная связь перестаёт действовать. Для психиатрических больниц и домов для детей-сирот, умственно отсталых и стариков характерна слабость обратной связи, потому что те, на кого возложена забота о благополучии таких людей, часто не знают, что с ними происходит на самом деле. В тюрьмах возможности для обратной связи минимальны, о чем свидетельствуют наиболее распространенные (репрессивные) меры управления заключенными. Управление лишается обратной связи тогда, когда управление осуществляют (иерархически) организованные учреждения. Неформальные факторы подкрепления способны на быструю адаптацию к изменениям их эффективности, но факторы подкрепления, которые организации дают специалистам (как инструменты управления) могут быть нечувствительны к множеству последствий. Например, те, кто финансирует образование, могут утратить понимание того, что преподается и при помощи каких методов. На учителя действует обратная связь только со стороны учеников. В результате порядки в школе могут стать полностью авторитарными или полностью анархическими, и преподаваемый материал может безнадежно устареть, не завися от изменений окружающего мира, или стать тривиальным от ориентировки на пожелания учеников. В юриспруденции существует аналогичная проблема, когда по-прежнему подлежат исполнению законы, которые больше не соответствуют нуждам общества. Правила никогда не генерируют поведение, в точности соответствующее тем факторам подкрепления, (абстрактным) обобщением которых они являются, и их неадекватность становится всё хуже и хуже по мере того, как факторы подкрепления изменяются, а правила остаются неизменными. Аналогично, цены, устанавливаемые в сфере экономики на товары, могут утратить связь с действием товара как положительного подкрепителя, по мере того, как оно изменяется. Короче говоря, бюрократические учреждения, которые нечувствительны к последствиям своей деятельности, не испытывают действия насущно необходимых механизмов обратной связи.

Часто кажется, что самоуправление может решить проблему идентификации управляющих с управляемыми. Принцип: сделать управляющего членом (социальной) группы, которой он

управляет, нужно применять в отношении тех, кто конструирует культуру. Человек, который конструирует инструмент для своего собственного использования, вероятно, учитывает интересы любого пользователя инструментом, а человек, который конструирует социальные отношения, в которых ему придётся жить, вероятно, поступит точно так же. Он выберет блага или ценности, которые важны для него и сконструирует факторы подкрепления такого рода, к которому он сам может приспособиться. При демократии место управляющего - среди управляемых, хотя его поведение в этих двух ролях различно. Мы увидим позже, что есть определенный смысл в самоконтроле культуры, подобно самоконтролю человека, но этот процесс требует тщательного анализа.

Целенаправленное конструирование культуры, основанное на управлении поведением, порой называют неэтичным и аморальным. Этика и мораль считают своей особой задачей приводить в действие отсроченные последствия поведения. Ведь существует мораль естественных последствий. Как удержать человека от обжорства лакомствами, если ему от этого позже станет плохо? Или как побудить его выносить боль или усталость, если он только так сможет добраться до безопасного места? Общественные факторы подкрепления намного чаще (чем личностные) связаны с вопросами морали и этики. (Как мы уже отмечали, эти термины относятся к нормам и обычаям социальных групп.) Каким образом человек удерживается от воровства вещей, принадлежащих другим, чтобы избежать наказания, которое может стать последствием воровства? Или каким образом он подвергает себя мукам или изнеможению, чтобы заслужить одобрение окружающих?

Практический вопрос, который мы уже рассматривали, состоит в том, как можно сделать эффективными отсроченные последствия. Без помощи окружающих человек усваивает весьма мало моральных и этических норм поведения под действием лишь природных или социальных факторов подкрепления. А социальная группа даёт ему вспомогательные факторы подкрепления в виде описания своих обычаев и норм, которые указывают человеку, как вести себя, и ещё обеспечивает соблюдение им правил поведения с помощью дополнительных факторов подкрепления. Изречения, пословицы и другие формы народной мудрости дают людям основания подчиняться этим правилам. Государства и религии тоже формулируют факторы подкрепления, которые они проводят в жизнь весьма откровенно, а система образования воспитывает правила, которые дают учащимся возможность вести себя соответственно природным и социальным факторам подкрепления без их непосредственного воздействия.

Всё это является компонентами социальной среды, называемой культура, и основное её воздействие, как мы видели, состоит в приведении поведения людей под управление его отсроченными последствиями. Это воздействие имеет ценность для выживания в процессе культурной эволюции, так как шаблоны поведения эволюционируют, потому что те, чьё поведение соответствует им, в результате живут лучше. Есть своего рода естественная мораль как в биологической, так и культурной эволюции. Биологическая эволюция сделала человеческий род более чувствительным к воздействиям окружающей среды и более умелым во взаимоотношениях с ней. Культурная эволюция стала возможной благодаря биологической эволюции, и поставила организм человека под гораздо более полное управление со стороны окружающей среды.

Мы говорим, что есть что-то "аморальное" в тоталитарном государстве, притоне азартных игр, нетарифной сделальной заработной плате, торговле наркотиками или злоупотреблении личным

влиянием, но не из-за каких-то абсолютных ценностей, а потому, что все эти явления имеют вредные последствия. Но эти последствия отсрочены, и поэтому наука, которая объясняет их взаимосвязь с поведением, находится в наилучшем положении для того, чтобы проложить путь в мир, улучшенный в этическом или моральном смысле. Поэтому вовсе не правда, что эмпирический ученый якобы должен утверждать, что не может существовать "какой-то научный подход к общечеловеческим и политическим ценностям и целям", или что мораль, справедливость и правопорядок "не имеют ничего общего с выживанием".

В научной работе тоже имеют силу особые ценности. Ученый работает под действием факторов подкрепления, при которых немедленное личное подкрепление минимально. Нет ни одного "чистого" ученого, в том смысле, что на него якобы не действует непосредственное подкрепление, а важную роль играют другие последствия его поведения. Если он планирует эксперимент определенным образом, или заканчивает эксперимент на определённой стадии, потому что тогда результат подтвердит теорию, носящую его имя, или будет иметь промышленное применение, от которого он получит прибыль, или из желания произвести впечатление на учреждения, финансирующие его исследования, то он позднее почти наверняка столкнется с проблемами. Опубликованные одним ученым результаты вскорости проверяют другие, и ученый, который позволит себе соблазниться последствиями, которые выходят за рамки его предмета исследований, вероятно, поставит себя в затруднительное положение. Но говорить, что ученые, следовательно, моральнее или этичнее других людей, или что у них более тонко развито понимание этики, было бы ошибкой, так как этим ученым приписывается то, что на самом деле является особенностью среды, в которой они работают.

Почти каждый делает этические и моральные суждения, но это не значит, что человеческий род имеет "врожденные потребность и стремление к этическим нормам." (Ведь можно также сказать, что он имеет врожденные потребность и стремление к неэтичному поведению, так как почти каждый по временам ведет себя неэтично.) Человек не эволюционировал как этическое или моральное животное. Эволюция привела его к этапу, на котором он создал этическую или нравственную культуру. Он отличается от других животных не обладанием моральных или этических чувств, а тем, что ему удалось создать моральную или этическую общественную среду.

Целевое конструирование культуры и связанное с этим управление поведением человека необходимы для того, чтобы человеческий род продолжал развиваться. Ни биологическая, ни культурная эволюция не дают гарантии того, что мы неизбежно движемся к лучшему окружающему миру. Дарвин закончил книгу "Происхождение видов" следующей знаменитой фразой: "Так как естественный отбор действует исключительно посредством и для блага каждого существа, вся физическая и психическая среда имеет тенденцию двигаться к совершенству." И Герберт Спенсер даже утверждал, что "итоговое развитие идеального человека логически несомненно" (хотя Медавар заметил, что Спенсер изменил свое мнение, когда термодинамика понятием энтропии предложила совсем иную картину "концовочки"). Теннисон разделял с современниками тогдашний эсхатологический оптимизм, указывая на то "уникальное далёкое от нас божественное событие, к которому движется все творение." Однако вымершие виды и угасшие культуры свидетельствуют о том, что выкидыши вполне возможны.

Ценность выживания изменяется с изменением условий. Например, большая восприимчивость к подкреплению определенными видами пищи, половыми сношениями и вредом, причиняемым

другим в результате агрессивности, была когда-то очень важна. Когда индивид проводил большую часть каждого дня в поисках пищи, было важно, чтобы он был способен быстро найти или словить её, но с появлением земледелия, животноводства и хранения запасов пищи преимущество от этого было утрачено, и способность получать положительное подкрепление от пищи в настоящее время ведет к перееданию и болезням. Когда голод и эпидемии часто резко сокращали численность населения, было важно, чтобы люди могли размножаться при каждом удобном случае, но с улучшением гигиены, медицины и сельского хозяйства, восприимчивость к подкреплению сексом теперь означает угрозу перенаселения. В то время, когда человеку приходилось защищать себя от хищников (в том числе других людей), было важно, чтобы любое проявление вреда, нанесенного хищнику, подкрепляло агрессивное поведение, но с развитием организованного общества восприимчивость к такому подкреплению стала менее важной, и теперь наоборот, может вредить полезным общественным отношениям. И одной из функций культуры является корректировка этих врожденных наклонностей посредством разработки методов управления поведением, и в частности самоконтроля, которые смягчают действие подкрепления.

Даже в стабильных условиях биологический вид может приобрести неадаптивные или даже антиадаптивные черты. Сам процесс оперантного кондиционирования даёт тому пример. Быстрота реакции на подкрепление должна была быть ценной для выживания, и многие виды достигли в этом ситуации, в которой уже одно подкрепление имеет существенное влияние на поведение. Но чем быстрее организм научается, тем более он уязвим к случайным подкреплениям. Случайное появление подкрепления подкрепляет любой акт поведения, на который оно наложилось, и который из-за этого попадает под управление сиюминутных стимулов. Мы называем его результат суеверным поведением. Насколько нам известно, любой вид, способный к кондиционированию уже несколькими подкреплениями, склонен к суеверности, и её последствия часто бывают катастрофическими. Культура исправляет этот дефект, вырабатывая статистические методы, которые компенсируют действие случайных факторов подкрепления и передают поведение под управление только тех последствий, которые с ним функционально связаны.

Поэтому нужно не меньше, а больше управления поведением, и это само по себе является технологической проблемой первостепенной важности. Благо культуры не может функционировать в качестве источника подлинного подкрепления для индивида, и подкрепления, придуманные культурой для того, чтобы побудить своих членов заботиться о её выживании, часто находятся в конфликте с личностными подкреплениями. Например количество людей, занятых разработкой новых автомобилей, значительно превышает число тех, кто занимается улучшением жизни в городских гетто. Дело не в том, что автомобиль более важен, чем образ жизни, а в том, что экономические факторы подкрепления, которые побуждают людей заниматься разработкой автомобилей, являются очень сильными. Они проистекают из личного подкрепления фабрикантов автомобилей. А для поощрения людей на проектирование экологически чистой стабильной культуры не существует подкреплений, сопоставимых по силе. Разумеется, именно поэтому технология автомобильной промышленности намного более развита, чем технология поведения. Эти факты лишь подчеркивают серьёзность угрозы, исходящей от литературы свободы и чести.

Чувствительным индикатором того, в какой мере культура заботится о своём собственном будущем, является её отношение к безделью. У некоторых есть достаточно власти и денег, чтобы

заставить или побудить других работать на них, так чтобы они сами могли бездельничать. Они праздны. Этим они похожи на тех, кто живет в особо благоприятном климате. А также на детей, умственно отсталых или психически больных и стариков, а также всех прочих зависящих от обслуживания другими людьми. Таковы члены богатых и иждивенческих классов. Все такие люди очевидно имеют возможность "делать, что им заблагорассудится", и именно такова естественная цель либералов. Праздность является для них воплощением свободы.

Наш вид подготовлен к коротким периодам отдыха; когда человек полностью сыт от обильного приёма пищи, или когда опасности удалось успешно избежать, то он отдыхает или спит, как и другие виды животных. Если это состояние сохраняется несколько дольше, они могут заняться различными играми - в тот момент, когда серьезное поведение будет иметь несерьёзные последствия. Но результат совсем другой, когда ему нечего делать в течение длительного времени. Лев в клетке зоопарка, в сытости и безопасности, ведёт себя не так, как сытый лев в природе. Как человек, попавший в тюрьму или психиатрическую больницу, он сталкивается с проблемой праздности в её худшем виде: ему нечего делать. Праздность- это состояние, к которому человеческий род плохо подготовлен, потому что до недавнего времени его имели лишь немногие - те кто внес лишь ничтожный вклад в генофонд вида. В наше время большое количество людей праздны в течение значительных периодов времени, но не было никаких шансов для эффективного отбора: ни соответствующего генетического наследия, ни соответствующей культуры.

Когда сильные подкрепления больше не являются эффективными, их место занимают менее значительные подкрепления. Подкрепление от секса уживается с богатством и иждивенчеством, потому что оно связано с выживанием вида, а не индивида, и получение подкрепления от секса не перепоручают кому-то другому. Следовательно, сексуальное поведение занимает видное место у бездельников. Подкрепления, которые остаются эффективными, могут быть изобретены или найдены - как например, лакомства, которые продолжают давать подкрепление даже в отсутствие голода, и такие наркотики, как алкоголь, гашиш или героин, которые дают подкрепление, причиняя вред, или массаж. Любое слабое подкрепление становится сильным, когда выдаётся по соответствующей схеме, и подкрепление по схеме с варьирующим соотношением, которую можно обнаружить во всех видах азартных игр, становится диктатором праздного существования. Эта же схема объясняет пристрастие к охоте, рыболовству или коллекционированию, где то, что именно поймано или собрано, не имеет большого значения. В играх и спорте факторы подкрепления выдумываются особенно изощренно, чтобы сделать тривиальные события чрезвычайно важными. Праздные люди также становятся зрителями, наблюдая серьезное поведение других, как это было в древнеримском цирке или на современном футбольном матче, в театре или кино. Или они слушают или читают сообщения о серьезном поведении других людей, например, слушая сплетни или читая беллетристику. Лишь ничтожная часть этого поведения способствует выживанию личности или выживанию культуры.

Праздность или досуг издавна ассоциируется с деятельностью в искусстве, литературе и науке. Чтобы заниматься ими, надо иметь массу свободного времени, и только сравнительно богатое общество может материально поддерживать их в широком масштабе. Но сам по себе досуг не обязательно порождает искусство, литературу или науки. Необходимы особые культурные условия. Те, кому дорого выживание их культуры, должны поэтому внимательно изучать факторы подкрепления, которые остаются после того, как ослабевают действие факторов подкрепления, насытно необходимых в повседневной жизни .

Часто говорят, что богатое общество может позволить себе бездельничать, но мы не можем быть в этом уверены. Для тех, кто тяжело трудится, очень легко спутать состояние праздности с подкреплением, отчасти потому, что часто оно сопутствует подкреплению, и счастье, как и свобода, издавна ассоциируется с возможностью поступать как заблагорассудится; тем не менее, реальное воздействие праздности на поведение людей может угрожать выживанию культуры. Огромный потенциал тех, кому нечего делать, нельзя упускать из поля зрения. Он может быть продуктивным или разрушительным, охранительным или всепожирающим. А сами они могут или достичь пределов своих возможностей или превратиться в автоматы. Они могут поддерживать культуру, если они получают от нее сильное подкрепление, или дезертировать из неё, если жизнь будет им скучна. Они могут быть, а могут и не быть готовы эффективно действовать, когда досугу придёт конец.

Праздность является одной из самых больших проблем для тех, кто озабочен выживанием культуры, потому что любая попытка управлять поведением человека тогда, когда ему нечего делать, имеет особо большие шансы быть встреченной враждебно, как недопустимое вмешательство в личную жизнь. Жизнь, свобода и стремление к счастью являются основными правами. Они к тому же - права человека, и были сформулированы как таковые в то время, когда литература свободы и чести стремилась возвеличить личность. Но они имеют лишь незначительный вклад в выживание культуры.

Конструктор культуры - не возмутитель спокойствия и не посягает на чьи-то права. Он действует не для того, чтобы помешать естественным процессам, а сам является частью естественного процесса. Генетик, который изменяет характеристики вида путём селекции или генной инженерии, может казаться вмешивающимся в биологическую эволюцию, однако он делает это потому, что наш вид в эволюции дошел до точки, в которой он способен развивать науку генетики и культуру, которая побуждает своих членов заботиться о будущем своего вида.

Те, кого их культура побудила содействовать её выживанию при помощи целенаправленного конструирования, должны признать тот факт, что они изменяют условия, в которых живут люди и, следовательно, занимаются управлением человеческим поведением. Однако хорошее правительство столь же занято управлением поведением людей, как и плохое, хорошие условия стимулирования труда - столь же, как и эксплуатация, хорошее преподавание - столь же, как и зубрёжка под страхом наказания.

Мы ничего не выиграем, используя более мягкие выражения. Если нам достаточно лишь "влияния" на людей, то мы недалеко уйдем от первоначального смысла этого слова: "воображаемая эфирная жидкость, якобы истекающая от звезд и влияющая на действия людей."

Борьба против методов управления, конечно, является формой обратной связи. Она может принести громадную пользу, если благодаря ей будут выбраны лучшие методы управления. Но литература свободы и чести сделала ошибку, предполагая, что надо подавлять управление поведением, а не исправлять его. И тогда нарушается взаимное управление, благодаря которому развивается культура. Отказ от осуществления доступного управления, потому что в каком-то смысле любое управление - это якобы зло, очевидно не даёт возникнуть важным формам обратной связи. Мы уже видели некоторые из последствий этого. Карательные методы, которые литература свободы и чести в противном случае помогла бы устранить, вместо этого получают распространение. А предпочтение методов, которые делают управление малозаметным или

позволяют его замаскировать, заставляя тех, кто в состоянии выставить против них конструктивную обратную связь, прибегать к слабым полумерам.

Это может оказаться смертельной мутацией культуры. Наша культура создала науку и технологию, необходимые для её спасения. Она имеет богатства, необходимые для эффективных действий. Она в значительной степени сохранила заботу о своем будущем. Но если она будет и далее считать свободу или честь, а не свое собственное выживание, своей главной ценностью, то вполне возможно, что какая-то другая культура сделает бóльший вклад в построение будущего. Защитник свободы и чести сможет тогда, подобно Сатане из поэмы Мильтона, и далее твердить, что у него есть "ум, который не изменят ни пространство, ни время" и самодовлеющая личность ("Что значит это "где", если я всё тот же?"), но он тем не менее окажется в Аду, не имея иного утешения, чем иллюзия того, что "по меньшей мере здесь мы на свободе".

Культура подобна экспериментальной установке, используемой для изучения поведения. Она представляет собой совершенно случайный набор факторов подкрепления - такова концепция, которую только недавно стали понимать. Технология поведения, которая зарождается, этически нейтральна, но когда она применяется для конструирования культуры, в качестве ценности фигурирует выживание культуры. Те, кто убежден в необходимости работать на благо своей культуры, должны предвидеть некоторые из проблем, которые надо будет решить, но многие современные черты культуры имеют очевидную взаимосвязь с её выживанием как ценностью. Проекты культур, которые можно найти в утопической литературе, основаны на определенных упрощающих принципах. Они имеют то преимущество, что подчеркивают выживание как ценность: Будет ли жизнеспособна утопия? Реальный мир, конечно, гораздо сложнее, но процессы те же самые и приёмы (управления) функционируют по тем же причинам. Но прежде всего, есть то же самое преимущество формулировки целей в поведенческих терминах. Использование науки для конструирования культуры обычно вызывает протест. Утверждают, что наука для этого неадекватна, что её использование может иметь катастрофические последствия, что она не создаст культуру, привлекательную для представителей других культур, да и во всяком случае люди каким-то образом отвергнут управление их поведением. Злоупотребление технологией управления поведением является серьезной проблемой, но мы сможем защититься от этого лучше всего, рассматривая не предполагаемых манипуляторов, а те факторы подкрепления, которые управляют ими самими. Надо изучать не человеколюбие управляющего, а те факторы подкрепления, под действием которых он человеколюбиво управляет поведением других. Любое управление - с обратной связью, и взаимодействие между управлением и обратной связью имеет важное значение для эволюции культуры. Это взаимодействие нарушено литературой свободы и чести, которая хочет использовать обратную связь лишь для подавления, а не коррекции управляющего воздействия. Результат этого может оказаться роковым. Может оказаться, что несмотря на значительные преимущества, наша культура имеет фатальный порок. Тогда какая-то другая культура сможет сделать бóльший вклад в будущее.

Глава 9: Что это такое - человек?

По мере того, как наука о поведении принимает на вооружение (естественнонаучную) стратегию - подобно физики и биологии, то (фиктивное) самостоятельное действующее начало, которое традиционно считается причиной поведения, заменяется действием окружающего мира, в котором эволюционируют биологические виды, и которым формируется и поддерживается поведение индивидов. Злоключения концепции экологизма - "действия окружающей среды" демонстрируют препятствия этому изменению. То, что поведение человека как-то обусловлено его предшествующим жизненным опытом, и что среда - это более перспективное направление наступления, чем сам человек, было признано уже давно. По наблюдению Крэна Бринтона, "программа изменения материального мира, а не только перевоспитания людей" занимала значительное место в английской, французской и русской революциях. По мнению Тревельяна, именно Роберт Оуэн был первым, кто "ясно понял и учил, что окружающая среда формирует характер, и что человек манипулирует окружающей средой", или как писал Гилберт Селдес, "человек - это творение обстоятельств, и если вы поменяете окружающую среду для тридцати детей готтентотов и тридцати отпрысков английских аристократов, то во всех практических аспектах аристократы станут готтентотами, а готтентоты - маленькими консерваторами".

Свидетельства в пользу даже грубого экологизма достаточно очевидны. Люди чрезвычайно разнообразны в разных средах обитания, возможно, именно из-за особенностей среды обитания. Кочевник верхом на лошади в Монголии и космонавт в космическом пространстве разные люди, но, насколько нам известно, если бы они их подменили при рождении, то они бы просто поменялись местами. (Выражение "меняться местами" показывает, как тесно мы отождествляем поведение человека с окружающей средой, в которой оно происходит.) Но мы должны узнать гораздо больше, прежде чем этот факт станет практически полезным. Какова окружающая среда, которая формирует готтентотов? И что необходимо будет изменить, чтобы получить вместо него английского консерватора?

В качестве иллюстрации как энтузиазма сторонников экологизма так и их, как правило, бесславного поражения приводят утопический эксперимент Оуэна в Нью-Хармони (США). Долгая история реформ среды обитания - в образовании, пенологии (тюремном деле), промышленности и семейной жизни, не говоря уже о государстве и религии - выявила повторение одной и той же схемы. Среда обитания преобразуют по образцу тех условий, в которых наблюдается хорошее поведение, но желаемое поведение не появляется. Двести лет экологизма такого рода дали очень немного, говорящее в их пользу, причем по простой причине. Прежде чем изменять окружающую среду, мы должны выяснить, каким образом она воздействует на поведение, прежде чем мы сможем изменить её так, чтобы (целенаправленно) изменить поведение. Простое смещение центра внимания с человека на окружающую среду имеет мало значения.

Давайте рассмотрим несколько примеров, в которых окружающая среда берёт на себя функции и роль автономной личности. И самая первая особенность, о которой часто говорят, что она свойственна человеческой природе - это *агрессия*. Люди часто действуют так, чтобы нанести вред другим, и они по-видимому часто получают подкрепление при виде признаков нанесенного другим вреда. Этологи особо подчеркивают факторы выживания (индивида), которые

способствуют сохранению этой особенности в генетическом фонде вида, однако факторы подкрепления тоже важны в жизни индивида, ведь любой, кто действует агрессивно, чтобы причинить вред другим, вероятно, получает подкрепление и иными способами - например, присваивая их имущество. Факторы подкрепления объясняют поведение совершенно независимо от какого-либо "психического состояния" или "чувства" агрессии или иного "побудительного мотива" автономной личности.

Другим примером так называемой "черты характера" является *предприимчивость*. Одни люди трудолюбивы в том смысле, что работают энергично в течение длительных периодов времени, а другие ленивы и пассивны в том смысле, что этого не делают. "Предприимчивость" и "лень" - это лишь одна пара среди тысяч так называемых "черт характера". Но поведение, которое они обозначают, можно объяснить и по-другому. Некоторые из них можно отнести на счёт индивидуальных генетических особенностей (их можно изменить только генетически), а остальные - на счёт факторов окружающей среды, которые намного сильнее, чем обычно полагают. Независимо от особенностей генетики, лежащих в пределах нормы, поведение организма будет варьировать в диапазоне от интенсивной деятельности до абсолютного покоя в зависимости от схем подкрепления, по которым оно получает подкрепление. Такое объяснение ушло от "черт характера" в сторону предыстории подкрепления поведения в окружающей среде.

Третий пример - это вид якобы "когнитивной" деятельности - *внимание*. Индивид реагирует только на небольшую часть стимулов, действующих на него. Традиционная точка зрения состоит в том, что индивид якобы сам по себе определяет, какие стимулы должны быть действенными, "обращая внимание" на них. Утверждается, что некий внутренний привратник позволяет некоторым стимулам войти и не пропускает все другие. Внезапный или сильный стимул может прорваться и "привлечь" внимание, но во всех остальных случаях считается, что этим процессом управляет сам индивид. Однако анализ факторов окружающей среды в корне изменяет это отношение. Те виды стимулов, которые прорываются, "привлекая внимание", способны на это именно потому, что в эволюционной истории вида или личной истории индивида они были связаны с важными - например, опасными - ситуациями. Менее "настойчивые" стимулы привлекают внимание лишь в той мере, в какой они выступают (как оперантные стимулы) в факторах подкрепления. Мы можем задать такие факторы подкрепления, которые обеспечат то, чтобы организм, даже такой "простой" организм, как голубь, будет реагировать на один объект, а не на другому, или на одно свойство объекта, например, его цвет, а не на другие, например, на его форму. Так мы заменили "внутреннего привратника" на факторы внешней среды, действию которых организм подвергался, и которые при этом произвели отбор стимулов, на которые он теперь реагирует.

Согласно традиционным представлениям человек воспринимает мир вокруг себя и действует на него, чтобы познать его. В переносном смысле он как бы протягивает руку и схватывает его. Он "берёт его" и "обладает им". Он "познаёт" его в смысле библейского выражения "мужчина познаёт женщину". Кое-кто даже утверждал, что мир не существовал бы, если бы никто его не воспринимал. Анализ факторов окружающей среды действует прямо противоположно. Конечно, восприятия не было бы, если бы не было мира, подлежащего восприятию, но существующий мир вовсе не воспринимался бы, если не было соответствующих факторов подкрепления. Мы говорим, что ребенок воспринимает лицо матери и узнает его. Доказательством этого служит тот факт, что ребенок реагирует одним образом на лицо матери и совсем по-другому на другие лица или другие вещи. Он делает это различие не благодаря некоему "когнитивному" акту

восприятия, а вследствие пережитых ранее факторов внешней среды. Некоторые из них могут быть факторами, важными для выживания. Физические особенности биологического вида являются особенно стабильными компонентами среды, в которой развивается этот вид. (Вот почему ухаживанию и половым сношениям, а также отношениям между родителями и потомством отведено такой видное место этологами).

Лицо и мимика матери получают прочную взаимосвязь с безопасностью, теплом, пищей и другими вещами, важными в ходе как эволюции человека как вида, так и индивидуальной жизни ребенка.

Мы научаемся воспринимать в том смысле, что мы учимся реагировать на вещи определенным образом из-за тех факторов подкрепления, компонентами которых они являются. Например, мы можем воспринимать Солнце просто потому, что оно - чрезвычайно мощный стимул, однако оно было постоянным компонентом окружающей среды биологического вида на протяжении всей его эволюции, и более конкретное поведение по отношению к нему могло селектироваться факторами выживания (как это было у многих других биологических видов). Солнце также фигурирует во многих нынешних факторах подкрепления: мы выходим на солнечный свет или уходим в тень в зависимости от температуры; мы ждем восхода или заката Солнца, чтобы что-то практически сделать; мы говорим о Солнце и его воздействии; и, наконец, мы изучаем Солнце научными инструментами и методами. Наше восприятие Солнца зависит от того, что мы делаем по отношению к нему. Всё равно, что мы делаем и, соответственно, воспринимаем при этом, фактом остается то, что именно окружающий мир действует на воспринимающего его человека, а не наоборот.

Восприятие и знание, получаемые из речевых факторов, являются еще более очевидными результатами действия окружающего мира. Мы реагируем на объект множеством практически различных способов из-за его цвета; например, мы выбираем и едим яблоки определенного сорта красного цвета, а не зеленого. Понятно, что мы можем "видеть разницу" между красным и зеленым, но тут есть что-то большее, когда мы говорим, что мы *знаем*, что одно яблоко красное, а другое - зеленое. Отсюда возникает склонность говорить, что познание - это якобы когнитивный процесс, полностью оторванный от практики, однако факторы подкрепления позволяют нам делать более полезное различие. Когда кто-то спрашивает о цвете какого-то объекта, который он не может видеть, и мы говорим ему, что он красный, мы вообще ничего не делаем с этим объектом. Только человек, который задал нам вопрос и услышал наш ответ, предпринимает практические действия, которые зависят от цвета этого объекта. Только при помощи речевых факторов подкрепления говорящий может реагировать на отдельно взятое свойство, на которое адекватно отреагировать невербально просто невозможно. Реагирование на некое отдельное свойство объекта, во всём остальном игнорирующее сам объект, называется *абстрактным*. Абстрактное мышление является продуктом специфической (общественной) окружающей действительности, а отнюдь не "когнитивных способностей".

В качестве слушателей мы извлекаем из языкового поведения окружающих нечто вроде знания, которое может быть чрезвычайно ценным, позволяя нам избежать прямого воздействия факторов подкрепления. Мы учимся на опыте других, реагируя на то, что они рассказали нам о факторах подкрепления. Если нас предупредили не делать чего-то или посоветовали сделать что-то, то тут, возможно, нет смысла говорить о знании, но когда мы получаем предупреждения и советы более долговечного и общего характера в виде афоризмов или правил, то можно

сказать, что мы получили особый вид знаний о тех факторах подкрепления, к которым их можно применить. Законы науки являются описаниями факторов подкрепления, и поведение того, кто знает научный закон, может быть эффективным и без того, чтобы он подвергался действию факторов, описываемых этим законом. (И, конечно, у него будут очень разные эмоции по поводу этих факторов, в зависимости от того, следовал ли он правилам или подвергся их непосредственному действию. Научное знание "сухо", но поведение, которое оно порождает, столь же эффективно, как и "живое" знание, которое даёт личный опыт).

Исайя Берлин разглагольствовал о знании в некоем особом смысле, которое, как говорят, открыл Джамбаттиста Вико. Это якобы "то чувство, благодаря которому я знаю, что такое быть бедным, или бороться за правое дело, или принадлежать к нации, или вступить в церковь или партию или отречься от них, или чувствовать ностальгию, ужас, вездесущность бога, или понимать жесты, произведения искусства и шутки, или характер человека, или что он преображён или просто лжёт самому себе ". Вещи такого рода скорее всего можно узнать лишь при прямом действии факторов подкрепления, а не из языкового поведения других, и несомненно, что с ними связаны особые виды чувств, но даже и в этом случае знание не даётся непосредственно, "по наитию". Человек может знать, что это такое - борьба за убеждения, только после долгой предыстории, за время которой он научился ощущать и знать ту ситуацию, которая называется борьбой за убеждения.

Роль окружающего мира особенно неясна, когда познаваемым является сам познающий. Если якобы нет никакого внешнего мира, инициирующего процесс познания, то не должны ли мы тогда сказать, что изначально действует сам познающий? Тут, конечно, мы имеем дело со сферой сознания, или самосознания - той сферой, в игнорировании которой часто обвиняют научный анализ поведения. Это - серьезное обвинение, и его надо принимать всерьез. При этом говорят, что человек отличается от других животных главным образом тем, что он "осознаёт своё собственное существование." Он сознаёт, что делает; он сознаёт, что у него было прошлое и будет будущее; он "раздумывает о природе самого себя"; он один следует античному предписанию "познай самого себя". Любой анализ человеческого поведения, который пренебрегает этими фактами, был бы действительно неполноценен. И некоторые аналитики именно таковы. То, что называется "методологическим бихевиоризмом", ограничивает себя лишь тем, что можно объективно наблюдать; "когнитивные" процессы могут существовать, но они по своей природе выведены им за пределы научного исследования. Так называемые "бихевиоралисты" в политологии и многие логические позитивисты в философии придерживались аналогичной линии. Однако самонаблюдение можно изучать, и его надо включать в любое разумное всеобъемлющее описание человеческого поведения. Вместо того, чтобы игнорировать самосознание, экспериментальный анализ поведения выделяет его определенные важнейшие аспекты. Вопрос не в том, может ли человек познать самого себя, а в том, что именно он познает, когда делает это.

Эта проблема возникает отчасти из-за того, что личность - это неоспоримый факт: маленький кусочек Вселенной заключен в кожу человека. Было бы глупо отрицать существование этого внутреннего мира, но столь же глупо утверждать, что из-за того, что это "личность", она имеет иную природу, чем внешний мир. Различие состоит не в материале, из которого состоит "внутренний мир", а в (малой) доступности к нему. Головная боль, боли в сердце или монолог в уме ощущаются исключительно самой личностью. Эта интимность иногда мучительна (невозможно закрыть глаза на головную боль), но не обязательна; она, как казалось ранее,

является обоснованием доктрины, что знание является своего рода собственностью.

Трудность состоит в том, что хотя интимность может сблизить знающего с тем, что он знает, она вмешивается в сам процесс, благодаря которому он в состоянии познать вообще что-либо. Как мы видели в главе 6, условия, в которых ребенок учится описывать свои чувства, по необходимости далеки от совершенства; языковое сообщество не может тут использовать процедуры, при помощи которых оно учит ребенка описанию (внешних) объектов. Конечно, существуют природные факторы, под действием которых мы учимся реагировать на внутренние раздражители, и они регулируют поведение с большой точностью; мы не могли бы прыгать, ходить или заводить рукой пружину, если бы мы не получали стимулов от частей собственного тела. Но этот вид поведения очень мало связан с сознанием, и на самом деле, мы выполняем такие акты поведения, большую часть времени вообще не осознавая тех стимулов, на которые реагируем. Мы не приписываем самосознание другим биологическим видам, которые по всей очевидности пользуются подобными внутренними стимулами. Как будто "знать" внутренние стимулы - это нечто большее, чем реагировать на них.

Языковое сообщество специализируется на само-описательных действиях. Оно задает такие вопросы как: Что ты делал вчера? Что ты делаешь сейчас? Что ты будешь делать завтра? Зачем ты это сделал? Вы действительно хотите это сделать? Как вы к этому относитесь? Ответы на них помогают людям эффективно управлять друг другом. И именно потому, что ему задают такие вопросы, человек реагирует на себя самого и на своё поведение тем особым образом, который называют сознанием или самосознанием. Без помощи языкового сообщества все поведение будет без осознания. Сознание - это продукт общества. Оно не только *не* является особой сферой деятельности автономной личности, но и просто недостижимо для человека-одиночки.

А полная точность (управления сферой личного сознания) недостижима ни для кого. Интимность "внутреннего мира", которая казалось бы, приближает самопознание, на самом деле делает невозможным для языкового сообщества создание точных факторов подкрепления. Интроспективные словари по самой своей природе неточны, и это одна из причин широчайшего разнобоя между разными направлениями философии и психологии. Даже тщательно обученный наблюдатель попадает впросак при изучении новых внутренних стимулов. (Независимые данные о внутренней стимуляции, например, при помощи методов физиологии, могли бы дать возможность уточнения факторов, которые генерируют самонаблюдение и могли бы, вероятно, подтверждать конкретные интерпретации. Но такие данные не могут, как мы уже отмечали в главе I, служить свидетельствами в пользу теорий, которые приписывают поведение человека действию наблюдаемых внутренних факторов).

Теории психотерапии, которые делают упор на самосознании, приписывают активную роль автономной личности, которую на самом деле, и гораздо более эффективно, играют факторы подкрепления. Самосознание может помочь, если проблема отчасти состоит в отсутствия осознания и "понимания" пациентом своего состояния может помочь, если он предпримет действия в нужном направлении, но осознание или понимание само по себе далеко не всегда достаточно, и надеяться на это - значит ожидать слишком многого. Человеку вовсе не обязательно осознавать своё поведение или факторы, управляющие им, для того, чтобы вести себя адекватно - или неадекватно. Всё как раз наоборот. Например, вопрос лягушки сороконожке (как она управляется с таким количеством ног, от которого она не смогла больше передвигаться) показывает, что постоянное самонаблюдение может быть помехой. Virtuозный пианист будет

играть плохо, если он станет следить за своим поведением, подобно ученику, который только учится играть.

Культуры часто оценивают соответственно тому, насколько они поощряют самонаблюдение. Утверждают, что некоторые культуры плодят безмозглых людей, и что Сократом восхищались из-за того, что он побуждал людей познавать самих себя, но самонаблюдение - это только одна из предпосылок к действию. Мера того, насколько человек *должен* осознавать себя, зависит от важности самонаблюдения для эффективности поведения. Самопознание является ценным только в той мере, в какой оно помогает справиться с факторами, которые его вызвали.

Возможно, последним оплотом автономной личности является та сложная "когнитивная" деятельность, которая называется мышлением. В силу своей сложности она лишь медленно поддавалась объяснению с точки зрения факторов подкрепления. Когда говорят, что человек *различает* красный и оранжевый, то подразумевают, что различение - это разновидность акта мышления. Но оказывается, что сам человек не делает ничего такого: он просто реагирует по-разному на красный и оранжевый стимулы, но это - результат различения, а вовсе не сам акт. Точно так же, когда говорят, что человек *обобщает*, скажем, на основании своего собственного ограниченного опыта на мир в целом, то мы видим лишь то, что он реагирует на весь мир в целом так, как он научился реагировать на свой собственный маленький мирок. Когда говорят, что человек *формулирует концепцию* или *абстракцию*, мы видим всего лишь, что некоторые виды факторов подкрепления поставили поведенческую реакцию под управление одного единственного свойства раздражителя. Когда говорят, что человек *вспоминает* или *помнит* то, что он видел или слышал, мы видим лишь то, что нынешняя ситуация вызывает реакцию (вероятно в ослабленном или измененном виде), выработанную в другой ситуации. Когда говорят, что человек *ассоциирует* одно слово с другим, мы наблюдаем лишь то, что один словесный стимул вызывает реакцию, которую ранее вызывал другой. Вместо того, чтобы воображать, что это якобы автономная личность и различает, и обобщает, и формулирует концепции или абстракции, и вспоминает или помнит, и ассоциирует, мы можем привести всю эту неразбериху в порядок, просто заметив, что эти термины не имеют отношения к формам поведения.

Но человек может предпринять конкретное действие, когда он решает проблему. Собирая головоломку, он может перемещать части друг относительно друга, что даёт ему шансы находить совпадающие части. При решении уравнения он может переносить его члены, сокращать дроби и извлекать корни, что увеличивает его шансы привести уравнение к тому виду, решение которого он уже знает. Творческий скульптор может манипулировать глиной, пока не слепится что-то интересное. Многие из этого можно сделать "в уме", и тогда, вероятно, это припишут системе другого порядка, но это всегда можно сделать открыто, вероятно, более медленно, но зачастую и более эффективно, и за редкими исключениями этому можно научиться только в открытую. Культура способствует мышлению, создавая специальные факторы подкрепления. Она учит человека делать более тонкие различия при помощи всё более точного дифференциального подкрепления. Она учит приёмам, которые используются при решении проблем. Она даёт правила, благодаря которым не приходится подвергаться действию факторов, на основании которых выведены эти правила, и даёт правила для отыскания новых правил.

Самоконтроль или самоуправление - это особый вид решения проблем, который, как и самопознание, затрагивает все вопросы, связанные с интимностью "внутреннего мира". Мы

обсуждали некоторые приёмы в связи с управлением с помощью отрицательного подкрепления в главе 4. И всегда именно окружающая среда формирует поведение, при помощи которого решаются проблемы, даже тогда, когда эти проблемы могут быть заключены во "внутреннем мире" под кожей человека. Ничто из этого всё ещё не было исследовано достаточно продуктивным образом, однако неадекватность прошлого анализа - не причина для того, чтобы опять впасть в менталистское благоговение перед разумом-чудотворцем. Если наше понимание факторов подкрепления всё ещё не достаточно для того, чтобы объяснить все виды мышления, мы должны помнить, что апелляция к "разуму" вообще ничего не объясняет.

Передавая управление поведением от автономной личности объективно наблюдаемому окружающему миру, мы не представляем организм как пустышку. Под кожей происходит масса процессов, и физиология в конечном счете даст нам больше знаний об этом. Она объяснит, почему поведение действительно обусловлено предшествующими событиями, функцией которых, как можно продемонстрировать, оно действительно является. Эту задачу не всегда правильно понимают. Многие физиологи считают своей задачей поиск "физиологических коррелятов" так называемых когнитивных актов. Физиологические исследования рассматриваются ими просто как более научная версия интроспекции. Однако физиологические методы, конечно, не способны обнаруживать или измерять личности, идеи, взгляды, чувства, побуждения, мысли или цели. (Если бы это было так, то нам бы пришлось отвечать и на третий вопрос в дополнение к поставленным в главе 1: "Как может личность, идея, чувство, или цель воздействовать на приборы физиолога?") В настоящее время ни интроспекция, ни физиология не дают сколько-нибудь адекватной информации о том, что происходит внутри человека, когда он выполняет акты поведения, а поскольку обе они пьются внутрь человека, они имеют тот же самый негативный эффект, отвлекая внимание от воздействия внешнего мира.

Большая часть путаницы вокруг "внутреннего человека" происходит от метафоры "хранения информации". Эволюционная и индивидуальная (пред)история изменяют организм, но они не хранятся в нем. Например, видя, что младенцы сосут грудь матери, мы можем легко представить себе, что сильная тенденция к такому поведению имеет ценность для выживания, однако нечто гораздо большее подразумевается под названием "сосательный инстинкт", который рассматривается как нечто, чем младенец якобы обладает и что наделяет его способностью сосать. Концепция "человеческой природы" или "генетической наследственности" является опасной, когда её применяют в этом смысле. Мы ближе к человеческой природе как дети, чем как взрослые люди, или в первобытном состоянии, чем в цивилизованном, в том смысле, что в первом случае меньше вероятность того, что генетическая наследственность будет заслонена действием факторов окружающего мира, и есть соблазн драматизировать эту наследственность, представляя себе, что якобы более ранние стадии сохранились в скрытой форме: мол, человек - это голая обезьяна, и "палеолитический самец, который сохранился во внутренней сущности мужчины, по-прежнему роет землю лапами всякий раз, когда на социальной сцене делается угрожающий жест." Но анатомы и физиологи не найдут ни обезьяну, ни "самца", ни какие-то там "инстинкты". Они найдут анатомические и физиологические особенности, которые являются результатом эволюции.

Ещё часто утверждают, что в человеке якобы "хранится" его личная история. Под "инстинктом" подразумевается "привычка". Считается, что привычка курить - это нечто большее, чем поведение, о котором говорят, что оно свидетельствует, что человек обладает ею; но реально у нас нет иной информации кроме имеющей отношение к подкреплениям и схемам подкрепления,

которые понуждают человека много курить. Но факторы подкрепления не "хранятся"; они просто делают человека другим.

Об окружающем мире часто говорят, что он хранится в виде воспоминаний. Мол, вспоминая что-то, мы ищем (в памяти) его копию, которую затем можно разглядывать как оригинал, который мы когда-то видели. Но насколько известно, в личности вообще никогда не существует копий окружающего мира, даже тогда, когда сам предмет перед нами и мы его рассматриваем. О результатах более сложных факторов подкрепления тоже говорят, что они якобы "хранятся"; например, репертуар поведения, усваиваемый человеком, учащимся говорить по-французски называют "знание французского языка."

О чертах характера, являющихся производными как факторов выживания, так и факторов подкрепления, тоже говорят, что они "хранятся." Любопытный пример приведен в "Современной американской речи" - "Modern American Usage" Фоллетта: "Мы говорим: *He faced these adversities bravely* - Он смело взглянул в лицо этим невзгодам, зная без сомнений, что храбрость - это свойство человека, а не взгляда; храбрый поступок - это поэтическое представление поступка человека, который проявляет храбрость, совершая его". Но мы называем человеком смелым из-за его действий, он ведет себя мужественно, когда факторы окружающего мира побуждают его вести себя так. Обстоятельства изменяют его поведение; но они не "придают" ему черты характера или достоинства.

О мировоззрении также говорят как о вещи, которой обладают. О человеке утверждают, что он говорит или действует определенным образом потому, что он имеет соответствующее мировоззрение - например, идеализма, диалектического материализма или кальвинизма. Термины такого рода подытоживают воздействие факторов окружающего мира, возникновение которых теперь уже трудно проследить, но эти факторы обязательно существовали и их нельзя игнорировать. Человек, который обладает "мировоззрением либерализма" - это тот, кто определённым образом был изменен под действием литературы либерализма.

Этот вопрос занимает любопытное место в теологии. Грешит ли человек потому, что он грешен, или же он грешен потому, что он грешит? Ни та, ни другая постановка вопроса не ведёт ни к чему полезному. Сказать, что человек грешен, потому что он грешит - это просто определение греха как действия. Сказать, что он грешит, потому что он грешен - это пытаться проследить его поведение к некоей гипотетической "внутренней" черте характера. Но то, предаётся или нет человек поведению, называемому греховным, зависит от обстоятельств, которые ни та, ни другая постановка вопроса не учитывает. Грех, постулируемый как внутренняя одержимость (грех, который человек "познал"), можно найти в предыстории его оперантного подкрепления. (Выражение "богобоязненный" намекает на такую предысторию, но "благодетель, добродетель, имманентность бога, нравственное чувство и мораль" - нет. Как мы уже видели, человек - не моральное животное в смысле обладания особыми чертами характера или добродетелями, он создал особую социальную среду, которая побуждает его вести себя нравственно).

Эти различия имеют практические последствия. Говорят, что недавний опрос белых американцев показал, что "более половины винит в низком образовательном и экономическом статусе негров "нечто присущее самим неграм". Это "нечто" они дополнительно объясняли как "отсутствие мотивации", которое, мол, надо отличать от совокупности факторов наследственности и окружающей среды. Важно заметить, что они утверждали, что мотивация

связана со "свободой воли". Такой метод отрицания роли окружающей среды позволяет предотвращать любое исследование порочных факторов подкрепления, являющихся причиной "отсутствия мотивации".

Задача экспериментального анализа поведения человека состоит в том, чтобы лишать "автономную личность" функций, которые ей ранее приписывались, и передавать их одну за другой под управление окружающей среды. Анализ оставляет все меньше и меньше дел для автономной личности. Ну а что можно сказать о самом человеке? Есть ли нечто в личности, представляющее собой что-то более, чем живое тело? Если от того, что называют "собой", ничего не останется, то как можно будет говорить о самопознании или самоконтроле? Кому тогда адресовать требование "Познай самого себя"?

Важной частью факторов подкрепления, действующих на маленького ребёнка, является то, что лишь его собственное тело остаётся той частью окружающей среды, которая остается той же (идентичной себе) от минуты к минуте и изо дня в день. Мы говорим, что он обнаруживает свою *идентичность* по мере того, как он учится отличать своё тело от всего остального мира. Это происходит задолго до того, как окружающие научат его названиям вещей и отличию "меня" от "оно" или "ты".

Личность является репертуаром поведения, уместным в отношении определённой совокупности (системы) факторов подкрепления. Значительная часть факторов, действующих на человека, может играть доминирующую роль, поэтому в других условиях человек может сказать: "Я сегодня сам себя не узнаю", или: "Быть того не может, чтобы я сделал то, что вы обо мне говорите, потому что это мне совсем не свойственно". Идентичность, приписываемая личности, создаётся факторами подкрепления, ответственными за её поведение. Два или более репертуара, генерируемые разными наборами факторов подкрепления, формируют дву- (или более) - личность. Человек имеет один репертуар поведения, действующий в его отношениях с друзьями, и другой, действующий в его семейной жизни, и друзья могут обнаружить, что он совсем другая личность в кругу семьи, а семья не узнает его, увидев его в кругу друзей. Проблема идентичности возникает тогда, когда ситуации смешиваются, например тогда, когда человек общается одновременно и с семьёй, и с друзьями.

Самопознание и самоконтроль подразумевают раздвоение личности именно в этом смысле. Самопознающее "я" почти всегда является продуктом социальных факторов, но осознаваемая личность может происходить из других источников. "Я" самоконтроля (совесть или "сверх-я") имеет социальное происхождение, но управляемая личность скорее всего является продуктом генетической восприимчивости к подкреплению ("оно" или "древний Адам"). "Я" самоконтроля обычно представляет интересы окружающих, а управляемое "я" - интересы самой личности.

Картина, которую выявляет научный анализ поведения - это не тело с личностью внутри него, а тело, которое *является* личностью в том смысле, что она исполняет сложный репертуар поведения. Эта картина, разумеется, непривычна.

Такое изображение человека незнакомо, и с традиционной точки зрения может показаться, что это вообще не человек. "По меньшей мере уже сто лет", заявил Джозеф Вуд Кратч, "мы являемся жертвами предрассудков в любой теории, в том числе экономического детерминизма, механистического бихевиоризма и релятивизма, которые унижают достоинство человека так, что он перестает быть человеком вообще в том смысле, который признавали гуманисты

предыдущего поколения". Мэтсон утверждал, что "эмпирический ученый-бихевиорист ... отрицает, пусть и косвенно, что вообще существует уникальное существо, называемое Человеком." "То, что сейчас подвергают нападкам", сказал Маслоу, "это "сущность" человека." Льюис заявил без обиняков: "Человек отменяется".

Ясно, что есть определенные трудности с определением человека, к которому эти выражения относятся. Льюис не мог иметь в виду человеческий род - он не только это не отменяется, а заполняет собой землю. (В результате этого он может в конечном итоге уничтожить сам себя - болезнями, голодом, загрязнением окружающей среды или ядерной катастрофой, но это вовсе не то, что имел в виду Льюис). К тому же отдельно взятые люди не становятся менее адаптированными или плодовитыми. Нам заявляют, что под угрозой находится "человек в смысле Человека", или "человек в смысле человечности", или "человек в смысле "Вы", а не "это", или "человек как личность, а не вещь." Всё это не совсем ясные выражения, но в них содержится намёк. То, что якобы "отменяется" - это автономная личность, внутренний человек, дух-гомункулюс, демон-обладатель, человек, защищаемый литературой свободы и чести.

Необходимость отменить его уже давно назрела. Автономная личность - это трюк, используемый для того, чтобы объяснить то, что мы не можем объяснить каким-либо иным способом. Она была сооружена из наших заблуждений, и по мере того, как наши знания увеличивается, сам материал, из которого она состоит, исчезает. Наука не дегуманизирует человека, она избавляет его от внутреннего гомункулюса, и она обязана это делать для того, чтобы предотвратить гибель человечества как вида. Человеку в смысле (*когнитивистского идеалистического - примечание behaviorist-socialist*) гомункулюса мы охотно скажем: "Скатертью дорожка". Только избавившись от него, мы сможем обратиться к действительным причинам человеческого поведения. Только тогда мы сможем перейти от гипотетического к наблюдаемому, от чудес к природе, от неприступного к управляемому.

Часто говорят, что делая это, мы относимся к "остаточному" человеку лишь как к животному. "Животное" - это уничижительное прозвище, но всего лишь потому, что слово "человек" мошеннически подразумевает нечто величественное. Кратч утверждал, что в то время как традиционный взгляд соответствует восклицанию Гамлета "Сколь богоподобно!" то якобы взгляд Павлова - исследователя поведения - подчеркивает: "Сколь подобно собаке!" Однако на самом деле это шаг вперед. Бог - это образцовый архетип фантастических "объяснений", чудотворной души и всей метафизики. Человек - это нечто гораздо большее, чем собака, но подобно собаке он доступен научному анализу.

Это правда, что большая часть экспериментального анализа поведения производилась на низших животных. Генетические различия были сведены до минимуму использованием чистых линий; их предыстория воздействия окружающего мира контролировалась, возможно, с момента рождения; в течение длительных экспериментов поддерживалась строгая регламентация; а ведь очень немного из этого допустимо в отношении людей. Более того, работая с низшими животными, ученый менее склонен к тому, чтобы исказить данные своим собственным отношением к экспериментальным условиям, или задать факторы подкрепления в расчёте их воздействия на самого себя, а не изучаемый подопытный организм. Никто не возмущается, когда физиологи изучают дыхание, размножение, питание или эндокринную систему на животных; они делают это, используя их очень большое сходство с человеком. Обнаруживается такого рода сходство и в поведении. Конечно, всегда существует опасность того, что методы, разработанные

для изучения низших животных, будет подчеркивать только те характеристики, которые они имеют общими с людьми, но мы не сможем обнаружить того, что является "специфически" человеческим, пока мы не изучим не-человеческий подопытный материал. Традиционные теории автономной личности всегда преувеличивали межвидовые различия. А ведь некоторые сложные факторы подкрепления, исследуемые в настоящее время, формируют у низших организмов поведение, о котором, будь испытываемые людьми, традиционно говорят, что оно включает в себя высшие мыслительные процессы.

Человека не превращают в машину, анализируя его поведение в механистических терминах. Ранние теории поведения, как мы уже видели, представляли человека как автомат с притяжением и отталкиванием, близкое к понятию девятнадцатого века о машине, но с тех пор мы продвинулись вперед. Человек - это машина в том смысле, что он является сложной системой, поведение которой закономерно, но сложность которой необычна. Его способность адаптироваться к факторам подкрепления, возможно, в конечном итоге будет смоделирована в машинах, но этого еще не было сделано, и живая система, которую смоделируют таким образом, останется уникальной в других отношениях.

Человека не превращает в машину и то, что он использует машины. Некоторые машины связаны с монотонным и постоянно повторяющимся поведением, и мы по возможности избегаем их, но другие чрезвычайно расширяют наши возможности воздействия на окружающий мир. Человек может работать с очень мелкими объектами при помощи электронного микроскопа, а с очень большими объектами - при помощи радиотелескопов, и при этом его дела могут показаться совсем нечеловеческими тем, кто пользуется лишь своими органами чувств без помощи инструментов. Человек может воздействовать на окружающую среду утонченной точностью микроманипулятора или дальнодействием и мощностью космической ракеты, и его действия могут показаться нечеловеческими тем, кто использует лишь силу своих мышц. (Утверждалось, например, что аппарат, используемый в оперантной лаборатории, искажает естественное поведение, потому что использует внешний источник энергии, но люди пользуются внешними источниками, энергии, даже когда запускают воздушных змеев, плавают на парусных лодках, или стреляют из луков. Им пришлось бы отказаться должны отказаться от большей части своих достижений, если бы они использовали лишь силу своих мышц.) Люди записывают поведение в книгах и других средствах хранения информации, и пользование этими записями может показаться весьма нечеловеческим тем, кто может пользоваться лишь тем, что они помнят. Люди описывают сложные факторы подкрепления в виде правил, и правила для применения правил, и вводят их в ЭВМ, которые "думают" со скоростью, которая кажется абсолютно нечеловеческой для не вооруженного электроникой мыслителя. Человеческие существа делают все это при помощи машин, и они были бы нечто меньшее, чем человек, если бы они этого не сделали. То, что мы в настоящее время рассматриваем как "механическое" поведение, на самом деле было гораздо более распространено до изобретения этих машин. Раб на хлопковом поле, бухгалтер за конторкой, ученик, зубрящий наизусть под присмотром учителя - вот это как раз и были машиноподобные люди.

Машины заменяют людей, когда могут делать то, что прежде делали люди, и социальные последствия этого могут быть очень серьезными. По мере развития технологии, машины берут на себя все больше и больше функций людей, но только до определенного момента. Мы строим машины, которые уменьшают определённые отрицательные особенности окружающего мира (например, изнурительный труд), и которые дают нам больше положительного подкрепления.

Мы строим их именно потому, что их действие именно такое. Нет смысла создавать машины, получающие подкрепление от этих последствий, ведь это означало бы лишать самих себя этого подкрепления. Если машины, которые делает человек, в конечном итоге сделают его полностью ненужным, то это произойдет случайно, а не намеренно. *(Ох, не факт: вся история капитализма состоит в преднамеренной замене человеческого труда овеществленным (машинным), хотя, как объяснял ещё Маркс, это ведёт к снижению доли переменного капитала и, как следствие, к падению нормы прибыли и кризисам - примечание behaviorist-socialist)*

Важную роль автономной личности видели в том, что она якобы даёт направление поведению человека, и часто утверждалось, что лишившись этого внутреннего "действующего начала" сам человек останется без цели существования. Как выразился один писатель: "Так как научная психология должна рассматривать поведение человека объективно, как его определяют законы необходимости, то она должна представлять человеческое поведение лишенным намерений." Но "законы необходимости" имели бы такое действие лишь в том случае, если они имеют отношение исключительно предшествующим условиям. А намерение и цель относятся к избирательным последствиям, действие которых может быть сформулировано как "законы необходимости". Имеет ли жизнь, во всех формах, в которых она существует на Земле, цель, и является ли это свидетельством "намерений творца"? Рука человекообразной обезьяны эволюционировала с той целью, чтобы можно было успешнее манипулировать предметами, но её цель надо искать не в "изначальном промысле", а в процессе естественного отбора. Аналогичным образом, в области оперантного кондиционирования цель умелого движения руки можно обнаружить в последствиях, которые следуют за ним. Пианист ни приобретает, ни выполняет акт поведения, плавно играя гамму из-за предварительного намерения это сделать. Плавно сыгранная гамма даёт подкрепление по многим причинам, и именно они отбирают умелые движения. Ни в эволюции человеческой руки, ни в обретенном (практикой) пользовании рукой нет никакого изначального намерения или цели.

Аргумент в пользу существования цели, как кажется, усиливается при движении вспять в темные закоулки мутаций. Жак Барзун утверждал, что Дарвин и Маркс пренебрегали не только человеческими целями, но и целями творения, ответственными за все те вариации, на которые действует естественный отбор. Может оказаться, что это так, ведь некоторые генетики утверждают, что мутации не являются полностью случайными, однако неслучайность не обязательно является доказательством существования "творческого промысла". Мутации не будут случайными, когда генетики явно смогут их делать целенаправленно для того, чтобы организм более успешно реагировал на конкретные условия селекции, и тогда будет казаться, что генетики играют роль "творческого разума" из предэволюционных теорий, но цель, которую их проявляют, следует искать в их культуре, в социальной среде, которая побудила их сделать генетические изменения сообразно факторам выживания.

Существует разница между биологической и индивидуальной целью - та, что последнюю можно чувствовать. Никто не мог чувствовать цель эволюции человеческой руки, в то время как человек может в некотором смысле чувствовать цель, с которой он плавно играет гамму (на пианино). Но он плавно играет гамму *не потому*, что он чувствует цель этих действий; то, что он чувствует - это побочный продукт поведения в отношении его последствий. Отношение между человеческой рукой и факторами выживания, под действием которых она эволюционировала, конечно, недоступно для личного наблюдения; однако для него доступно отношение между поведением и факторами подкрепления, которые его вызвали.

Научный анализ поведения отнимает бразды правления у автономной личности и передает управление, которое ей приписывают, окружающей обстановке. Тогда может показаться, что человек чрезвычайно уязвим. Им отныне управляет окружающий мир, и в значительной степени - другие люди. Разве он просто-напросто не жертва? Конечно, люди были жертвами, и их жертвами были другие люди, но это слишком сильное сказано. Это означает разбой, что ни в коем случае не является важным следствием межличностного управления. Однако не является ли индивид даже под доброжелательным управлением в лучшем случае зрителем, который может наблюдать, что происходит, но бессилён что-либо изменить? Разве он не "в тупике своей долгой борьбы за управление своей собственной судьбой"?

На самом деле попала в тупик только автономная личность. Сам человек может управляться окружающей средой, но это среда, которая почти целиком - его собственное творение. Материальная среда обитания большинства людей в значительной степени создана человеком. Дороги, по которым ходит человек, стены, которые его защищают, одежда, которую он носит, многое из продуктов, которые он ест, инструменты, которыми он пользуется, транспортных средства в которых он ездит, и большинство того, что он слышит и видит - сделано людьми. Социальная среда, разумеется, тоже сделана людьми - она создала язык, на котором человек говорит, обычаи, которым он следует, и шаблоны поведения, которые он повторяет в отношении этических, религиозных, государственных, экономических, образовательных и психотерапевтических институтов, которые управляют им. Эволюция культуры на самом деле является своего рода гигантским упражнением в самоконтроле. Соответственно тому, как индивиды управляют собой, действуя на мир, в котором живут, человеческий род создал среду, в которой его члены ведут себя наиболее эффективным образом. При этом делались ошибки, и у нас нет никаких гарантий того, что среда, созданная человеком, будет и далее давать выгоды, которые перевешивают потери, но человек, как мы его знаем, к лучшему или к худшему, это именно то, что сделало человека человеком.

Это не удовлетворит тех, кто кричит: "Жертва"! Как протестовал Льюис: "... власть человека делать то, что ему нравится ... означает ... власть немногих людей заставлять других людей делать то, что им нравится." Это неизбежно по самой сути культурной эволюции. Управляющее "я" должно быть другим, чем управляемое "я", даже если они оба находятся внутри одной и той же человеческой кожи, и когда управление осуществляется путем конструирования окружающей среды, то эти "я" за редкими исключениями различны. Человек, который случайно или намеренно вводит в обиход новую культурную практику, является лишь одним из вероятно миллиардов людей, которые будут затронуты ею. Если это не выглядит как акт самоконтроля, то только потому, что мы всегда неправильно понимали суть индивидуального самоконтроля.

Когда индивид изменяет свою материальную или социальную среду "преднамеренно", то есть для того, чтобы изменить поведение людей, в том числе, возможно, и своё собственное, то он выступает в двух ролях: одной - в качестве управляющего, конструктора управляемой культуры, и другой - в качестве управляемого, как продукт культуры. В этом нет никакого противоречия; это следует из характера эволюции культуры, будь то плановой или без плана.

Человеческий род, вероятно, не претерпел особых генетических изменений за историческое время. Лишь тысяча поколений отделяет нас от художников, расписавших пещеры вроде Ласко. Особенности, которые имеют прямое отношение к выживанию (например, сопротивляемость болезням) существенно изменились за тысячу поколений, но ребенок одного из художников

Ласко, перенесённый в современный мир, вероятно, был бы почти неотличим от современного ребенка. Возможно, что он учился бы более медленно, чем наш современник, или мог бы усвоить без путаницы меньший репертуар поведения, или что он забывал бы его быстрее; об этом нельзя сказать ничего определённого. И мы можем быть уверены, что ребенок двадцатого века, пересаженный в цивилизацию пещеры Ласко, не очень отличался бы от детей, которых он там встретит; мы знаем, что происходит, когда современный ребенок воспитывается в обстановке нищеты.

Человек сильно изменил себя как личность за тот же период времени, изменяя мир, в котором он живет. Примерно за сто поколений произошло развитие современных религиозных верований, и примерно за то же время - развитие современного государства и права. Возможно, что не более двадцати поколений понадобилось для развития технологий современной промышленности, и, возможно, не более чем четыре или пять - для развития образования и психотерапии. Развитие физических и биологических технологий, которые увеличили чувствительность человека к окружающему его миру и его силы изменить этот мир заняли не больше, чем четыре или пять поколений.

Человек стал "управлять своей судьбой", если это выражение вообще что-либо значит. Человек, созданный людьми, является продуктом культуры, созданной людьми. Он - результат двух совершенно разных процессов эволюции: биологической эволюции, создавшей человека как биологический вид, и культурной эволюции, проделанной этим видом. Оба эти процесса эволюции теперь можно ускорить, потому что они оба станут объектом направленного конструирования. Люди уже изменили среду генетическую наследственность в результате селективного размножения и изменяющихся факторов выживания, и они теперь могут начать вводить мутации, имеющие непосредственную связь с выживанием. В течение долгого времени люди вводили новые виды практики, которые служат в качестве культурных мутаций, и они изменили условия, при которых происходит отбор этих практик. Теперь они могут начать делать и то и другое с ясным пониманием последствий.

Можно полагать, что человек по-прежнему будет изменяться, но невозможно сказать, в каком направлении. Никто не смог бы предсказать эволюцию человеческого вида в любой конкретной точке его ранней истории, и направление целевого генетического проектирования будет зависеть от эволюции культуры, которая сама непредсказуема по аналогичным причинам. "Пределы совершенства человеческого вида," как утверждал Этьен Кабе в книге "Путешествие на Икарии", "пока неизвестны." Конечно, пределов не существует. Человеческий род никогда не достигнет конечного состояния совершенства, до своего уничтожения - "одни говорят, что в огне, другие - что во льду", а ещё другие - от радиоактивности.

Индивид занимает место в культуре подобно месту в биологическом виде, и это место с жаром обсуждалось в ранней теории эволюции. Является ли вид просто типом индивида, и если да, то в каком смысле он может эволюционировать? Сам Дарвин объявил вид "чисто субъективным изобретением систематиков." Вид не имеет существования, кроме как совокупности индивидов, как его не имеет ни семья, ни племя, ни раса, ни нация или класс. Культура не имеет существования помимо поведения индивидов, которые придерживаются её традиций. Всегда именно человек своим поведением воздействует на окружающую среду и изменяется в результате последствий своих действий, и он же сохраняет социальные факторы подкрепления, которые и являются культурой. Индивид является носителем и генофонда вида, и своей

культуры. Культурные практики, подобно генетическим признакам, передаются от индивида к индивиду. Новая практика, подобно новому генетическому признаку, появляется сперва у индивида и имеет тенденцию передаваться, если она способствует его выживанию как индивида.

С другой стороны индивид является в лучшем случае локальной точкой, в которой в уникальном наборе собраны многие направления развития. Его индивидуальность несомненна. Каждая клетка его тела - это уникальный генетический продукт, столь же уникальный, как и классический символ индивидуальности - отпечатки пальцев. И даже в самой регламентированной культуре каждая личная судьба уникальна. Никакая плановая культура не в состоянии уничтожить эту уникальность, и, как мы видели, любое усилие сделать это свидетельствует, что этот план - никудышный. Но тем не менее индивид остается лишь этапом в процессе, который начался задолго до того, как он родился, и будет длиться ещё долго после его смерти. Он не несет окончательной ответственности ни за генетическую черту вида, ни за культурную практику, даже если именно он претерпел мутацию или ввел в обиход практику, которые стали особенностью вида или культуры. Даже если бы Ламарк был прав, предполагая, что человек может изменить свою генетическую наследственность личным усилием, мы должны указать на факторы окружающей среды, побуждающие к этому усилию, и это же мы должны будем делать, когда генетики начнут изменять наследственность человека. И когда индивид занимается целенаправленным конструированием культурной практики, мы должны учитывать, что это культура побуждает его делать это, и представляет ему мастерство или науку, которые он при этом использует.

Одной из громадных проблем индивидуализма, редко признаваемой как таковая, является смерть - неизбежная судьба индивида, завершающий удар по его свободе и чести. Смерть - это одно из тех отдалённых событий, которые влияют на поведение только при помощи культурных практик. То, что мы видим - это смерть других людей, как в знаменитой метафоре Паскаля: "Представьте себе множество людей в окопах, и всем им вынесен приговор смертной казни, и некоторых из них каждый день убивают на глазах у остальных, а уцелевшие видят, что их собственное состояние то же, что и их собратьев, и, глядя друг на друга с горем и отчаянием ждут своей очереди. Таков образ человеческого существования". Некоторые религии делали смерть ещё важнее, изображая будущее существование на небесах или в аду, однако индивидуалист имеет особую причину бояться смерти, созданную не религией, а литературой свободы и чести. Это - перспектива личного уничтожения. Индивидуалист не может найти утешения в размышлениях о каком-либо достижении, которое переживет его. Он отказался действовать на благо других людей, и, следовательно, не получает подкрепления от того факта, что другие, которым он помог, переживут его. Он отказался от забот о выживании своей культуры и не получает подкрепления от того факта, что культура еще долго будет жить после него. В защиту своей свободы и чести он отрицал вклады (в культуру), сделанные в прошлом, и следовательно, должен отказаться от всех претензий на будущее.

Вероятно, наука никогда еще не требовала более радикальных изменений традиционного образа мышления о предмете, да и не было более важной темы. В традиционной картине человек воспринимает мир вокруг себя, выбирает частности для восприятия, делает различия между ними, оценивает их как хорошие или плохие, изменяет их, чтобы сделать их лучше (или, если он легкомыслен, то чтобы сделать их хуже), может понести ответственность за свои действия и получить справедливое вознаграждение или наказание за их последствия. А в научной картине

мира человек является представителем биологического вида, сформированного эволюционными факторами выживания, проявляющим поведенческие процессы, которые держат его под управлением среды, в которой он живет, и в значительной степени под управлением социальной среды, которую он и миллионы других ему подобных построили и содерживали в ходе эволюции культуры. Направление управляющего воздействия здесь обратное: не человек воздействовать на мир, а мир воздействует на него.

С таким изменением трудно согласиться просто на рассудочных основаниях, и почти невозможно согласиться с его последствиями. Реакция традиционного мышления обычно описывается в терминах чувств. Одним из этих чувств, на которое обратили внимание фрейдисты для объяснения сопротивления психоанализу, является уязвленное тщеславие. Сам Фрейд нанес, как сказал Эрнест Джонс, "один из трех тяжелых ударов, которые получил нарциссизм или себялюбие человечества от руки науки. Первый - космологический, был нанесен Коперником; второй - биологический, был нанесен Дарвином; и третий - психологический, был нанесен Фрейдом". (От этого удара пострадала вера в то, что нечто в самом центре личности знает всё, что происходит внутри её, и что инструмент, называемый силой воли, осуществляет контроль и управление всей остальной личностью).

Но каковы признаки или симптомы уязвленного самолюбия, и как мы можем их объяснить? Что люди *делают* против такой научной картины человека? - они называют её неправильной, оскорбительной и опасной, оспаривают её и нападают на тех, кто предлагает или защищает её. Они делают это не из уязвленного тщеславия, а потому, что научное мировоззрение разрушило их привычные подкрепления. Если человек не может больше получать признание или восхищение за то, что он делает, тогда ему кажется что его лишают личного достоинства и чести, и поведение, ранее получавшее подкрепление признательностью или восхищением, претерпевает угасание. Такое угасание часто вызывает агрессивное нападение.

Другой эффект научной картины мира было описано как потеря веры или "силы духа", как чувство сомнения или бессилия, или как уныние, депрессия или отчаяние. Тогда говорят, что человек чувствует, что не может ничего поделать со своей собственной судьбой. Но то, что он чувствует - это ослабление старых реакций, которые больше не получают подкрепления. Люди действительно "бессильны", когда давно укоренившиеся репертуары речевого поведения оказываются бесполезными. Например, один историк жаловался, что если делами людей "пренебрегают, как всего лишь результатом материального и психологического кондиционирования," то о них вообще нечего писать; "деяния должны по меньшей мере хотя бы частично быть результатом сознательной психической деятельности."

Ещё один эффект похож на ностальгию. Старые репертуары поведения вырываются наружу, при этом цепляются за сходство между настоящим и прошлым и преувеличивают его. Прошлые называют старыми добрыми временами, когда признавались внутренне присущее человеку достоинство и важность духовных ценностей. Такие фрагменты отжившего поведения имеют тенденцию быть "тоскливыми", то есть имеют характер всё более безуспешного поведения.

Такие реакции на научную концепцию человека, конечно, достойны сожаления. Они парализуют людей доброй воли, и любой, кто обеспокоен будущим культуры, должен делать всё возможное, чтобы исправить их. Ни одна теория не изменяет того, о чём она трактует. Ничего не изменяется от того, что мы смотрим на него, говорим о нем, или анализируем его по-новому.

Поэта Китса привел в замешательство анализ радуги Ньютоном, но радуга осталась такой же красивой, как и прежде, а для многих даже стала еще более красивой. Человек не изменяется оттого, что мы смотрим на него, говорим о нем и научно анализируем его. Его достижения в областях науки, государства, религии, искусства и литературы остаются такими, какими они всегда были, которыми можно восхищаться, как восхищаются бурей на море, осенней листвой или горной вершиной, совершенно независимо от их происхождения и без вмешательства научного анализа. Что действительно изменяется, так это наши шансы изменить что-то, являющееся предметом теории. Анализ Ньютоном цветов радуги был шагом в направлении лазера.

Традиционная концепция человека прельстительна; она наделяет привилегиями, дающими подкрепление. Поэтому её так легко защищать и так трудно потеснить. Она была выдумана для того, чтобы сделать человека инструментом обратной связи, и сделала это очень эффективно, но так, что это остановило прогресс. Мы уже видели, как литература свободы и чести, в хлопотах об автономной личности, увековечила применение наказаний и одобрила использование лишь очень слабых методов поощрения, и тут нетрудно продемонстрировать взаимосвязь между неограниченным правом индивида стремиться к счастью и катастрофами, которыми угрожают неограниченный рост населения и безудержная жажда богатства, которые истощают ресурсы и загрязняют окружающую среду, а также ядерная война. Физические и биологические технологии - подмога в борьбе против эпидемий и голода, а также многих болезненных, опасных и изнурительных явлений повседневной жизни; ну а поведенческие технологии могут положить начало исцелению других видов общественных недугов. Вполне возможно, что в области анализа поведения человека мы зашли лишь немного дальше, чем Ньютон его анализом (спектра видимого) света, так как мы лишь начинаем использовать прикладную технологию. У нас есть прекрасные возможности, которые тем более замечательны, что традиционные подходы были крайне неэффективны. Трудно представить себе мир, в котором люди живут вместе без конфликтов, обеспечивают своё существование, производя нужные им продовольствие, жилье и одежду, наслаждаются сами и способствуют совершенствованию других в искусстве, музыке, литературе и играх, потребляют только разумная часть ресурсов мира и минимально загрязняют его, не рожают больше детей, чем могут благополучно вырастить, продолжают исследовать окружающий мир и открывать более эффективные способы его использования, достигли безошибочного знания самих себя и, следовательно, эффективно управляют собой. А ведь всё это возможно, и даже малейшие прогрессивные явления в состоянии произвести те самые изменения, о которых выражаясь традиционно, можно сказать, что они лечат уязвленную гордость, компенсируют чувство безнадежности или ностальгии, устраняют мнение, что "мы не можем и нам не нужно делать что-нибудь для самих себя", поощряют "чувство свободы и чести" путем укрепления "чувства уверенности в себе и личного достоинства." Другими словами, они должны дать обильное подкрепление тем, кому их культура даёт стимулы трудиться ради её процветания.

Экспериментальный (бихевиористский) анализ видит детерминанту поведения не в автономной личности, а в окружающей среде, которая ответственна и за эволюцию (человека как) вида, и за репертуар поведения, приобретенного каждым индивидом.

Ранние версии такого подхода были неадекватными, поскольку они не могли объяснить, каким образом действует окружающая среда, отчего казалось, что многое осталось в ведении автономной личности. Однако факторы окружающей среды теперь явно овладели функциями,

которые ранее приписывались автономной личности, отчего возникает ряд вопросов. "Упраздняется" ли этим сам человек? Конечно, не как биологический вид или его индивидуальные достижения. Упраздняется лишь автономная внутренняя "личность", и это - шаг вперед. Но разве человек не становится тогда лишь жертвой или пассивным наблюдателем того, что с ним происходит? Да, им действительно управляет окружающая его среда, но мы должны помнить, что это среда, которую в значительной степени он создал сам. Эволюция культуры является массовым актом самоконтроля. Часто говорят, что научное мировоззрение вызывает у человека уязвленное тщеславие, чувства безысходности и ностальгии. Но ни одна теория сама не изменяет того, о чём эта теория трактует; человек остается таким, каким он всегда был. И новая теория может изменить то, что можно сделать с помощью её инструментов. Научное понимание поведения человека открывает перед нами захватывающие перспективы. Мы всё еще не видели того, что человек способен создать из самого себя.